

1892 годъ.

М а й.

№ 2.

ДНЕВНИКЪ

Артиста

приложение къ журналу

Артистъ

Годъ 4-й.
Книга 5.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и №, Пименов. ул., соб. домъ.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ:

	<i>Стр.</i>
I. ГАМЛЕТЪ, ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ, трагедія В. Шекспира, переводъ П. П. Гнѣдича. Актъ 4-й, сцѣпа 2-я (съ портретомъ г-жи Томсонъ)	1
II. ПИСЬМА А. Н. ОСТРОВСКАГО къ Ѳ. А. Бурдину (окончаніе).	7
III. МАЛИНОВЫЙ ЗВОНЪ, разсказъ Е. П. Гославскаго.	14
IV. НОЧЬ ВЪ САДУ, стпх. Ю. А. Веселовскаго.	24
V. СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ:	
<i>Малый театръ:</i> „Порывъ“, др. Н. О. Ракшаипна, ст. И. И. Иванова.	
„Навожденіе“, ком. г.г. Крпипцкаго и Воронежскаго, ст. Ф. Дебюты г.г. Ильинскаго и Анчарова-Эльстонъ, ст. Х.	25
<i>Выставка картинъ въ Академіи художествъ и XX передвижная выставка, ст. И. И. П—ва.</i>	32
<i>Выставка картинъ изъ частныхъ собраній Москвы, ст. А. Ки—лева.</i>	39
<i>Большой театръ:</i> „Ролла“, опера г. Симона, ст. С. Н. Кругликова. Дебюты г-жъ Караффа, Марковой, Дамбровской, Зыбной и Телѣгиной и г.г. Клементьева и Соколова, ст. А. Н. С.	42
<i>Русское Музыкальное Общество, 12-е симфоническое собраніе, ст. —скаго.</i>	48
<i>Моск. Филармоническое Общество. Оперный ученическій спектакль, ст. А. П. С. Экзаменаціонный спектакль драматическихъ классовъ, ст. V.</i>	49
<i>Театръ въ д. Шеллапутина. Русское оперное товарищество, ст. С. Н. Кругликова.</i>	53
<i>Второе музыкальное утро дѣтскаго хора и оркестра г. Эрарскаго, ст. А. Н. С.</i>	54
<i>Петербургъ. Поѣздка драм. труппы въ Варшаву.—Нѣмецкая труппа г. Бока.—Г. Маджи.—Французскій театръ и г. Кокленъ, ст. Г. Г-жа Мравина.—Дебютанты Маріинской сцены.—Десятое собраніе Общества Камерной музыки.—Г-жа Есипова, ст. Леля.</i>	54
<i>Корреспонденціи изъ Вильно, Казани, Одессы, Пензы, Риги, Саратова, Тамбова, Тифлиса и Харькова</i>	58
VI. ХРОНИКА	62

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- VII. ШАШКИ, шутка въ 1 д. Н. Криницкаго.
Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей (34 стр.).
- VIII. ПОРТРЕТЪ г. ЮЖИНА въ Гамлетъ (съ фотографіи г. Трунова, фототипія Т-ва И. Н. Кушнерева и К^о).
- IX. ПОРТРЕТЪ А. Н. ОСТРОВСКАГО, (автотипія Ангереръ и Гешль въ Вѣнѣ).

ДНЕВНИКЪ

АРТИСТА

№ 2.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ

„АРТИСТЪ“

М а й

1892 года.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко,
Пименовская улица, собственный домъ.

1892.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
I. ГАМЛЕТЪ, ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ, трагедія В. Шекспира, переводъ П. П. Гнѣдича. Актъ 4-й, сцена 2-я (съ портретомъ г-жи Томсонъ)	1
II. ПИСЬМА А. Н. ОСТРОВСКАГО къ Ѳ. А. Бурдину (окончаніе).	7
III. МАЛИНОВЫЙ ЗВОНЪ, разсказъ Е. П. Гославскаго.	14
IV. НОЧЬ ВЪ САДУ, стих. Ю. А. Веселовскаго.	24
V. СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ:	
<i>Малый театръ</i> : „Порывъ“, др. Н. О. Ракшанина, ст. И. И. Иванова. „Навожденіе“, ком. г.г. Криницкаго и Воронежскаго, ст. Ф. Дебюты г.г. Ильинскаго и Анчарова-Эльстонъ, ст. Х.	25
<i>Выставка картинъ въ Академіи художествъ и XX передвижная выставка</i> , ст. И. И. П—ва.	32
<i>Выставка картинъ изъ частныхъ собраній Москвы</i> , ст. А. Ки—лева.	39
<i>Большой театръ</i> : „Ролла“, опера г. Симона, ст. С. Н. Кругликова. Дебюты г-жъ Караффа, Марковой, Дамбровской, Зыбиной и Телѣгиной и г.г. Клементьева и Соколова, ст. А. Н. С.	42
<i>Русское Музыкальное Общество</i> , 12-е симфоническое собраніе, ст. —снаго.	48
<i>Моск. Филармоническое Общество</i> . Оперный ученическій спектакль, ст. А. П. С. Экзаменаціонный спектакль драматическихъ классовъ, ст. V.	49
<i>Театръ въ д. Шеллапутина</i> . Русское оперное товарищество, ст. С. Н. Кругликова.	53
<i>Второе музыкальное утро дѣтскаго хора и оркестра г. Эрарскаго</i> , ст. А. Н. С.	54
<i>Петербургъ</i> . Поѣздка драм. труппы въ Варшаву.—Нѣмецкая труппа г. Бока.—Г. Маджи.—Французскій театръ и г. Кокленъ, ст. Г. Г-жа Мравина.—Дебютанты Маріинской сцены.—Десятое собраніе Общества Камерной музыки.—Г-жа Есипова, ст. Леля.	54
<i>Корреспонденціи</i> изъ Вильно, Казани, Одессы, Пензы, Риги, Саратова, Тамбова, Тифлиса и Харькова	58
VI. ХРОНИКА	62

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- VII. ШАШКИ, шутка въ 1 д. Н. Криницкаго.
 Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей (34 стр.).
- VIII. ПОРТРЕТЪ г. ЮЖИНА въ Гамлетѣ (съ фотографіи г. Трунова, фототипія Т-ва И. Н. Кушнерева и К^о).
- IX. ПОРТРЕТЪ А. Н. ОСТРОВСКАГО, (автотипія Ангереръ и Гешль въ Вѣнѣ).

Дневник Артиста. 1892. №2 май.

Объявления.

Гамлетъ,

ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Вильяма Шекспира.

(Съ сокращеніями, согласно требованіямъ сцены).

Переводъ П. П. Гнѣдича.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СЦЕНА ВТОРАЯ *).

Эльсиноръ. Комната въ замкѣ.

Королева.

Я не желаю съ нею говорить...

Гораціо.

Она такъ проситъ васъ... Она совсѣмъ
Помѣшана. . Такое состоянье
Достойно сожалѣнья...

Королева.

Что ей нужно?

Гораціо.

Все про отца твердитъ она, клянетъ
Нашъ міръ, п тяжко, глубоко вздыхаетъ.
Бьетъ въ грудь себя,—ее намекъ малѣйшій
Волнуетъ... Въ безпорядочныхъ словахъ
Съ трудомъ возможно уловить нить мысли...
...Что-то хочетъ

Она сказать, но что—повясть нельзя,—
Во всякомъ случаѣ, ея разсказъ
Не изъ веселыхъ...

Королева.

Да,—мнѣ надо съ ней

Поговорить... Вели впустить ее...

(Гораціо уходитъ.)

...Когда на сердцѣ

Темно, и совѣсть нечиста,—игрушка
Намъ кажется придвѣстникомъ несчастья.
Грѣхъ подозрителенъ,—боясь, чтобы его
Не обнаружили, онъ самъ себя порой
Предъ всѣми выставляетъ на показъ.

(Входятъ Гораціо и Офелія.)

Офелія.

Гдѣ прелестная королева Даніи?

Королева.

Ну, что, Офелія?

Офелія (поетъ)

Проходятъ люди мимо,—*)

Гдѣ-же милый твой?

Онъ въ шляпѣ пилигрима,

Съ посохомъ, съ сумой...

Королева.

О, Боже! Что значить это пѣніе... Офелія?..

Офелія.

И вы спрашиваете?.. Слушайте, слушайте!

Онъ умеръ—схоронили,

Онъ въ землѣ сырой;

Могилу придавили

Дѣрномъ и плитой.

Видите!

Королева.

Офелія,—милая...

Офелія.

Да нѣтъ—вы слушайте:

Былъ саванъ бѣлоснѣжный

(Входитъ Король.)

Королева.

Взгляните на нее, государь!..

Офелія.

Весь въ гирляндахъ розъ!

Друзей толпою нѣжной

Пролило много слезъ...

*) Въ Петербургѣ съ этой сцены начинали актъ.

*) Музыка къ этимъ пѣснямъ -- см. „Артистъ“, № 4.

Король.

Что съ вами, милая Офелія?

Офелія.

Все прекрасно!.. Очень вамъ благодарна... Вѣдь вотъ рассказываютъ, что дочь булочника обратилась въ сову... Ваше величество, мы знаемъ, что мы такое, но не знаемъ, что насъ ожидаетъ въ будущемъ... Господь Богъ да сохранить васъ...

Король.

Все объ отцѣ...

Офелія.

Не будемъ объ этомъ говорить, пожалуйста! А когда спросятъ, что это все значить, можете отвѣтить:

Вотъ Валентиновъ день насталь,

Я поднялась съ зарей...

«—Я, Валентина, милый другъ,

Стою передъ тобой...»

* *

Вскочивъ съ постели, отворилъ

Предъ дѣвушкой онъ дверь...

Она вошла... Потомъ ушла...

Дѣвицы нѣтъ теперь!

Король.

Офелія, дорогая...

Офелія.

А! что клятвы!.. Я уже закончу:

О, Боже, Боже! Обмануть

Печальную—за что?

Ахъ, что за важность! родъ мужской

И созданъ вѣдь на то...

* *

—Ты общалъ вести къ вѣнцу?..

Увы, мои мечты!..

—Я общалъ дѣвицъ—да!

Дѣвица развѣ ты?..

Король.

Давно-ли это съ ней?

Офелія.

Я надѣюсь, что все кончится хорошо: надо быть терпѣливыми. Но мнѣ ничего не осталось, какъ только плакать, когда вспомню, что онъ въ холодной землѣ. Мой братъ, конечно, долженъ узнать про это, — и я благодарю васъ за добрый совѣтъ. Велите подать карету. Покойной ночи милая, прелестныя дамы... покойной ночи... покойной ночи... (Уходитъ.)

Король.

Гораціо—прошу васъ хорошенько

За ней слѣдите—очень васъ прошу.

(Гораціо уходитъ.)

Какъ глубоко, какъ страшно это горе!

Безспорно, смерть отца—его причина

Гертруда, о, Гертруда! знай: печали

Не ходятъ одиночно,—цѣлымъ войскомъ

Онѣ идутъ на насъ... Убить Полоній,—

Твой сынъ въ изгнаньѣ, — (заслужилъ

вполнѣ

Своимъ поступкомъ онъ изгнанье это) —

Народъ взволнованъ,—говоръ тутъ и тамъ
Идетъ насчетъ убійства... Мы большую
Ошибку сдѣлали, похоронивъ
Его тайкомъ, безъ почестей народныхъ...
Теперь—Офелія! ея разсудокъ
Затмился, и она уже себѣ
Принадлежать не можетъ: чловѣкъ
Безъ разума—картина—звѣрь, не больше...
И наконецъ, послѣдняя бѣда,
Важнѣйшая быть можетъ: воротился
Изъ Франціи сюда тайкомъ Лаэртъ...
Его душа сомнѣньями полна,—
Сомнительные слухи о кончинѣ
Его отца передаются всюду—
Потребность въ этихъ гнусныхъ клеветахъ
Остановить нельзя: изъ устъ въ уста
Передаваться будетъ наше имя...
О, милая Гертруда, это все
Смертельнымъ для меня грозитъ исходомъ.

(Шумъ за дверями.)

Королева.

Что тамъ за шумъ!

(Входитъ Придворный.)

Король.

Послушай—что такое?

Гѣлохранителей позвать скорѣе

И двери охранять,—въ чемъ дѣло?

Придворный.

Ваше

Величество, спасайтесь!... Тамъ Лаэртъ,

Съ толпою возмущенной опрокинулъ.

Всѣхъ вашихъ слугъ... Его толпа вождемъ

Своимъ зоветъ: бывое позабыто,—

Толпа реветъ: «Тебя мы избираемъ,

Ты будешь королемъ! Лаэртъ—король!»

Королева.

Съ какимъ восторгомъ, подлая собаки,

Измѣнники, ревутъ на ложный слѣдъ...

Король.

Ворвались...

(Шумъ за сценой. Лаэртъ вооруженный, за нимъ Датчане.)

Лаэртъ.

Гдѣ король? А вы, друзья

Останьтесь тамъ, оберегайте дверь.

Мерзавецъ! Отвѣчай—гдѣ мой отецъ?

Король.

О, успокойся, милый мой Лаэртъ!

Лаэртъ.

Малѣйшая частица, капля крови,

Которая теперь во мнѣ могла бы

Спокойною остаться,—будетъ явнымъ

Свидѣтельствомъ, что мой отецъ обманутъ

Былъ матерью, что я не сынъ его...

Король.

Что за причина этого возстанья?..

Оставь его, Гертруда,—не страшись

За нашу жизнь,—особа короля

Окружена священнымъ ореоломъ,—

Свои мечи измѣна преклоняетъ

Передъ лицомъ монарха... Говори,
Лаэртъ,—чѣмъ раздраженъ ты? О, Гертруда,
Оставь его!... Ну, что же—говори!

Лаэртъ.

Гдѣ мой отецъ?

Король.

Онъ умеръ.

Королева.

Но король

Невинепъ въ смерти...

Король.

Дальше!

Лаэртъ.

Какъ онъ умеръ?

Я шутокъ не терплю!...

Я не боюсь мукъ ада! Я надъ этой

И надъ грядущей жизнию смѣюсь!

Пусть будетъ то, что будетъ! Все равно!

Вотъ до чего дошелъ я!—я отмищу

За смерть отца во что бы то ни стало!

Король.

Что-жь можетъ помѣшать тебѣ?

Лаэртъ.

Ничто!

Ничто не помѣшаетъ! Цѣлый міръ

Не остановитъ... Силъ настолько хватить,

Что совершу я все!

Король.

Лаэртъ, послушай:

Ужели ты, желая правду знать

О смерти твоего отца, желаешь,

Охваченный порывомъ мести, всѣхъ

Губить—и друга и врага?—

Лаэртъ.

Врага!

Врага и только...

Король.

Хочешь знать, кто онъ?

Лаэртъ.

Друзьямъ я вотъ какъ широко раскрою

Объятія свои,—какъ пеликанъ,

Я кровію своей ихъ напою.

Король.

Ну, вотъ теперь, Лаэртъ, ты говоришь,

Какъ добрый сынъ, какъ представитель рода.—

Я въ смерти твоего отца невиненъ,

И опечаленъ ею чрезвычайно,—

Тебѣ сейчасъ все это ясно станетъ,

Какъ Божій день...

Датчане (за сценой).

Пускай она войдетъ!

Лаэртъ.

Что тамъ! что тамъ за шумъ?

(Входитъ Офелія, фантастически
убранная цвѣтами.)

О Боже, Боже!

Огонь небесный, иссуши мнѣ мозгъ,

Вы, слезы,—выжгите мои глаза,

Клянусь, клянусь я за твое безумье

Возмездіемъ ужаснымъ отплачу!..

Цвѣтокъ весенній мой, сестра моя,
Офелія!... О Господи!

Офелія (поетъ).

Несли его въ гробъ съ открытымъ лицомъ...

И плакали всѣ и рыдали...

Прощай, голубокъ мой!...

Лаэртъ.

Останься у тебя разсудокъ, ты не возбудила
бы меня къ мести больше, чѣмъ теперь...

Офелія.

А вы спойте какъ пряжи поютъ: «къ кон-
цу, къ концу,—скорѣй къ концу!» Хорошая
пѣсня. Это былъ лживый управляющій: онъ
укралъ у господина дочь...

Лаэртъ.

Это бредъ, но сколько въ немъ смысла!

Офелія.

Вотъ розмаринъ—это для памяти... Помни
обо мнѣ, милый, дорогой!... Вотъ незабудка,—
чтобъ мысли всегда обо мнѣ были...

Лаэртъ.

Безуміе и правда вмѣстѣ... Былыя воспоми-
нанія еще свѣжи...

Офелія.

Вотъ вамъ укропъ и водосборъ... Вотъ вамъ
рута... Мнѣ тоже рута,—для меня она трава
воскресной молитвы... Вы можете руту носить
съ другимъ девизомъ. А вотъ маргаритка...
А фіалокъ нѣтъ, онѣ всѣ завяли, когда отецъ
мой умеръ... Говорятъ, онъ такъ спокойно
умеръ... (Поетъ.)

Тебѣ моя радость, о, счастье мое!...

Лаэртъ.

И страсть и горе, даже самый адъ,
Въ ея устахъ красой небесной дышутъ!

Офелія (поетъ).

Онъ больше не придетъ!

Онъ больше не придетъ!

Онъ больше не вернется!...

Онъ умеръ,—сердце не бьется,

Онъ больше не придетъ!—

Онъ весь былъ сѣдиной

Украшенъ снѣговъ бѣлѣй,

Въ могилѣ онъ подъ землей,—

Не надо плакать надъ ней:

Боже,—душу его упокой!

И души всѣхъ христіанъ!.. Молю Господа!..
Да не оставитъ васъ Богъ... (Уходитъ.)

Лаэртъ.

Боже, видишь-ли Ты это?

Король.

Лаэртъ,—когда ты хочешь справедливымъ
Быть предо мной,—съ тобою раздѣлить
Твою печаль я долженъ... Но сначала
Ты избереши среди своихъ друзей
Мудрѣйшихъ,—пусть они рѣшатъ нашъ споръ,
Всѣ выслушаютъ пререканья наши,
И будутъ судьями межъ нами. Если
Они найдутъ, что я причастенъ къ дѣлу
Убийства твоего отца,—готовъ

Отдать я все: корону, жизнь и парство,—
Все, что своимъ теперь считаю я—
Но если нѣтъ,—то долженъ терпѣливымъ
Ты быть,—съ тобою мы соединимся,
Чтобъ вмѣстѣ обь отмщенѣ помышлять.

Лаэртъ.

Пусть будетъ такъ!.. Я мести жажду, мести!

Король.

Повѣрь: ты будешь удовлетворенъ,—
И гдѣ вина—тамъ упадетъ ударъ
Возмездія... *) Пойдемъ со мной...

(Уходятъ.)

(Входятъ Гораціо и Слуга.)

Гораціо.

Кто спрашивалъ меня?

Слуга.

Матросы, сударь,—
Они пришли съ письмомъ какимъ-то къ вамъ.

Гораціо.

Пускай войдутъ! (Слуга уходитъ.) Матросы
и письмо,—

Откуда, изъ какой земли?... Кто, кромѣ
Гамлета, можетъ написать ко мнѣ?

(Матросы входятъ.)

Матросъ.

Господь васъ благослови, сударь!

Гораціо.

И васъ также...

Матросъ.

На все воля Божья... Вотъ письмо отъ по-
сланника, что въ Англію отправленъ. Если вы—
Гораціо, какъ мнѣ сказали, такъ это къ вамъ.

Гораціо (читаетъ).

«Гораціо, когда ты прочтешь это посланіе,—
дай средство этимъ ребятамъ дойти до коро-
ля; у нихъ есть къ нему письма. На второй
день нашего плаванія, за нами погнался ко-
рабль съ пиратами и притомъ очень внуши-
тельный. Видя, что намъ отъ него на нашихъ
парусахъ не уйти, пришлось напустить на се-
бя храбрость. Въ горячей схваткѣ, я пере-
прыгнулъ на ихъ палубу,—въ эту минуту они
отчалили, и я остался у нихъ единственнымъ
плѣнникомъ; вели себя они со мною, какъ мо-
гутъ вести себя мерзавцы, прикидывающіеся
порядочными людьми... Но они знали что дѣ-
лали,—и я долженъ сослужить имъ службу.
Пусть передадутъ королю мои письма, а ты
спѣши ко мнѣ, съ такой быстротой, словно
ты спасался бы отъ смерти. У меня есть для
тебя такое повѣствованіе, которое заставитъ
тебя окаменѣть,—и все-таки оно не передастъ
того, что случилось. Эти молодцы проводятъ
тебя ко мнѣ. Розенкранцъ и Гильденстернъ
держатъ свой курсъ на Англію,—о нихъ у
меня тоже есть что поразсказать. Прощай, твой,
какъ всегда, Гамлетъ».

*) Возможенъ прямо переходъ къ вопросу Лаэрта—„Но что-жъ теперь“ и т. д. Сцена же Гораціо пропускается.

Пойдемте! Я васъ провожу, куда
Отдать должны вы письма,—поскорѣе...
Потомъ меня сведете вы къ тому
Кто васъ сюда послалъ... (Уходятъ.)
(Входятъ Король и Лаэртъ.)

Король.

Теперь съ меня ты снимешь обвиненіе,—
Теперь меня зачислить долженъ ты
Въ число друзей твоихъ, друзей ближайшихъ
Ты знаешь все: убійца твоего
Отца,—имѣлъ посягнуеніе также—
И на меня...

Лаэртъ.

Но что-жъ теперь?.. Отецъ
Лежитъ въ могилѣ,—а сестра безумна;
Она была живое воплощеніе
Всѣхъ совершенствъ... О, мечь моя наста-
нетъ! —

Король.

Оставь печаль свою, Лаэртъ,—не думай
Что мы настолько вялы и безпечны,
Чтобъ позволять смѣяться надъ собою—
И находить забавнымъ это... Нѣтъ,—
Ты самъ увидишь очень скоро. Я
Любилъ Полонія,—самихъ себя
Мы тоже любимъ... Можешь самъ понять...

(Входитъ Слуга.)

Ну что? какія новости?

Слуга.

Отъ принца

Гамлета письма... Королевѣ, ваше
Величество, и вамъ...

Король.

Какъ? отъ Гамлета?

Кто ихъ принесъ?

Слуга.

Какіе-то матросы,
Я ихъ не видѣлъ,—письма отдалъ Клавдій...

Король.

Я ихъ прочту тебѣ, Лаэртъ... Ступай! (Слу-
га уходитъ.) (Читаетъ.) «Высочайшій и
могущественнѣйшій монархъ. Узнайте: я на-
гой высаженъ на берегъ вашего королевства.
Завтра я буду просить дозволеніе предстать
предъ ваши королевскія очи и тогда, извинив-
шись предварительно за то, что осмѣлился
васъ обезпокоить, изложу вамъ исторію моего
внезапнаго и страннаго возвращенія. Гамлетъ».

Что это значитъ?... Неужели всѣ
Обратно возвратились? Иль, быть можетъ,—
Все это штуки и ломанье, вздоръ...

Лаэртъ.

Рука знакома вамъ?

Король.

Да—это

Писалъ Гамлетъ... «Нагой!»

А тутъ внизу въ постъ-скриптумѣ приписка:
«Одинъ»... Что скажешь ты, Лаэртъ,
Что посоветуешь?

А. И. ЮЖИНЪ въ роли *Гамлета*,

съ фотографіи г. Трунова въ Москвѣ.

Фототшія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

Лаэртъ.

Я, право, ваше

Величество, не понимаю, какъ
Все это вышло; чувствую одно—
Онъ возвратится: эта мысль мою
Печаль утѣшила... Его увижу,
Ему въ лицо швырну его поступкомъ,
Скажу: «смотри, ты вотъ что сдѣлалъ»!...

Король (*про себя*)
Такъ!

Иначе и не можетъ быть... Иначе
И поступить вельзя... (*Вслухъ.*) Лаэртъ, ты
будешь

Во всемъ повиноваться мнѣ?

Лаэртъ.

О, да!

Но только если, государь, вы къ миру
Меня склонять не станете...

Король.

Я дамъ

Миръ для души твоей... Когда назадъ
Онъ возвратился самовольно, если
Онъ не желаетъ предпринять пути,
Назначеннаго нами,—я устрою
Ему такое дѣло,—(совершенно
Оно теперь въ моемъ умѣ созрѣло)
Что для него нѣтъ выбора иного,
Какъ быть убитымъ... Легкій вѣтерокъ—
И тотъ не пролепечетъ обвиненья,—
И даже королева согласится,
Что это все случайность и не больше.
Два мѣсяца тому назадъ здѣсь былъ
Ламонъ, нормандецъ. Часто въ разговорѣ
Давалъ онъ лестный отзывъ о тебѣ
И о твоёмъ искусствѣ фехтованья,
И наконецъ, однажды въ восхищеньѣ
Воскликнулъ: «вотъ бы вышелъ поединокъ,
Когда бы равный съ нимъ боецъ нашелся»...
Онъ увѣрялъ, что предъ тобой нормандцы
Теряли осторожность, глазъ, проворство...
И этотъ отзывъ отравилъ Гамлету
Его покой,—онъ, завистью сгорая,
Лишь объ одномъ мечталъ, чтобъ ты скорѣе
Сюда пріѣхалъ, чтобъ съ тобой поспорить...
Теперь ты видишь...

Лаэртъ.

Что?

Король.

Лаэртъ! послушай:

Любилъ-ли ты покойнаго отца?
На что бы ты рѣшился, доказать
Желая, что дѣйствительно въ тебѣ
Кровь твоего отца?... Одни слова
Тутъ не помогутъ...

Лаэртъ.

Я ему готовъ

Хоть въ перкви перерѣзать горло.

Король.

Да,—

Нѣтъ мѣста непригоднаго убійству,—

Мечь не должна себѣ имѣть предѣловъ...

Но лучше это все, Лаэртъ, покончить
Домашнимъ образомъ. Гамлетъ узнаетъ,
Что возвратился ты; мы передъ нимъ
Все восхвалять твое искусство будемъ,
Усилимъ вдвое то, что говорилъ
Тогда французъ,—и, наконецъ, устроимъ
Вашъ поединокъ, и закладъ положимъ.
Онъ такъ безпеченъ, такъ великодушенъ,
Онъ такъ далекъ отъ козней, что не станетъ
Смотрѣть рапиръ,—и ты сумѣешь ловко.
Затупленный конецъ перемѣнить
На остріе: одинъ ударъ искусный—
И смерть отца оплачена вполнѣ.

Лаэртъ.

Я это сдѣлаю. Для вѣрной цѣли,
Я остріе свое намажу ядомъ,
Бродячій лѣкаръ мнѣ его ссудилъ.
Конецъ рапиры намочить немного
И никакія зелья и припарки
Цѣлебныхъ травъ во всемъ подлунномъ мірѣ
Отъ смерти не спасутъ, хотя бы только
Царапина пустила каплю крови...
Я этимъ ядомъ шпагу омочу,—
Пусть легкое мое прикосновеніе
Ему дастъ смерть.

Король.

Объ этомъ хорошенько

Подумать надо: время, обстановку,
Все надо взвѣсить,—если подозрѣнье
Прокрадется въ намѣреніе наше
Со стороны кого-нибудь,—такъ лучше
Не трогать этотъ планъ... Должны мы крѣпко
Стоять на нашей почвѣ,—если рухнетъ
Все наше предпріятіе—должны
По-прежнему стоять мы также твердо...
Постой... Есть у меня соображеніе...
Большой закладъ положимъ мы предъ боемъ...
Да, это ясно, такъ!...

Когда васъ бой разгорячитъ, и жажду
Почувствуете вы (а ты старайся,
Чтобъ ваши стычки были горячѣй),
Когда онъ пить попроситъ,—я ему
Такую чашу поднесу—что будетъ
Глотка довольно, чтобы неудачный
Ударъ поправить твой... Но что такое?

(*Входитъ Королева.*)

Что, королева?

Королева.

Горе

Одно другому вслѣдъ идетъ такъ быстро!...
Лаэртъ, твоя сестра въ волнахъ погибла.

Лаэртъ.

Погибла, гдѣ?

Королева.

Гдѣ надъ водой растеть склонившись ива,
Глядясь въ волну серебряной листвою,
Туда пришла Офелія съ цвѣтами,
Вся въ лиліяхъ, фіалкахъ и крапивѣ,—
Она хотѣла пестрые вѣнки

Развѣситъ средь вѣтвей на этой ивѣ,
 Но вѣтвь сломилась—въ плачущій потокъ
 Попадали душистыя гирлянды,
 Она сама упала вслѣдъ за ними...
 Широко распутившись по водѣ,
 Ее держало платье какъ русалку...
 Она, свою не замѣчая гибель,
 Обрывки пѣла изъ старинныхъ пѣсень,—
 Казалось, что съ водой она сроднилась...
 Но долго это длиться не могло:
 Намокло платье; пѣніе замолкло,—
 И ложе изъ подводныхъ травъ объятъ
 Раскрыло ей.

Лаэртъ.

Она погибла?

Королева.

Да!...

Лаэртъ.

Въ потокъ много для тебя воды,
 Офелія,—зачѣмъ же слезъ потоки
 Невольно хлынули изъ глазъ моихъ?...
 Ненадо плакать!.. Слѣзы—дѣло женщинъ!
 Но пѣть—сильна природа... совладать
 Съ ней невозможно... Государь! простите!...
 Есть огненные рѣчи у меня,
 Онѣ могли бы вспыхнуть съ мощной силой...
 Но видите—я плачу... глулыхъ слезъ
 Волпа весь пылъ, весь пламень загасила...

(Уходитъ.)

Г-жа Томсонъ въ роли Офеліи.

Письма А. Н. Островскаго

къ В. А. Бурдину.

(Окончаніе).

Москва, 1 января 1883 г.

Любезнѣйшій другъ, Федоръ Алексѣевичъ! Поздравляю тебя со всѣмъ семействомъ съ новымъ годомъ и желаю тебѣ, во-первыхъ, хорошаго бенефиса, а потомъ всего того, что ты самъ себѣ желаешь. Ты какъ будто сомнѣваешься, пишешь: «что то Богъ дастъ!»— Не сомнѣвайся! Въ Москвѣ пьеса поставлена и дается при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и, все-таки, успѣхъ огромный. Въ обществѣ только и разговоровъ, что о ней, и разговоровъ самыхъ льстивыхъ для меня. Озлобленіе моихъ недоброжелателей и недруговъ доходитъ до бѣшенства. Откуда оно? Не понимаю. Я никому ничего дурного не сдѣлалъ.

А. А. Потѣхинъ писалъ мнѣ, что дѣло объ авторскомъ вознагражденіи должно рѣшиться при первомъ же докладѣ директора министру. Ты, вѣроятно, видишься съ Потѣхинымъ часто; сдѣлай милость, освѣдомись объ исходѣ дѣла и сейчасъ же, ни мало не медля, извѣсти меня. Я измучился ожиданіемъ. Я серьезно боленъ, расхворался еще до праздниковъ и съ тѣхъ поръ сижу, или, лучше сказать, лежу дома. Холода у насъ волчьи.

Москва, 11 января 1883 г.

Отъ всей души поздравляю тебя съ полнымъ успѣхомъ твоего бенефиса. Хорошій сборъ, сочувственное привѣтствіе публики, милостивое вниманіе Государя,—все это тобой заслужено, мой старый другъ. Мы издали порадовались, что, наконецъ, твое честное служеніе, твоя преданность искусству дождались справедливой оцѣнки. Что касается до моего «Красавца», то это можетъ быть единственная пьеса, за успѣхъ которой я ни минуты не сомнѣвался. Я—не хвастунъ, я себя знаю и знаю то, что я дѣлаю. Объяснять тебѣ значеніе моей пьесы на письмѣ было бы очень долго; я скажу только, что эта пьеса значительно оживила меня и подняла мой духъ,

эта пьеса—очень важный шагъ въ моей жизни. Ты знаешь, какъ печально оканчивался для меня новый годъ: въ трудахъ, въ болѣзняхъ, въ огорченіяхъ день за день тянулись несносныя будни: эта пьеса явилась настоящимъ праздникомъ. Постоянно я получаю горячія и даже восторженныя поздравленія отъ самыхъ лучшихъ интеллигентныхъ людей. Пріятно и то, что эта пьеса обнаружила много ослиныхъ ушей, которыя теперь ужъ спрятать мудрено. Впрочемъ, это выраженіе не мое, такъ выразился вслухъ недавно въ партерѣ Малаго театра одинъ господинъ по поводу нѣкоторыхъ критиковъ и фельетонистовъ. Радостная вѣсть, которую ты мнѣ сообщил о моемъ дѣлѣ, покуда еще ничѣмъ не подтверждается. Ты, вѣроятно, бываешь въ конторѣ или кассѣ; справься хорошенько и извѣсти меня. Это для меня вопросъ жизни и смерти.

Москва, 14 января 1883 г.

Посылаю тебѣ подписанное условіе на пьесу «Красавецъ—мужчина»; но что я буду дѣлать съ другимъ, текстъ котораго не написанъ, что мнѣ писать тамъ? Въ прежнемъ письмѣ ты мнѣ писалъ, что П—нъ просилъ извѣстить меня, что мое дѣло *рѣшено*, что я буду получать по 2% за актъ за старыя пьесы и избавленъ отъ обязательства отдавать ихъ въ исключительное пользованіе Императорскому театру. Кѣмъ это *рѣшено*, въ какой формѣ *рѣшено*,—мнѣ ничего неизвѣстно. Ты мнѣ прислалъ двѣ формы условія, обѣ для пьесъ новыхъ, мои требованія о моихъ старыхъ пьесахъ въ эту форму не укладываются, потому что въ нее включено и исключительное пользованіе и неустойка. Я доведенъ до послѣдней крайности, до положенія безвыходнаго. Я отъ постоянныхъ волненій разбитъ окончательно, у меня безпрестанно замиранія сердца и обмороки. Въ ожиданіи общанныхъ мнѣ милостей, я не получаю ни съ одного театра съ августа

мѣсяца поспектакльной платы и живу въ долгъ; я затянулся такъ, что не вижу выхода. Ничего подобнаго въ жизни со мной не бывало. Увѣдомь меня телеграммой хоть въ двухъ словахъ. Отъ этого вопроса зависитъ благосостояніе моего семейства и можетъ быть моя жизнь. До твоего отвѣта мнѣ спать ужь не придется; я и такъ сплю не болѣе двухъ часовъ въ сутки. Вотъ до чего довели меня за мои 36-лѣтніе труды для рус. театра.

Москва, 19 января 1883 г.

Благодарю тебя за увѣдомленіе. Но все-таки я нахожусь въ неизвѣстности, окончательно рѣшено наше дѣло или нѣтъ. Что значитъ: «дѣло задержано формалистикой?» Что тутъ задержано, приведеніе въ исполненіе или самое рѣшеніе? Есть-ли надежда, по крайней мѣрѣ, что эта задержка временная и что я хоть когда-нибудь получу удовлетвореніе.

Между причинами моей болѣзни главное мѣсто занимаетъ нравственное угнетеніе—это необезпеченность средствъ при большомъ семействѣ. Устранится эта причина—и я еще, можетъ быть, протяну сколько-нибудь.

Москва, 20 января 1883 г.

За «Красавца» я денегъ получать не желаю, эти 600 руб. нисколько не поправятъ мои дѣла и только спутаютъ мои расчеты. За сезонъ съ 1-го января я получаю деньги постомъ и они идутъ на прожитіе лѣтомъ въ деревнѣ. Я долженъ до 5.000 руб.; мнѣ вужпо знать, сколько я получу отъ театра, чтобы рассчитать, сколько я, за прожитіемъ, могу ежегодно отчислять на проценты и погашеніе долга. Принявъ въ соображеніе среднее полученіе за прошлые года, можно рассчитать довольно вѣрно, сколько я буду получать по новому положенію. Хотя я долженъ людямъ честнымъ и непритязательнымъ, все-таки я обязанъ предъявить имъ мои расчеты, основанные на официальныхъ документахъ, чтобы согласить ихъ на разсрочку долга. Основываясь на общаніяхъ, я съ ноября мѣсяца ежедневно увѣряю всѣхъ, что дѣло мое рѣшится *на-дняхъ*; вотъ уже прошло два съ половиною мѣсяца и довѣріе къ моимъ общаніямъ можетъ поколебаться, чего со мной во всю жизнь не бывало. А, затянишь дѣло еще недѣли па двѣ, я, чтобы спасти мою честь, которая мнѣ дороже всего, долженъ буду произвести уплату разомъ. А это грозитъ раззореніемъ и мнѣ и моимъ дѣтямъ. Вотъ награда за 36-лѣтніе труды. Я добиваюсь и не могу добиться, чтобы мнѣ сообщили: какое мнѣніе директора по этому предмету было доложено министру и какая именно состоялась резолюція. Сообщили бы хоть одну только резолюцію вѣдь это всего три или четыре строчки. Такое

извѣстіе мнѣ дороже всякихъ денегъ, оно обезпечиваетъ мнѣ покой подъ конецъ моей трудовой жизни. Никакія просьбы, никакія мольбы не могутъ ихъ тронуть, они упорно молчатъ о распоряженіи министра и доводятъ меня до совершеннаго отчаянія.

Москва, 1 апрѣля 1883 г.

Общее собраніе прошло у насъ удовлетворительно хотя было нѣсколько глупыхъ выходокъ, которыя, по своей ничтожности, ничему мѣшать не могутъ, а только разстраиваютъ нервы. Слѣдующее засѣданіе будетъ весьма важно, потому что будетъ происходить выборъ членовъ комитета. Если ты будешь на собраніи, то подай голосъ за прежнихъ членовъ, исключая Ч., который ни разу не былъ въ комитетѣ за весь годъ, за него напиши Ш. Если-же ты не будешь на собраніи, то опять мнѣ пришли довѣренность. У Корша труппа отошла и отправляется давать представленія на Волгѣ, другую труппу онъ еще не набралъ. Что задумываетъ Лентовскій никому неизвѣстно. Когда они явятся въ комитетъ для заключенія новыхъ условій, я переговорю о твоёмъ дѣлѣ съ ними обовми.

Насчетъ петергофскихъ театровъ я подалъ черезъ контору заявленіе и оно уже должно съ недѣлю назадъ поступить въ контроль. Сдѣлай милость, сириси у В.

Москва, 25 апрѣля 1883 г.

Наконецъ, я сподобился видѣть Лентовскаго; на праздникахъ онъ явился ко мнѣ и пробылъ у меня долго. Говорилъ о предположеніяхъ на будущей сезонъ, о репертуарѣ, просилъ моихъ указаній и участія. Труппа у него составляетъ хорошая, къ нему переходятъ лучшіе артисты отъ Корша. Я, разумѣется, спросилъ его, кого онъ думаетъ взять режиссеромъ, онъ отвѣчалъ, что еще не рѣшилъ; тогда я упомянулъ о тебѣ; на это онъ мнѣ сказалъ, что боится тебя замучить, такъ какъ у него во всѣхъ дѣлахъ главное—проворство и быстрота. Я ему отвѣтилъ, что проворство и быстрота хорошо, когда нужно блохъ ловить, а для драматическаго искусства требуется другое, что, такъ какъ онъ хочетъ поставить двѣ или три мелодрамы, то ему нужно режиссера, который бы видалъ, какъ эти пьесы идутъ въ Парижѣ. Говорили мы долго, наконецъ, онъ мнѣ сказалъ, что, кажется, безъ тебя дѣло не обойдется. На-дняхъ я увижу его опять и постараюсь добиться рѣшительнаго отвѣта.

Здоровье мое неважное, болятъ руки и грудь.

Москва, 3 мая 1883 г.

Передъ отъѣздомъ въ деревню Марья Васильевна захотѣла посоветоваться съ Остроумовымъ о моей болѣзни и, не предупредивъ меня, при-

А. Н. Островскій.

Автопіія Ангереръ и Гешль въ Вѣнѣ.

гласила его. Остроумовъ нашель, что положеніе мое *еще не такъ дурно*. Въ этомъ немного утѣшительнаго. Онъ велѣлъ пить Маріенбадскія воды и осенью непремѣнно уѣхать на югъ, иначе зима можетъ на меня губительно подѣйствовать. Мы уѣзжаемъ въ Щельково 10 или 11 мая. О деньгахъ я говорилъ д., онъ отвѣтилъ, что надо подождать пріѣзда въ Москву П., что тотъ найдетъ концы и дѣло сдѣлаетъ.

Щельково, 8 іюня 1883 г.

Я очень радъ, что ты нашель себѣ дачу съ купаньемъ и охотой; хороше проведенное лѣто, — лучшее средство отъ нашихъ старческихъ недуговъ.

Поведеніе Л. меня нисколько не удивляетъ: его дѣла очень плохи. Зимній театръ выстроенъ въ долгъ и притомъ очень дорого, такъ что и при хорошихъ сборахъ онъ долженъ принести убытокъ; да еще грозитъ сильное соперничество. Это я узналъ передъ самымъ отъѣздомъ. На зиму очень хорошая французская труппа сняла Пушкинскій театръ и передѣлываетъ его заново; а еще страшнѣй для Л. то, что онъ скоро лишится и своихъ лѣтнихъ доходовъ. Антрепренеръ нѣмецкой труппы будущимъ лѣтомъ открываетъ огромный садъ со всеми удобствами для публики и съ дешевизной, доведенной до послѣдней степени. На это ему нѣмецкіе банкиры и капиталисты даютъ денегъ въ ссуду, сколько угодно, безъ процентовъ. Самый богатый въ Россіи бумагопрядильщикъ К. принимаетъ участіе въ этомъ дѣлѣ, и, какъ говорятъ, жертвуетъ на это дѣло значительный капиталъ. Гдѣ же бороться Л., онъ весь въ долгу и платитъ по 5% въ мѣсяць. Тутъ поневолѣ повѣсишь голову.

Здоровье мое такъ себѣ, я пилъ воды, но хорошихъ результатовъ пока еще не вижу. Я работаю, буду работать все лѣто, чтобы отдохнуть осенью. Въ концѣ августа, если буду живъ, я поѣду въ Крымъ и думаю побывать за Кавказомъ.

Щельково, 12 іюля 1883 г.

Разочарованіе твое нисколько меня не удивило: я курскую жизнь, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ знаю хорошо, по словамъ моихъ знакомыхъ. Жизнь на большихъ проѣзжихъ дорогахъ всегда дорога, а съ желѣзными дорогами стала еще дороже.

Относительно рыбы я не знаю ни мѣстныхъ, ни климатическихъ условій, ни, даже того, какая тамъ рыба водится. Всего лучше слѣпо и безъ всякихъ разсужденій слѣдовать мѣстнымъ способамъ и пріемамъ, познакомиться съ какимъ-нибудь рыболовомъ и рабски копировать то, что онъ дѣлаетъ. Что рыбы много, да она не ловится, — я этому не вѣрю, — этого не бываетъ.

Была-бы рыба, а поймать ее можно. «Рыба хитра, а человекъ премудръ», говоритъ одинъ мѣщанинъ въ моей пьесѣ «Горячее сердце». Опиши мнѣ подробно мѣстность, рѣку и какая рыба въ ней, тогда я сообщу тебѣ нѣскольکو совѣтовъ. Мнѣ пужно знать: быстра вода, или тиха; берега отлоги, или круты; дно песчаное или иловатое; есть-ли омота и перекаты, или глубина постоянная, запружена рѣка, или нѣтъ и если запружена, то далеко-ли запруда и гдѣ:верху или внизу; цвѣтъ воды и въ какую большую рѣку эта рѣка впадаетъ. Такъ какъ всѣ рѣки Курской губерніи принадлежать къ Донскому бассейну, то тамъ должны водиться бирючки (носыри).

Здоровье мое такъ себѣ.

Щельково, 27 іюля 1883 г.

Моя поѣздка въ Крымъ еще не рѣшена окончательно; когда это дѣло выяснится, я тебя извѣщу.

Относительно рыбной ловли, по твоимъ описаніямъ, ты живешь въ раю; я бы не отошелъ отъ воды. Сазаны и сомы — Богъ съ ними. Сазанъ, если и попадетъ, такъ тебѣ его не вытаскать, а для сомовъ нужны особыя приспособленія, ихъ лучше всего ловить на лягушку. Судакъ — это другое дѣло: его поймать пріятно и не трудно. Промышленники дѣйствительно ловятъ судака ночью, это я видѣлъ и въ Костромѣ и въ Самарѣ; но охотникамъ онъ часто попадаетъ случайно, и на щучью удочку утромъ, особенно къ полудню. Надо найти мѣсто помельче, но рядомъ съ глубиной, тутъ и ловить часовъ съ 9 утра на донную удочку, будутъ попадать щуки, окуни и судаки, чего жъ еще отъ Бога надобно. Только ловить нужно осторожнѣе; судакъ рыба робкая. Еще одно условіе: судакъ преимущественно держится въ такихъ омотахъ, гдѣ коряги.

Я ловилъ только въ маѣ и началъ іюня, а потомъ погода не благопріятствовала: вѣтра и грозы.

Щельково 31 августа 1883 г.

Благодарю тебя за поздравленіе. Поѣздка моя на югъ состоится непремѣнно, если только я буду живъ; но я въ Крымъ ѣхать раздумалъ, а поѣду за Кавказъ съ братомъ. Въ Москвѣ я буду около 20 сентября, а до тѣхъ поръ проживу въ Щельковѣ, чтобы безъ помѣхи кончить начатыя труды. О театральной школѣ въ Москвѣ я ничего не слыхалъ; а если она и состоится, то меня не допустятъ ни до какого участія въ ней. П. еще въ комиссіи заявилъ торжественно, что относительно драматической школы онъ не согласенъ со мной ни въ одномъ пунктѣ и имѣетъ объ этомъ дѣлѣ мнѣнія, совершенно противоположныя моимъ. Значить, это дѣло поручено будетъ нашему вете-

ривару (вм. ветерану) С. Впрочемъ, если узнаю что-нибудь въ Москвѣ, то тебя извѣщу.

—
Москва 25 сентября 1883 г.

Хотя изъ Москвы на Кавказъ и не одна дорога, а, напримѣръ черезъ Рязань, Воронежъ и Ростовъ даже нѣсколько ближе, но мы поѣдемъ черезъ Курскъ. Выѣзжаемъ мы въ среду 28-го числа со скорымъ поѣздомъ въ 12 ч. 30 м. дня. Я не проспю и выду къ тебѣ на станцію. «Повѣтріе» прошло хорошо и понравилось публикѣ; сегодня идетъ въ другой разъ. Артисты и нѣкоторые изъ публики не совсѣмъ довольны тѣмъ, что конецъ нѣсколько ослабляетъ впечатлѣніе. Музиль сегодня заѣдетъ ко мнѣ потолковать объ этомъ. Если можно будетъ поправить это, не нарушая нисколько подлинника, то мы постараемся. До свиданія!

—
Москва 9 ноября 1883 г.

Поѣздка мнѣ много доставила удовольствія и не мало пользы. Въ настоящее время у меня работы по горло: я оканчиваю пьесу и очень занятъ дѣлами Общества, которыхъ накопилось много.

Вторая часть твоихъ записокъ нуждается въ дополненіяхъ и исправленіяхъ; тамъ есть кой какія невѣрности. Когда это будетъ сдѣлано, твой трудъ можетъ имѣть важное значеніе, онъ годится и не для одного Семевака. Таково мнѣніе брата, съ которымъ у меня были продолжительныя и постоянныя разсужденія о театральныя дѣлахъ. Но объ этомъ писать неудобно и надо хорошенько потолковать при свиданіи. Есть надежда на поворотъ къ лучшему... Я еще не былъ въ театрѣ и не знаю сколько разъ шло «Повѣтріе»; на-дняхъ справлюсь и извѣщу тебя.

—
Москва 31 декабря 1883 г.

Не писалъ я тебѣ такъ давно потому, что рѣшительно не имѣлъ минуты свободной. По приѣздѣ съ Кавказа я сейчасъ же сѣлъ за работу, писалъ день и ночь и кончилъ только 15 декабря. Въ тотъ же день я уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ пробылъ до 24-го числа въ непрерывныхъ хлопотахъ, которые, слава Богу, увѣнчались успѣхомъ, о чемъ ты узнаешь впоследствии. Театральныя безобразія дошли до высшей точки, дальше идти некуда; дефицитъ два милліона съ половиной. Уже видно начало конца: управленіе расплзлось и лопається по всѣмъ швамъ. Передать на письмѣ всѣ подробности этой путаницы невозможно. 2-я часть твоей статьи должна быть значительно измѣнена и дополнена новыми матеріалами; если немного подождать, такъ она будетъ и съ финаломъ.

Затѣмъ будь здоровъ, покоенъ духомъ и не теряй надежды.

Москва 11 января 1884 г.

О сборахъ и о томъ, сколько разъ шло «Повѣтріе» тебѣ Музиль ужъ писалъ; вѣроятно, письмо не дошло.

«Да сбудется реченное отъ Господа пророкомъ». Ни К., ни Л. не дотянули до поста, оба лопнули. К. поступилъ благородно, онъ сдалъ театр артистамъ, а долги взялъ на себя. Первымъ дѣломъ артистовъ было торжественное изгнаніе Я. У Л. было собраніе кредиторовъ, долгъ оказался въ 470 тысячъ рублей. До окончательнаго банкротства его не допустить, дѣло идетъ о разсрочкѣ; по крылья ужъ ошиблены, кредитъ подорванъ; а онъ только и держался кредитомъ.

Идутъ слухи, что Б., изгнанный отъ Л., ужъ успѣлъ къ нему поддѣлаться и затѣваетъ съ нимъ народный театръ.

Вотъ все, что имѣю сообщить тебѣ. Писать больше некогда, тороплюсь на репетицію. Событія бѣгутъ быстро, что будетъ новаго, сообщу тебѣ.

—
Москва 3 апрѣля 1884 г.

Не писалъ я тебѣ изъ Питера потому, что былъ занятъ по горло, спѣшилъ отработаться и торопился въ Москву. Въ Питерѣ мое пребываніе было необыкновенно удачно, я былъ принятъ въ особой аудіенціи въ кабинетѣ и облаканъ выше мѣры. Результаты моей поѣздки и моихъ работъ окажутся не ближе осени. Вотъ пока все, что я могу тебѣ сказать.

—
Москва 7 апрѣля 1884 г.

Свѣта я тебѣ много пролить не могъ, потому что ничего опредѣленнаго еще самъ не знаю, а безъ полной увѣренности говорить не люблю. Въ работѣ ты мнѣ помочь не можешь; вся она состоитъ въ распространеніи и дополненіи моей записки, которую я, два года тому назадъ, хотѣлъ подать В., но остановился, думая провести свои мысли въ комиссіи. Теперь эта записка очень потребовалась. Я видѣлся съ В., онъ принялъ меня очень хорошо и, какъ видно, имѣетъ ко мнѣ полное довѣріе.

О тебѣ я тоже положительнаго ничего сказать не могу, но прошу тебя всегда помнить, что я ни на минуту о тебѣ не забываю и, при первой возможности, сдѣлаю все, что отъ меня будетъ зависѣть. Погода у пасъ отвратительная и у меня разболѣлись руки.

—
Щельково 1 іюля 1884 г.

Дѣйствительно, я смѣялся не мало надъ твоими затрудненіями. Да на кой тебѣ шутъ червей для живцовъ? Поймай муху, или первое попавшееся насѣкомое, вотъ тебѣ и пискари; а лучше всего налови кузнечиковъ въ травѣ, ихъ теперь вездѣ множество, — на нихъ берутъ ельцы и голавлики — самые лучшіе живцы. Статью

твою прочель; ова написана складно и гладко, но напечатана возмутительно въ корректурномъ отношеніи.

Здоровье мое не важно, и силы замѣтно слабѣютъ. Я день и ночь сижу и работаю. Въ концѣ іюля братъ заѣдетъ въ Щелыково изъ своей поѣздки на Уралъ; статьи, какія будутъ готовы къ тому времени, я отправлю съ братомъ въ Петербургъ. Не знаю, что выйдетъ.

Щелыково, 3 іюля 1884 г.

По полученіи твоего письма, я написалъ И. М. К., чтобы онъ припаялъ мѣры относительно курской агентуры. Весна у насъ холодная и дождливая и потому и удовольствія мало и пить воды неудобно, — гулять нельзя. Здоровье мое плохо, я очень слабѣю. Я все сижу дома и пишу для театра; какіе-то будутъ результаты! Доживемъ до осени, тамъ увидимъ.

Напиши, какъ найдешь новое лѣтнее свое пребываніе, каковы удобства и рыбная ловля!

Щелыково, 20 сентября 1884 г.

Я едва въ состояніи держать перо въ рукахъ, чтобы описать тебѣ паше горе. Вотъ ужъ прошла педѣля, а я только первый разъ пришелъ въ себя и могу писать и разсуждать. Въ ночь съ 13-го на 14-е число у насъ загли гумно разомъ въ семи мѣстахъ; я еще не спалъ, Марья Васильевна была ужъ въ постели; увидали сверху, увидалъ и приказчикъ изъ флигеля; но пока успѣли добѣжать, ужъ все пылало въ разныхъ мѣстахъ. Черезъ десять минутъ это былъ адъ. Хорошо, что было тихо; если бы сѣверный вѣтеръ, который только что затихъ, не было бы никакой возможности спасти усадьбу. Ометы соломы, сарай, крытые соломой, до 30 т. сноповъ хлѣба въ скирдахъ, если бы все это понесло на усадьбу! Сбѣжался народъ, но всѣ были пьяны по случаю мѣстнаго праздника Воскресенья Славущаго. Я не отходилъ отъ Марьи Васильевны, сначала у ней отнялся голосъ, потомъ начались нервныя припадки и обмороки. Меня точно кто-нибудь сильно ударилъ въ грудь, все ноетъ, весь трясусь, отвращеніе отъ пищи, отсутствіе сна; сегодня только я прихожу въ себя и чувствую, что опасность миновала; но ужъ здоровье надломлено — я въ одну недѣлю сильно постарѣлъ, и мнѣ ужъ не поправится. Все лѣто копили здоровье и стали было поправляться, особенно Марья Васильевна; одна ночь разбила все. Убытокъ для меня огромный, тысячь болѣе трехъ, — раззореніе; гдѣ я ихъ возьму! Усталъ, силъ нѣтъ.

Москва, 6 октября 1884 г.

Изъ деревни мы возвратились 27 сентября; не писалъ тебѣ до сихъ поръ потому, что былъ очень боленъ и разстроенъ. Я не поддаюсь горю; но старые нервы мои ужъ разбиты, а ис-

пугъ, ночная тревога и опасеніе за здоровье Марьи Васильевны надорвали ихъ окончательно. Ты пишешь, что съ моимъ талантомъ матеріальный ущербъ скоро поправится. Нѣтъ, не поправится. Я писать совсѣмъ не могу, такъ что не знаю, копчу ли начатую пьесу и опаужь, во всякомъ случаѣ, будетъ послѣдняя. Мы принуждены опять занимать за значительные проценты и на долгіе сроки; все это лежитъ на моей душѣ тяжелымъ гнетомъ. Марья Васильевна почти оправилась, а я въ Москвѣ чувствую себя еще хуже. Жду, не порадуется-ли какое извѣстіе изъ Петербурга; но его все нѣтъ.

Москва, 30 декабря 1884 г.

Здоровье мое не только не поправилось, но стало гораздо хуже. Весной я общалъ Стрелетовой написать пьесу для ея бенефиса и долженъ былъ, во что бы то ни стало, сдержать свое слово; отъ сильнаго умственнаго напряженія, которое мнѣ было строжайшимъ образомъ запрещено Остроумовымъ, я чуть не помѣшался. Теперь начинаю понемногу приходить въ себя. Въ Петербургъ я поѣхалъ больной и прогостилъ болѣе двухъ недѣль, не выходя изъ кабинета. Вѣздилъ я туда затѣмъ, чтобы продать изданіе моихъ сочиненій, что я и сдѣлалъ очень успѣшно и чѣмъ поправилъ свои крайне разстроенныя финансы. Но дѣлу, болѣе всего интересующему меня, было много самыхъ радужныхъ обѣщаній; но пока все только общанія. Одно я знаю навѣрное: въ театрѣ, особенно въ московскомъ, по окончаніи сезона, будетъ ложка; но что выйдетъ изъ этой ложки, это пока еще въ туманѣ. Какъ только прочую что-нибудь, сейчасъ же напишу тебѣ.

Петербургъ, 19 января 1885 г.

Я уже болѣе недѣли гощу въ Петербургѣ. Сюда мнѣ переслали изъ Москвы послѣднее письмо твое, но записки не прислали. Посылай ее, какъ есть, не сомнѣвайся; ты это дѣло знаешь хорошо и, въ краткомъ изложеніи, вѣроятно, изобразилъ самую сущность дѣла; детали можно представить впослѣдствіи, и въ этомъ я тебѣ помогу, если будетъ нужно. Въ Петербургъ я пріѣхалъ не гулять, я ужъ теперь не удовлетворюсь одними общаніями, и не выѣду отсюда, не добившись какихъ-нибудь опредѣленныхъ результатовъ по своему ходатайству. Я поставилъ вопросъ категорически и черезъ два дня дѣло рѣшится такъ или иначе.

Москва, 12 февраля 1885 г.

Дѣйствительно, прошло уже двѣ недѣли, какъ я возвратился изъ Питера; но не писалъ тебѣ потому, что не могъ сообщить ничего опредѣленнаго. Театральное дѣло, особенно въ Москвѣ, находится въ состояніи кризиса, который не нынче — завтра долженъ разрѣшиться

чѣмъ-нибудь. Я постоянно усиленно работаю, потому что нахожусь въ самомъ центрѣ дѣла, и отъ меня ждутъ помощи. Писать тебѣ о всѣхъ подробностяхъ этого дѣла—неудобно, да и пришлось бы исписать дести двѣ бумаги; лучше подождать окончательнаго распоряженія министра, которое я узнаю раньше всѣхъ и о которомъ сейчасъ же тебя увѣдомлю.

О поѣздкѣ въ Батумъ я мечтаю и до сихъ поръ; но она находится въ зависимости отъ театральнаго дѣла. Нуженъ я буду театру весной, такъ ѣхать не придется; а не нуженъ, такъ поѣдемъ.

—
Москва, 29 апрѣля 1885 г.

Твое письмо застало меня въ положеніи очень печальномъ; я былъ убитъ и душевно и тѣлесно. Марья Васильевна едва только успѣла оправиться, какъ лихорадочные припадки возобновились у нея съ ужасающей силой. Волнение и испугъ были у меня такъ сильны, что и моя жизнь была въ опасности. Но лучше не вспоминать объ этомъ. Теперь мы оба понемногу поправляемся; я не выхожу изъ дому со Страстной недѣли. Записку твою я прочелъ; въ ней много правды, много дѣльнаго, и нѣкоторыя мысли очень хорошо выражены; но это только начало труда, надъ этой запиской придется еще поработать довольно, чтобы она явилась яснымъ и законченнымъ трактатомъ. Ты просишь у меня замѣчаній; но короткія замѣчанія ни къ чему не поведутъ; а если писать подробно, то придется написать вдвое больше того, что написано тобой, на что у меня теперь рѣшительно нѣтъ времени. Это дѣло серьезное, и имъ нужно заняться основательно, слѣдуетъ отложить его до личныхъ объясненій, или, по крайней мѣрѣ, до того времени, когда я буду имѣть болѣе досуга.

Ты желаешь выяснитъ для себя, можешь-ли ты быть наставникомъ драматическаго искусства; я не понимаю слова «наставникъ драматическаго искусства». Драматическое искусство, какъ наука, не существуетъ. Театральная школа имѣетъ своимъ предметомъ не обученіе драматическому искусству, а подготовленіе къ нему всестороннимъ развитіемъ жеста и тона, — для чего и требуется дѣльная и строгіе преподаватели. Если бѣ образовалась правильная, серьезная школа, то, я думаю, твое участіе въ ней было бы не бесполезно.

Не далѣе, какъ черезъ недѣлю, ты еще получишь отъ меня письмо.

—
Москва, 6 мая 1885 г.

Конечно «азбука» не трактатъ; но и въ азбуку должна быть система и полнота. Твою записку вѣрнѣе всего будетъ назвать: «Нѣскольکو практическихъ совѣтовъ актерамъ провинціальнымъ и любителямъ»; для актеровъ Имп.

театровъ нужны не совѣты, а правильная, строгая школа. Замѣчанія я тебѣ сдѣлаю; а все-таки мой совѣтъ: не торопиться отдѣлкой. Изъ этой записки можно сдѣлать нѣчто цѣлое и напечатать.

Въ Моск. театрѣ, по видимости, къ концу мая должно что-нибудь произойти рѣшительное; такъ, по крайней-мѣрѣ, полагаютъ люди, видѣвшіе директора въ недавній его поѣздъ черезъ Москву. Будетъ ли это нѣчто существенное, или только перемѣна кого-либо изъ начальствующихъ лицъ, еще неизвѣстно. Я не уѣду въ деревню, пока не получу опредѣленныхъ извѣстій, и тогда сейчасъ же тебя увѣдомлю.

—
Москва, 13 мая 1885 г.

Сейчасъ уѣзжаю въ Щелыково, откуда и отвѣчу тебѣ подробно на послѣднее письмо твое. Собрался быстро, хлопотъ было много, а здоровье плохо. Что говоритъ директоръ, то уже не составляетъ тайны; а того, что я знаю изъ другихъ источниковъ, я оглашать не въ правѣ. Пока скажу тебѣ, что дѣла идутъ *хорошо*.

—
Щелыково, 5 іюня 1885 г.

Не удивляйся, что я такъ долго не писалъ тебѣ; я въ деревнѣ захворалъ и чуть не умеръ. Изъ теплой комнаты състройнымирами я вдругъ попалъ на открытый воздухъ; хотя послѣ нашего пріѣзда, съ недѣлю, погода стояла теплая и мы всѣ ходили въ лѣтнемъ платьѣ и я ужъ началъ пить вѣды; но вдругъ потянулъ едва замѣтный вначалѣ сѣверный вѣтерокъ, и готово, я и свернулся. Температура стала быстро падать и по ночамъ падала сначала до $+2^{\circ}$, а потомъ и ниже нуля; 23-го мая я простудился, а черезъ день ужъ лежалъ безъ движенія. Что со мной было, объ этомъ и говорить страшно, я терялъ всякую надежду на выздоровленіе; теперь понемногу поправляюсь. О театрѣ я тебѣ ничего не могу сказать, пока дѣло не выяснится окончательно, что должно произойти никакъ не позже первыхъ чиселъ іюля.

—
Щелыково, 19 іюня 1885 г.

Я имѣю основаніе предполагать, что Кр. ошибается. Передъ моимъ отъѣздомъ въ деревню, К. говорилъ И. М. К. что на зиму онъ ужъ пригласилъ въ режиссеры А. Но если бы К. и совралъ, что съ нимъ часто бываетъ, все-таки дать тебѣ какой-нибудь совѣтъ въ этомъ дѣлѣ я затрудняюсь. Совѣтовать тебѣ взять это мѣсто—я, положи руку на сердце, боюсь, зная слабый характеръ К. и распушенность его труппы. Возьми хоть того-же К-аго! Развѣ есть кака-нибудь возможность заставить его учить роли? Еслибъ я имѣлъ въ виду что-нибудь вѣрное для тебя, я бы не посоветывалъ тебѣ брать этого мѣста; но въ настоящее время, мое поло-

женіе относительно театра еще не опредѣлилось, и я не имѣю права отговаривать тебя искать должности, представляющей значительныя выгоды.

Здоровье мое поправляется и я опять началъ пить воды.

Щельково, 4 августа 1885 г.

Извини, что письмо будетъ коротко, за то оно будетъ сильно. Я, дѣйствительно, протрадалъ все лѣто, теперь поправляюсь. Приѣзжай въ сентябрѣ въ Москву и не безпокойся за свою будущность; наступаетъ время, когда мы съ тобой безпечно и въ довольствѣ можемъ доживать послѣдніе дни свои.

Щельково, 22 августа 1885 г.

Загадочность моего письма, какъ ты справедливо полагаешь, объясняется тѣмъ, что дѣло уже рѣшено, но не получило еще формальнаго утвержденія. Я человѣкъ не болтливый и, въ серьезныхъ дѣлахъ, оглашать то, чего оглашать не слѣдуетъ, не позволю себѣ; но, вполнѣ полагаясь на твою скромность, я тебѣ нѣсколько поясню мое письмо. Еще въ ноябрѣ прошлаго года окончательно было рѣшено отдѣленіе Московскаго театра отъ Петербургскаго съ самостоятельной дирекціей, подчиненной прямо министерству; а главное, что для меня важнѣе всего, возобновляется театральная школа на широкихъ основаніяхъ. Хотя поздно, хотя подъ конецъ жизни, но достигнуть цѣли своихъ стремленій—утѣшеніе не малое. Такъ какъ я, что тебѣ самому хорошо понятно, ни за какіе милліоны не возьму на себя управленія хозяй-

ственной частью, то министромъ было поручено мнѣ отыскать человѣка честнаго, уважаемаго и чиновнаго; я такого нашель,—это alter ego, мы съ нимъ два тѣла — одна душа. Мой выборъ министру понравился и онъ благодарилъ меня. Сей мужъ и будетъ директоромъ; мнѣ же предназначается должность самостоятельнаго директора школы (о радость!) съ порученіемъ мнѣтоже самостоятельнаго управ-

ленія художественною частью въ театрахъ. Хотя все это для меня несомнѣнно, но, пока нѣтъ официальнаго утвержденія, я признать этого состоявшимся фактомъ не могу: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Я собирался въ Москву къ 20-му августа, но нездоровье и холодная погода удержали меня; впрочемъ, если получу опредѣленныя извѣстія, несмотря ни на что, уѣду сейчасъ же и тебя извѣщу телеграммой. Если ты приѣдешь въ Москву раньше меня, то обо всемъ, что я тебѣ писалъ, помолчи, какъ будто ты ничего не знаешь.

Щельково, 12 сентября 1885 г.

Я давно собираюсь въ Москву, мнѣ мѣшаетъ только дурная погода; отъ постоянныхъ дождей дороги стали непроходимыми; по

сплошной невылазной грязи больному человѣку ѣхать невозможно. Теперь дороги поправляются, и я, вѣроятно, очень скоро приѣду. Сдѣлай милость, не вѣрь ни газетамъ, ни слухамъ, вѣрь только моимъ словамъ и держи ихъ въ тайнѣ.—Здоровье мое плохо.

Любящій тебя А. Островскій.

Памятникъ на могилѣ А. Н. Островскаго († 2 іюня 1886 г.) въ Щельковѣ, рис. А. П. Леискаго съ фотографіи А. М. Кондратьева.

Малиновый звонъ.

(Разказъ).

(Посвящается С. С. Голоушеву.)

— Ох-хо-хо! Однако-таки я поспался! — проговорилъ нараспѣвъ кучеръ Филиппъ, выставлявъ изъ окна сѣновала свое запотѣвшее, съ помятыми усами, лицо и замѣтивъ, что солнца уже не видно и отъ строеній тянутся довольно длинныя тѣни.

— Н-да таки, — повторилъ онъ и, обчистивъ шею отъ прилипшей къ ней сѣнной трухи, перевернулся, просунулъ ноги въ окно и неспѣшно сталъ спускаться по приставленной къ крышѣ лѣстницѣ. Достигнувъ земли, онъ подошелъ къ находившемуся среди двора колодезю, плеснулъ изъ бадья въ колоду воды, умылся и, обтирая руки о подолъ рубахи, а лицо ея рукавами, чинно, слегка раскачиваясь, направился къ конюшнѣ.

Войдя въ ея темныя и душныя сѣни, онъ свиснулъ, на что изъ разныхъ денниковъ ему звонко откликнулись четыре лошади.

— Знаютъ, милушки, — улыбулся онъ и, звякнувъ засовомъ, широко распахнулъ ближайшую дверь, изъ-за которой въ то-же мгновенье къ нему потянулась бѣлая, съ розовымъ носомъ, лошадиная голова.

— Что, Бѣлка, что, дура?.. — заговорилъ Филиппъ и, пошлепавъ лошадь по ея отвислымъ, сѣрымъ съ крапинками губамъ, пробрался во внутрь денника. Бѣлка всхрапнула и стала поворачиваться вслѣдъ за нимъ.

— Ты что-же это: не съѣла еще? — продолжалъ Филиппъ, нащупывая въ кормушкѣ овесъ. — Больно бережлива некстати. Барыню жалѣешь? Небось, у нея на насъ съ тобой хватить. Ышь себѣ пока-что. Такъ-то, братъ.

Бѣлка, точно поддакивая, кивала головой часто и коротко и, едва Филиппъ кончилъ, протянула губы къ самому его лицу.

— Ну-ну, разлакомилась!.. Ышь, въ самое сурно лѣзетъ... у, грѣховодница старая, пусти!..

Филиппъ оттолкнулъ лошадь, вышелъ отъ нея и направился въ слѣдующій денникъ. Лошадь, встрѣтившая его тамъ, была точной ко-

пией первой: та-же длинная грива, та-же бѣлизна и розовый носъ.

— Ну, ты какъ, Бѣлуга? — сказалъ онъ, свидѣтельствуя новую кормушку. — Что? И у тебя не доѣдено?.. Да это что же такое: сговорились вы, что-ли, сволота этакая!..

Бѣлуга, должно быть, смутившись, наклонила морду и стала чесать зубами около своего бѣлесоватаго копыта.

Филиппъ засунулъ руки въ карманы, подтянулъ кверху шаровары и приготовился къ длинной и обстоятельной рѣчи.

— Дуры вы, а не лошади, — вотъ-что я вамъ объясню, началъ онъ и вдругъ остановился. Въ открытую дверь просунулась и, помигивая своими бѣлыми рѣсницами, смотрѣла на него только-что покинутая имъ Бѣлка.

— Ты что въ чужое мѣсто прилѣзла, крикнулъ на нее Филиппъ. Но Бѣлка не сконфузилась; точно улыбаясь, растянула она губы, оскалила свои желтые изъѣденные зубы и вдругъ заржала громко и весело. И въ тонъ ей, по ту сторону сѣней, раздались еще два такіе же голоса. Филиппъ окончательно разсердился. — Но, — закричалъ онъ, сисясь перекричать этотъ хоръ, — заржали!.. Что за смѣшки такіе!.. Вамъ дѣло говорить, такъ слушайте, а не баловаться. А не то у насъ недолго и вотъ чего, — заключилъ онъ и съ размаху ударилъ ладонью по мясистому заду неповинной Бѣлуги. Та подскачила, отмахнулась хвостомъ и положила свою голову на его плечо. Но онъ вернулся и продолжалъ:

— Дуры вы, дуры, хоть бы вы то подумали: лошади вы подлѣтки, силовъ у васъ мало, — жрали бы, да жрали. А вы, ишь ты, скажи на милость, привередничаєте. Одно слово, дуры, и нечего съ вами и толковать!.. А ты, Бѣлчанка, всегда ты, сволота, всякой пакости зачинщица. Ступай-ты, что-ли... Ну!..

Бѣлка повела ушами, перевернулась и поплелась во-свояси.

А Филиппъ, въ концѣ концовъ, такъ разсердился на своихъ питомцевъ, что даже не заглянулъ въ остальные денники. «Ну, ихъ къ шутамъ: и у этихъ все то же», рѣшилъ онъ и вышелъ изъ конюшни. Вышелъ и быстрой, дѣловитой походкой пошелъ впередъ по пустынному, широкому двору.

Но не дойдя еще и до его середины, онъ началъ замедлять свой шагъ и, наконецъ, совсѣмъ остановился. Дѣло въ томъ, что, собственно говоря, идти ему было некуда и незачѣмъ. Куда и зачѣмъ идти и что вообще дѣлать обстоятельному кучеру, когда его лошади справлены, экипажи и сбруя вычищены и все, однимъ словомъ, въ порядкѣ?.. — Полная свобода: дѣлай, что хочешь. Но что же дѣлать? Идти на барскую кухню, калякать съ поваромъ или бабами, — не хочется что-то. Чай пить, — какъ будто не время еще. Спать завалиться опять, — сна нѣтъ. Побриться, — вчерась, такъ тоже отъ нечего дѣлать, два раза брился. Куда-же приткнуться?

Постоялъ Филиппъ, подумалъ, посмотрѣлъ направо, посмотрѣлъ налево — и пошелъ. Куда же? «А такъ себѣ, вродѣ, какъ для прогулки, значитъ». Дошелъ онъ до аллеи изъ акацій, служившей главной дорогой къ господскому дому, остановился, сорвалъ два-три стручка, вылуцилъ ихъ и сталъ мастерить пшталку. Но стручья слишкомъ устарѣли и музика не выходила.

«Сволота», проговорилъ Филиппъ и, бросивъ стручья, пошелъ дальше. Вотъ, калитка ведущая въ садъ. Филиппъ почти безсознательно отворилъ ее, вошелъ и поплелся по усыпанной желтымъ пескомъ дорожкѣ. Справа и слѣва стѣнами разросся густой подстриженный боярышникъ, который, еще на памяти Филиппа, сажали такими хилыми, маленькими кустиками. Много въ саду всякихъ барскихъ затѣй, но Филиппу всего забавнѣе эта аллея. «Ужъ больно его здорово охаживаютъ, боярышникъ-то этотъ», думается ему, — «ишь ты, ни дать — ни взять, какъ у отца Федора усъ подстриженъ! Да, а то еще, — на ежа походить. На ежа, — ежели, значить ошетинится, сволота». — Даже засмѣялся Филиппъ. Но вотъ аллея изъ боярышника окончилась, ее пресѣкла дорожка, обсаженная сиренью. Тутъ вѣснами больно хорошій духъ бываетъ, вспомнилось Филиппу. «Но куда же свернуть? — Направо прудъ будетъ, цвѣтники, а тамъ и бесѣдка, гдѣ барыня любитъ сиживать. Налево яблони да груши, а дальше пчельникъ. Чего тамъ дѣлать, — еще пчела пападетъ». Филиппъ осторожно раздвинулъ стоявшую передъ нимъ сиреневую чашу, шагнулъ и передъ нимъ открылось довольно обширное мѣсто, засаженное низкорослыми ягодными кустами. «Малина, кружовникъ», опредѣлялъ онъ, перебѣгая гла-

зами съ одного зеленого ряда на другой, «само-родина. А вотъ шпанка теперича какъ дѣйствуетъ?» подумалъ онъ, взглянувъ на чернѣвшія вдали гряды, и направился къ нимъ. «Ого», сказалъ онъ, придя и всматриваясь въ то тамъ, то сямъ краснѣвшіяся между темной листвою громадныя ягоды, пригибавшія вслѣдъ за собой свои стебли, но, благодаря заботливости садовника, покоившіяся не прямо на землѣ, но на мелко изрѣзанной соломѣ. «Ого», повторилъ онъ и опустился на колѣни. «Есть-таки»!.. Онъ сорвалъ ягоду и положилъ себѣ въ ротъ. «И скусна только, продолжалъ онъ и отправилъ вдогонъ первой уже сразу четыре ягоды. «Да, садовникъ Максимъ, молодца ты у насъ, молодца», снова заговорилъ онъ и, обчистивъ ближайшіе къ нему кустики, поползъ къ слѣдующимъ, отъ нихъ еще дальше, — и только рука его замелькала отъ земли ко рту и обратно. Вдругъ онъ встрепенулся. За сиренью послышался старческой кашель.

«Барыня», неслышно, въ себя прошепталъ онъ и не разгибаясь, почти на четверенькахъ, быстро, по-медвѣжьи, ринулся утекать къ стоявшей невдалекѣ группѣ деревьевъ, а оттуда, уже только на однѣхъ ногахъ, къ мелькавшему вдали частоколу. Очутясь по ту сторону забора и отдѣлавшись только легкимъ обжогомъ о росшую подлѣ него крапиву, онъ остановился и сталъ переводить духъ.

«Охъ», ужасался онъ въ то-же время, «еще бы чуть — и такъ бы и взхристался!.. Ох-хо-хо, Господи помилуй!.. И что сраму, сраму-то было-бы!.. У-ухъ, батюшки»...

Ему живо, со всѣми подробностями, стало представляться, что бы случилось, если бъ его застали на мѣстѣ преступленія.

«Охъ, какъ бы застыдила его старая барыня!.. Стыдись, стыдись, Филиппъ, говорила-бы она, устремляя на него свои мутные, глубоко-глубоко запавшіе, словно съ того свѣта смотрящіе, глаза, — стыдись!.. Кажется, не кто-нибудь, кажется, молъ, ужъ вполне человѣкъ... ужъ вполне, молъ, значитъ... потому, одно, молъ, слово, — самой старой барыни кучеръ. Да, и вдругъ — на ягодахъ... на моихъ, дескать, ягодахъ. И что онѣ тебѣ, мужику, мои ягоды, неужто ужъ такъ тебѣ безъ нихъ тошно стало?»..

«Да», думалось Филиппу, «нашпыняетъ этакъ, а потомъ отвернется къ своей хранцузенкѣ, да и залочетъ по-хранцузски. А ужъ это самое послѣднее дѣло — ежели по-хранцузски, потому такое ужъ у ней положеніе, что ежели захочетъ что-такое сказать, что крещеному человѣку и слышать нельзя — такъ сейчасъ и давай по собачьему».

Даже дрожь пробрала Филиппа.

«И на-кой мнѣ, на самомъ дѣлѣ, эти ягоды», каялся онъ дальше. «И чорта-ли не видалъ я

въ нихъ?.. Одно дѣло, передъ барыней грѣхъ, а другое—и скусу въ нихъ нѣтъ никакого, какъ есть—никакого: трава. Тепериче, ежели лѣсная ягода, которая вольная, такъ отъ нея легкимъ лѣснымъ духомъ пахнетъ, а эта... знаемъ мы, чѣмъ она выхожена,—тѣмъ-же и отдаетъ».

«Правда, что тѣмъ-же. Тѣфу ты, сволота, тѣфу, тѣфу»!..

Онъ тщательно отплевался и пошелъ впередъ по дорожкѣ между тыномъ сада и прилежавшему къ усадьбѣ паровому полю. Дорожка вела на усадебный дворъ. Дойдя до выкопаннаго вблизи людского флигеля прудка, въ которомъ въ то время работница Стешка поло-скала какіе-то холсты, онъ опустился подъ одной изъ насаженныхъ по берегамъ прудка ветелокъ, протянулся на мягкой травкѣ и сталъ смотрѣть на Стешку. Она стояла къ нему въ поль-оборота, низко наклонясь надъ водой и отчетливо въ ней отражаясь.

Долго смотрѣлъ онъ на ея обнаженные выше колѣнъ, загорѣлыи внизу и чѣмъ выше, тѣмъ бѣлѣе, ноги, на ея колыхавшуюся подъ расшитой рубахой грудь, на ея раскрасѣвшееся, какъ ея кумачевый головной платокъ, молодое лицо и, наконецъ, произнесъ:

— Стешка, а— Стешка.

— Чего?—отозвалась та.

— Что я тебѣ поговорить хотѣлъ, — продолжалъ Филиппъ, помолчавши.— Это ты, ручки, что-ли, полощешь?

— Ручники, — отвѣчала Стешка, пе переставая работать.

— Слушай-кась, Стешка... какъ бы намъ съ тобой, значитъ, э э...

— Некогда мнѣ съ вами, Филиппъ Егорычъ, — перебила его Стешка и, разостлавъ по травѣ свои полотенца, быстро пошла во флигель.

— Ишь, сволота, — сказалъ ей вслѣдъ Филиппъ, — нѣсколько опѣшивъ, и опрокинувшись на спину, прибавилъ: «грубянка».

Высоко-высоко въ небѣ звенѣли жаворонки. Филиппъ, взоръ котораго певольно вытягивался все глубже и глубже въ лазурь, пробивавшуюся надъ нимъ сквозь блѣдно-зеленую ветловую листву и оттого казавшуюся необыкновенно густою и темной, мало-по-малу сталъ вслушиваться и въ эту воздушную пѣсню.

— А здорово выводятъ, правда, что здорово, — сказалъ онъ, наконецъ, вслухъ и потихоньку началъ насвистывать, стараясь понасть въ тонъ разливавшейся трели. Вдругъ его слухъ уловилъ еще какой-то далекій, едва слышный, но не менѣе нѣжный и мелодичный звукъ. Онъ приподнялся, сѣлъ и, свѣсивъ голову, сталъ слушать.

— Съ малиновымъ звономъ кой-то, — сказалъ онъ черезъ минуту и, разобравъ волосы отъ своего праваго уха, пошкъ еще ниже.

Звонъ слышался, между тѣмъ, все отчетливѣе и отчетливѣе: очевидно, этотъ «кой-то» гналъ во всю.

— Хорошо, — снова произнесъ Филиппъ, — какъ есть, самый настоящій звонъ: что подужный колокольчикъ, что бубенчики, что глухари—чисто подобрано. Чьи бы это такіе?

Онъ всталъ, оглядѣлся вокругъ, перевернулъ вверхъ дномъ лежавшую невдалекѣ кадучку и, взобравшись на нее, принялся смотрѣть въ правую часть разстилавшагося передъ нимъ пейзажа. Но напрасно, — кромѣ золотившагося моря ржи, синяго неба и темнѣвшаго вдали лѣса не было видно ничего.

А звонъ все приближался. Филиппъ началъ терять терпѣніе. Но вотъ, наконецъ, вдали, надъ уровнемъ нивы, появилась точка. Филиппъ оскалилъ зубы и прищурилъ глаза. Точка стала вырисовываться, еще, еще болѣе, и Филиппъ ясно различилъ красную дугу, и вслѣдъ за ней, одна за другой, двѣ головки: первая черная, вторая—бѣлая. «Баринъ чей-то, — заключилъ онъ, въ телѣжкѣ. Кто же такой?... А звонъ-то, звань ахъ, хорошо!..»

— Ой, къ намъ! радостно вскрикнулъ онъ, когда тройка, вынырнувъ наконецъ изъ ржи, тутъ-же сократилась и, грудью къ нему, помчалась по дорогѣ, ведущей на усадьбу. Благодаря встрѣчному освѣщенію и яркому золотому фону, она вырисовывалась прекрасно. Филиппъ мигомъ разсмотрѣлъ и лихого, съ высоко задрапной головой, саврасаго коренного, и, извивавшихся змѣями, воронныхъ пристяжныхъ, и мотавшіеся по ихъ бокамъ наборныя перемѣты, и даже павлинья перья на шляпѣ кучера.

Лошади налетали. Филиппъ невольнo отступилъ и пристукнулъ ногой.

Въѣзжая во дворъ усадьбы, кучеръ гикнулъ, замедлившая было па поворотѣ тройка рвапула, подхватила и оглушительный звонъ ея, возбѣщая удалую скачку, ринулся между стѣнами акацій, пролетѣлъ черезъ мирные старческіе покои, ударился въ садъ, на мгновеніе запутался въ его кудрявой чащѣ, но вырвался, разостлался по широкому зеркалу пруда и помчался по луговому раздолью въ синѣвшій на горизонтѣ боръ.

— Здорово, прахъ его возьми!—вскрикнулъ Филиппъ и побѣжалъ въ глубину двора.

Спустя минуту, онъ, лихо избоченясь и заломивъ картузь набекрень, уже стоялъ у своего сарая и гордымъ, вопросительнымъ взглядомъ встрѣчалъ подѣзжавшаго къ нему на взмыленныхъ лошадяхъ гостя.

— Здравствуйте, — произнесъ подѣзжавшій хриплымъ, задавленнымъ голосомъ.

— Здравствуйте, — отвѣчалъ Филиппъ и приподнявъ фуражку, заломилъ ее еще круче.

— Кучеръ, что-ли?

— Кучеръ.

- То-то. Отпречь велѣно.
 — Можно. Чьи будете?
 — Съ Небудина поселка, — Синявскіе.

Гость провелъ рукой по своимъ громаднымъ, рыжеватымъ усамъ, грузно соскочилъ на землю, крикнулъ и протянулъ Филиппу свою широкую растопыренную пятерню. Тотъ слегка прикоснулся къ ней своей. Затѣмъ оба потрогали свои шляпы и пристально посмотрѣли въ глаза другъ другу.

— Взмылились, — сказалъ Филиппъ, кивнувъ на лошадей.

— Еще бы те: двадцать верстъ отмахали. Куда ставить-то?

— Что-жь, хоть въ конюшню веди: у насъ денниковъ достаточно.

— Вотъ и ладно. — Кучеръ началъ развѣживать коренного. Филиппъ медленно подошелъ къ лѣвой пристяжной и началъ отпрягать ее.

— Помоги-ка, братъ, помоги, — прохрипѣлъ гость. — Какъ васъ звать-то?

— Насъ? Насъ Филиппомъ звать, — а васъ?

— Артемомъ.

— Артемъ, значить. Та-а-а-къ-съ. А звонъ у васъ настоящій, — продолжалъ Филиппъ, отстегивая пряжку наборнаго, увязаннаго бубенчиками, ошейника.

— Не трожь ихъ, и такъ... началъ было Артемъ, приступивъ въ эту минуту къ стягиванію съ дуги охватывавшаго ее гужа, но отъ напряженія оборвался и закончилъ, уже переваливъ дугу черезъ лошадиную голову: — и такъ постоять.

Филиппъ промолчалъ, но снялъ-таки ошейникъ и, растянувъ его на своихъ рукахъ, сталъ внимательно разсматривать.

— Что смотришь? — окликнулъ его Артемъ. — Шлеи, вотъ, пообчисть.

Филиппъ искоса поглядѣлъ на него, что-то процѣдилъ сквозь свои бѣлые зубы, но все-таки подвѣлъ съ полу клочекъ сѣна и сталъ имъ обтирать покрытые мыломъ ремни.

Когда, наконецъ, лошади были выпряжены и отведены на конюшню, Артемъ, снявъ безрукавку, сѣлъ отдохнуть на скамеечкѣ передъ сараемъ, а Филиппъ, сходявъ на кухню и принеся оттуда почти полную бутылку водки, два дымящихся чайника и нѣсколько посуды, приступилъ къ угощенію. Все принесенное было размѣщено на поставленномъ бокомъ большомъ ящикѣ съ наклееннымъ на немъ желѣзнодорожнымъ ярлыкомъ. Гость усѣлся на ютившейся у стѣны Филипповой постели, а самъ онъ — на подкаченныхъ къ ящику бѣговыхъ дрожкахъ. Начали, конечно, съ водки. Выпили по стаканчику, по половинкѣ второго и приступили къ чаю. Артемъ накинулъ на горячій напитокъ съ видимой жадностью, низко склоняясь надъ блюдечкомъ и погружая въ него свои усы. Филиппъ же приступилъ къ своей чашкѣ вполне «по обра-

зованному», деликатно расправивъ усы и вытягивая въ себя чай вытянутыми въ трубочку губами. Глаза же его тѣмъ временемъ поминутно скашивались и пристально наблюдали Артема, который съ перваго же взгляда произвелъ на него какое-то подавляющее впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что какъ развязныя, самоувѣренныя манеры этого человѣка, такъ и самая его вѣшность въ лицѣ его породности, громадныхъ усовъ и даже хрипоты голоса, по понятію Филиппа, обличали въ немъ настоящаго заправскаго кучера. Филиппъ сразу, хотя и неясно, почувствовалъ, что человѣкъ этотъ представляетъ собой именно то, къ чему онъ, Филиппъ, только еще стремился. Но такъ какъ Филиппъ привыкъ уважать себя и пользоваться всеобщимъ уваженіемъ, то, понятно, онъ не могъ, такъ сказать, склониться передъ превосходствомъ своего гостя, — нѣтъ, это смутное сознание своей несостоятельности только раздражало его, вселяло въ немъ противъ Артема непріязнь, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смущало. Самъ того не замѣчая, Филиппъ всѣми силами старался замаскировать свое истинное настроеніе и обходиться съ гостемъ, какъ слѣдуетъ обстоятельному кучеру богатой помѣщицы, но въ то-же время, втайнѣ, сильно боялся, чтобы этотъ ухаць не постигъ его настоящаго отношенія къ себѣ и не поднялъ его на-зубокъ.

Но въ данныя минуты ухаць, увлеченный чаемъ, казалось, забылъ все на свѣтѣ и знай хлопалъ чашку за чашкой, предупредительно подливаемая, по мѣрѣ ихъ опустошенія, хозяиномъ. Филиппъ же не оставлялъ своихъ наблюденій и мало-по-малу, благодаря, главнымъ образомъ, молчанію наблюдаемаго, начиналъ возвращаться къ своему обычному спокойствію.

И вотъ, въ противовѣсъ только-что ощущаемаго имъ чувства приниженности, онъ началъ проникаться чувствомъ высокомерія.

«Ишь его, хлещетъ» уже сталъ онъ подумывать, щуря глаза на Артема. «Видно, чаекъ-то только въ разговорнѣе видаеть... То-то и оно. А тоже кучеръ — усища, какъ чортъ, отрастил... Нѣтъ, братъ, видно, дѣло-то не въ усахъ... Отъ кучера-то обстоятельности требуютъ... а усы, вонъ, пожалуй — у kota хороши. Такъ-то».

Вдругъ онъ замѣтилъ, что протянутая имъ къ чайнику рука вмѣсто того, чтобы взяться за его ручку, проѣхала дальше. «Что такое?» подумалъ онъ и хлопалъ глазами: въ нихъ чувствовалось какая-то неловкость и какъ бы легкое затменіе. Онъ коснулся своего лба, который оказался горячимъ и влажнымъ. «Батюшки», испугался онъ, «да неужто я захмѣлѣлъ?» И глаза его невольно обратились на Артема. Тотъ продолжалъ уписывать чай. «Футы, сволота», не переставалъ тревожиться Филиппъ, «вотъ бѣда-то. Ну, какъ замѣтитъ: вѣдь

засиѣтъ, шельмецъ: со стаканчика, моль, шальѣтъ—вотъ, дескать, такъ кучеръ. Фу, ты!»

И вдругъ, опять подь наплывомъ напускной развязности, онъ всталъ, громко прокашлялся и вслѣдъ затѣмъ ни съ того, ни съ сего пропѣлъ какое-то безтолковое «ма-а-а», которое къ тому же прозвучало очень жалобно. Артемъ мелькнулъ глазами—и только. Но Филиппъ до того смутился своимъ глупымъ звукомъ, что тутъ же, опять-таки ни съ того, ни съ сего отрывисто проговорилъ: «фу, ты, чортъ!»

— Чего это?—спросилъ Артемъ, вскидывая на него свои бычачьи глаза.

— Животъ чтой-то болить,—быстро и совершенно неожиданно для самого себя отвѣчалъ Филиппъ.

— Животъ?—переспросилъ Артемъ.—Это, надо полагать, отъ пищи.—Онъ отодвинулъ отъ себя блюдечко и, пристально посматрѣвъ на бутылку, прибавилъ: аль ужъ еще за барыню дернуть?

— Кушайте,—отозвался Филиппъ и, отойдя, сѣлъ на тарантасное колесо.

Артемъ выпилъ остатки вина, вылѣзъ изъ-за стола, перекрестился и, подойдя къ висѣвшей на стѣнкѣ сбруѣ, началъ ее разсматривать. А хороши у васъ шлейки,—сказалъ онъ.

— У насъ все хорошее,—отвѣчалъ Филиппъ.

— Правда,—подтвердилъ Артемъ, переводя глаза на прочія части кучерского хозяйства—что экипажи, что сбруя—первый сортъ! А гдѣ же у тебя ошейники?—прибавилъ онъ, оглядѣвшись.

— Какіе ошейники?—спросилъ Филиппъ.

— Знаю, не собачьи... Да у тебя и глухарей не видать... Вона,—и дуга безъ колокольчика! Аль не потребляете?

— Не полагается.

— Ну? Что такое?

— Не нравится.

— Барынѣ?

— Ей.

— Эка, братецъ ты мой, да вѣдь это обида!—Артемъ покачалъ головой.—При этакомъ-то заведеніи—и, нака тебѣ,—безъ звону!

— Стало быть, такъ и надоть.

— Надоть? Надоть, говоришь?—закричалъ Артемъ.—Такъ, можетъ, ты и самъ его не одобряешь, звонъ-то нашъ малиновый?... Да что ты нѣмецъ, что-ли?... Да ты послушай только!...—И Артемъ въ длинной и горячей рѣчи сталъ выяснять всѣ прелести и преимущества ѣзды съ колокольчиками. Филиппъ скрестилъ руки, понурилъ голову, и подь его усами заиграла горькая, горькая улыбка. Артемъ говорилъ увлекательно, но въ какую сторону могло дѣйствовать на Филиппа его краснорѣчіе? Убѣждало-ли оно его? Боже, да чего учить ученаго, а влюбленному растолковывать чары любви?.. А вѣдь Филиппъ любилъ этотъ малиновый звонъ,

давно, страстно и, увы, безнадежно. Править звенящей тройкой было его завѣтной мечтой, но рокъ, въ лицѣ его барыни, противился этому, и что было ему дѣлать? Тосковать? Онъ и тосковалъ, а теперь, разгоряченный рѣчами Артема, и совсѣмъ разчувствовался.

— Да пойми ты, не дозволяютъ ежели—закричалъ онъ наконецъ.

— Не дозволяютъ?—передразнилъ его Артемъ.—А ты, ежели ты настоящій кучеръ, сдѣлай такъ, чтобы дозволили!

— Да какъ же это сдѣлать-то?

— Какъ?... То-то и оно, что не кучеръ, братъ, ты—а тюря!...

— Это... почему-жъ такое?—опѣшилъ Филиппъ.

— А потому!...—И, пронзивъ Филиппа быстрымъ, полнымъ презрѣніемъ, взглядомъ, Артемъ плюнулъ, круто повернулся на каблукахъ, отошелъ къ своей телѣжкѣ, грузно опустился на ея подножку и, порывшись у себя въ карманѣ, началъ вертѣть папироску.

Съ добрую минуту просидѣлъ Филиппъ на своемъ колесѣ молча, наконецъ, пересилила себя проговорилъ: «ты что же это больно ругаешься-то? Нечто это... полагается?»

Артемъ и самъ замѣтилъ, что хватилъ черезъ край и мягко отвѣтилъ: «само вылетѣло,—ненарокомъ, стало-быть», и сталъ раскуривать папиросу.

Филиппъ сразу ободрился.—То-то ненарокомъ. А слыхаль ты: ненарокомъ не велятъ летать сорокамъ.

Артемъ усмѣхнулся и пустилъ дымъ ноздрями. Филиппъ помолчалъ и завелъ на прежнюю тему: «и что-жъ тутъ подѣлаешь, ежели не любить барыня?»

— Да почему не любить-то?—спросилъ Артемъ.

— А кто жъ ее знаетъ; голова, что-ли, тамъ у нея отъ шума болить.

Артемъ расхохотался.—Затѣйница, видно!.. Эхъ, миляга, живаль я такъ-то у одного доктора:—тоже не любилъ сначала—такъ, вѣдь, пріучилъ.

Филиппъ такъ и встрепенулся: «ну-у, чѣмъ же такимъ?»

Артемъ лукаво подмигнулъ ему и сказалъ:—Любишь!?. Ну, ладно, парень-то ты, вижу, ужъ больно простецкій. Слушай. Надоѣло мнѣ безъ музыки, т.-е. во-какъ!... Ахъ, думаю, комарь тебя забодай, сдѣлаю же я по своему. Вотъ, разлюбезный ты мой, взялъ я бубенчикъ и подвяжи его,—какъ выѣзжать надо. Понимаешь? Поѣхали—и не замѣтилъ. Хорошо. Приходится опять закладывать. Взялъ еще одинъ бубенчикъ.

— Опять не замѣтилъ?—вставилъ Филиппъ.

— Нѣтъ, замѣтилъ теперича—да ничего, только посмѣялся. Ладно, думаю себѣ, теперь

заиграетъ наша. Да на третій разъ—ужь разомъ еще двѣ штуки прицѣпилъ.

— Опять смѣется? — снова спросилъ Филиппъ.

— Вѣрно. Такъ-то, милѣющій мой, разъ отъ раза и приучилъ я его ко всей, значитъ, исторіи. Такъ вѣдь что-же: послѣ, братецъ ты мой, самъ же благодарилъ: «спасибо, молъ, Савельичъ (завсегда Савельичемъ звалъ меня), спасибо, что научилъ меня настоящему скусу». Такъ-то, любезный. Вотъ бы и тебѣ этакимъ манеромъ попробовать.

Филиппъ молча смотрѣлъ въ землю.

— Вотъ что, братецъ,— снова заговорилъ Артемъ,— возьми-ка ты у меня эти колокольчики.

— Взять?—изумился Филиппъ.— Это какъ же такъ?

— Купи.

— Купить?— переспросилъ Филиппъ.— Да нечто они твои?

— Стало быть, что мой,— отвѣчалъ Артемъ. Что глядишь? То-то, говорю, простота ты парень. Живешь на хорошемъ мѣстѣ, у старицы Вожіей, все равно, видно, какъ у Христа за пазушкой,— ни объ чемъ и понятия не знаешь. Нѣтъ, братъ, пожилъ бы ты по нашему, такъ зналъ бы, какъ кучера колокольцы покупаютъ.

— Да что такое?—спросилъ Филиппъ.

— Что-же, слушай, пожалуй,— продолжалъ Артемъ.— Знавалъ ты, можетъ, барина Ананьева?

— Нѣту,— отвѣчалъ Филиппъ.

— То-то и есть-то. А я, вотъ, три года у него выжилъ. Слушай. Шибко этотъ самый баринъ спервоначалу жилъ, т.-е. бѣда, что дѣлалъ. Ну, скакалъ, скакалъ, братецъ ты мой, да и сѣлъ, значитъ, на ноги: поразорился. Сталь, понимаешь, жалованье задерживать. Нынче— подожди, черезъ мѣсяцъ опять подожди, дальше опять все то же. Ждалъ я, милый мой, этакъ ждалъ, гляжу за баринкомъ до сорока рублей недоимки накопилось. Вижу, дрянъ дѣло. Прихожу къ нему: «ваше, молъ, благородіе, увольте— никакъ мнѣ невозможно жить у васъ больше. Опять «подожди». Нѣтъ, говорю, ваше благородіе, ужь будьте настолькоъ милостивы. Подумалъ, подумалъ, «что-жъ, говоритъ, я тебя понимаю— иди; только, говоритъ, ты не сумлѣвайся, я тебѣ все сполна уплачу». Гляжу, чуть не плачетъ баринокъ. Спасибо, говорю, ваше благородіе, на добромъ, значитъ, словѣ, ну, а все-таки дозвольте, молъ, мнѣ колокольчики взять— я, молъ, можетъ, ямщиной займаться стану.— «Возьми», говоритъ.

— Эти самые значитъ,— вставилъ Филиппъ.

— Да. Больно я привыкъ къ нимъ. Такъ то, братъ.— Артемъ покрутилъ усы и примолкъ.

— Ну и что же,— спросилъ Филиппъ— день-ги-то какъ же?

— Ухнули, братецъ— отвѣчалъ Артемъ.— Въ ту же весну имѣніе съ укціону продали, а тамъ и баринъ нашъ сгинулъ. Такъ-то, любезный, вотъ они какъ, звонь-то малиновые, нашему брату достаются. Въ сорокъ цѣлковенькихъ пришлось!... Разорилъ онъ меня, собачій сынъ,— прибавилъ онъ тише.— О сю пору вздыху нѣтъ. Купи-ка, братецъ— нужда!

— А самъ-то какъ-же?— сказалъ Филиппъ.

— Баринъ бы долженъ купить,— отвѣчалъ Артемъ, вздыхая.— А нѣтъ— и подь сухую покатаемся. Говорю, крайность подошла. Купи, что-ли, денегъ-то, чай, достаточно понакопилъ. А что насчетъ барыни, такъ, правду говорю, не сумлѣвайся: плевое дѣло приучить.

Филиппъ молчалъ. Растравленная рѣчами Артема, врожденная страсть закипала въ немъ во всей своей дѣвственной силѣ, тѣмъ болѣе, что проектъ Артема о приученіи барыни бросалъ на все дѣло совершенно новое освѣщеніе: являлась надежда, и даже больше, чѣмъ надежда. Но будучи человѣкомъ обстоятельнымъ, Филиппъ привыкъ относиться критически ко всѣмъ своимъ желаніямъ и приступать къ какому бы то ни было дѣлу не прежде, чѣмъ, со всѣхъ сторонъ обсудивъ его, убѣждался въ его полнѣйшей разумности. Глаза его разгорались, грудь начинала дышать учащенно, но голова, между тѣмъ, работала.

«Ежели,— думалъ онъ,— барыню точно можно приучить, тогда, видимое дѣло, слѣдствуетъ взять эти самые колокольчики, потому, главная вещь, что, какъ продаетъ ихъ человѣкъ по нуждѣ, то и отдастъ дешево. Это такъ, ну а ежели не приучишь сволоту, тогда что съ этой музыкой дѣлать?— А вѣдь денежки-то за нее заплачены!... Вотъ она штука-то въ чемъ: приучишь, или нѣтъ?»

Артемъ снова заговорилъ о чемъ-то, но Филиппъ уже не слушалъ. Вопросъ не разрѣшался, а желаніе обладать любимымъ предметомъ жгло его все сильнѣе и сильнѣе. Лѣвая рука его быстро и нервно теребила усъ, а правая— барабанила по колѣну.

— Что же, почтенный, возьмешь, аль нѣтъ?— опять спросилъ Артемъ, наблюдая волненія своей жертвы.

— А... а... много-ли возьмешь?— заикаясь, прошепталъ Филиппъ.

— Много-ли?— повторилъ искуситель и при-молкъ.— Чортъ, думалось ему, запросить дорого, какъ бы не испугать сразу, а дешево— потому локотковъ бы не кусать.

— Что же ты?— подогналъ его Филиппъ.

— Да что съ тебя взять,— человѣкъ ты простой, покупаешь не для чего-нибудь...— зата-нулъ было Артемъ и вдругъ оборвалъ: десять цѣлковыхъ, братъ!.

Филиппъ не ожидалъ такой дешевизны, но, тѣмъ не менѣе, сталъ возражать, что это

цѣва неподходящая, что это «куды годишь-ся» и пр.

Стали торговаться. Артемъ говорилъ цѣлыя рѣчи, Филиппъ отвѣчалъ кратко и безцвѣтно, но подавался слабо. Наконецъ, покончили на восьми съ полтиной. Ударили по рукамъ. Опечаленный Артемъ пошелъ собирать свои колокольчики, а обрадованный Филиппъ за добычей магарыча. Здорово выпили пріятели; такъ здорово, что, послѣ отъѣзда Артема, Филиппъ даже ужинать не пошелъ, а, развалясь на своей кровати, поигралъ - поигралъ повѣшенными надъ ней звонками, да такъ и захрапѣлъ съ задранной кверху рукой.

На утро, несмотря на вчерашнюю выпивку, Филиппъ поднялся даже ранѣе обыкновеннаго. Наскоро задавъ кормъ лошадямъ, онъ съизнова, во всѣхъ подробностяхъ осмотрѣлъ свои звонки и, имѣя въ виду представить ихъ своимъ сотоварищамъ въ возможнѣйшемъ великолѣпнн, сейчасъ же усѣлся за ихъ чистку. Работалъ онъ такъ усердно и спѣшно, что когда поваръ Акимычъ, поджидавшій его пить чай, послалъ, наконецъ, за нимъ своего помощника Ваську, его дѣло уже подходило къ концу. Васька, уже слышавшій о пріобрѣтеніи Филиппа и страстно имъ заинтересованный, вопреки своему обыкновенію бѣгать изо всей мочи, подошелъ къ сараю своими босыми ногами неслышно. Филиппъ, сидѣвшій на низкой скамейкѣ, спиной къ воротамъ, даже не обернулся. Мальчикъ приподнялся на ципочки и черезъ спину Филиппа сталъ смотрѣть на свѣтлѣвшіяся передъ нимъ груды. А Филиппъ, зная свое: потреть, потреть намѣленной тряпочкой по ряду бубенчиковъ и остановится; остановится, протянетъ весь наборъ на протяженіи своей руки, поглядить, промолвить: «та-а-акъ» и положить его опять на свои колѣни; затѣмъ плюнетъ на повернутую на палець тряпку, сунетъ ее въ туть же на скамеечкѣ насыпанную кучку мѣла и давай опять шмыгать. Долго молчалъ Васька, наконецъ, не вытерпѣлъ и сказалъ: «дяденька, ѣздить съ ними станете?»

Филиппъ слегка вздрогнулъ, но не обернулся и отвѣчалъ не сразу.

— Что пришелъ? — наконецъ сказалъ онъ.

— Дяденька Акимычъ чай зоветъ пить, — отвѣчалъ мальчикъ.

— Такъ бы и говорилъ, — продолжалъ Филиппъ наставительно. — Зачѣмъ посланъ, то и сказывай, а не въ своего ума дѣло не суйся. Ступай, скажи, — иду.

Васька побѣжалъ, а Филиппъ медленно всталъ, положилъ свои, какъ жаръ, горящіе ошейники на скамейку, отошелъ сперва шага на два, потомъ еще подальше, пощурился, отеръ руки о фалды своей поддевки, затѣмъ снова приблизился и, накинувъ всѣ три ошейника на свою правую руку, направился въ домъ.

Въ кухнѣ его появленіе произвело полнѣйшій эффектъ. Возившійся у печки Васька грохнулъ о полъ дровами и, вскочивъ, забилъ въ ладоши. Сидѣвшіе за столомъ поваръ Акимычъ, горничная Нюха и прачка Аннушка встали и выразили свое удовольствіе всякій по своему. Старикъ Акимычъ, сморща свое красное и безъ того уже морщинистое лицо, беззвучно засмѣялся, причежь изъ его беззубаго рта свалился и застрялъ въ его густой бородѣ кусочекъ сахару. Молодая востроносая Нюха высоко подняла свои круглыя брови и взвизгнула «мамушки», а почтенная Ильинишна быстро затрясла своей крошечной, индюшечьей головкой и прошамкала, по своему обыкновенію, что-то непонятное. Филиппъ же, даже ни на кого не взглянувъ, небрежно свалилъ свою ношу на одну изъ скамеекъ и, подходя къ столу, сказалъ равнодушно: «здравствуйте». Но никто ему не отвѣтилъ. Всѣ подошли къ ошейникамъ и, дѣлая различныя замѣчанія, стали ихъ разсматривать. Сунувшійся прежде всѣхъ Васька тутъ же получилъ изрядный подзатыльникъ, но даже не попятился. А Филиппъ налилъ себѣ чаю и, попивая его, сталъ искоса, но зорко приглядываться къ любовавшимся его драгоценностями товарищамъ. Ихъ сочувствіе втайнѣ трогало и радовало его глубоко, по, для вящаго эффекта, онъ продолжалъ свое величавое молчаніе. И только, осушивъ уже чашку, онъ, наконецъ, потирая руки и перебирая губами, сталъ приготовляться къ рѣчи, которая должна была объяснить этимъ профанамъ истинное значеніе заинтересовавшаго ихъ предмета. Но едва онъ произнесъ первое слово и всѣ четверо, точно по командѣ, обернулись къ нему, на порогѣ появился высокій, съ козлиной бородкой, мужчина въ зипунѣ. Филиппъ остановился.

— Все еще чаевничаете, — сказалъ вошедшій, отирая рукавомъ свое запыленное лицо. — Барыня встала, что-ли?

— Ну, вотъ еще! — быстро проговорила востроносая Нюха. — Захотѣли тоже. Чай, и восьми часовъ нѣту.

— Стало-быть, нѣту? — рѣзко переспросилъ тотъ.

— Странно вы разсуждаете, Данила Васильевичъ, — тихо, съ разстановкой, заговорилъ поваръ. — Состоите вы при ижннн старостой, а доселѣ не знаете господскихъ порядковъ. Кажется, извѣстно положеніе, что барыня аккурать полчаса девятаго изволятъ просыпаться, къ какому часу мы для нихъ и кофе завариваемъ.

— Намъ ваши кофеи не интересны, — грубо перебилъ его староста. — И порядкамъ вы насъ не учите. А ежели спрашиваю я про барыню, стало-быть, дѣло есть, и обвязаны вы отвѣчать безо всякихъ разговоровъ. Да-съ... Поваръ улыбнулся и сталъ качать головой. А староста, поглядѣвъ на Филипповы колокольчики, продолжалъ, обращаясь уже къ нему:

— Это на кой же ты эту музыку-то купилъ?

— А купилъ и купилъ,—отвѣчалъ Филиппъ.

— Такъ. А для какой собственно надобности,—вѣдь барыня не потребляетъ.

— Да вамъ то что до этого,—пробарабанила Нюха. Чай, не на ваши денежки куплены.

— Не на наши?—сказалъ староста.—Еще бы вамъ!... Нѣтъ, нашъ грошъ для этакого баловства не гошъ, больно тяжелъ: не чайкомъ, да трубочкой достается... Да-съ. А ты смотри, Филиппъ, какъ бы тебѣ эти самые погромочки не назвонили бы чего...

— Это... это забота-ста не ваша,—проговорилъ Филиппъ.

— Вѣрно, что не наша,—подтвердилъ староста.—Да только, говорю, смотри, чтобъ не назвонили чего, да!.. — Староста засмѣялся и вышелъ.

Пріатели же всласть посудачили насчетъ этого дурака-мужика, котораго единодушно ненавидѣли за его презрительное отношеніе къ ихъ, по его мнѣнію, легкой и глупой, непроизводительной службѣ, затѣмъ потолковали о планѣ Филиппа пріученія барыни къ колокольчикамъ, къ которому всѣ отнеслись очень сочувственно, и, наконецъ, когда въ самоварѣ не осталось уже ни одной капли, разошлись по своимъ дѣламъ.

Филиппъ направился въ конюшню, гдѣ, по вчерашнему, сначала приласкалъ, а потомъ побранилъ своихъ питомицъ, и на этотъ разъ побранилъ вдвойнѣ: во-первыхъ, опять за плохой аппетитъ, во-вторыхъ-же, за черезчуръ ужъ безцеремонную порчу соломы.

— И что за лошади,—ворчалъ онъ.—Жрутъ самую малость, а соломы не наготовишься.—Дѣло въ томъ, что Филиппъ терпѣть не могъ чистить стойла. Подумалъ онъ, подумалъ и, рѣшивъ, что «сами виноваты, а потому—пусть и стоятъ свиньями», приступилъ къ чисткѣ-же, но уже самихъ лошадей, что наоборотъ весьма любилъ. Впрочемъ, на этотъ разъ, онъ отвесилъ къ своему любимому занятію довольно торопливо и небрежно и, едва дочистилъ третью лошадь, какъ на всѣхъ трехъ надѣлъ недоуздки и повелъ ихъ въ сарай. Тамъ же, сказавъ имъ нѣсколько поучительныхъ словъ, сталъ надѣвать на ихъ толстыя шеи свои ошейники. Непривычныя къ такому украшенію, лошади пришли въ безпокойство и, замотавъ головами, подняли такой развеселый звонъ, что Филиппъ пришелъ въ полный восторгъ.

— Нука, нука, касатки, еще, еще,—говорилъ онъ и, дергая за поводья, заставлялъ лошадей звонить и звонить.

Долго бы, вѣроятно, продолжалась эта потѣха, если бы вошедшій въ сарай гонецъ не возвѣстилъ, что барыня требуетъ тройку лошадей. Загорѣлось у Филиппа сердце. «Эхъ», подумалось ему, «сейчасъ бы ихъ, этакихъ красавицъ въ тарантасъ, да колокольчикъ подъ

дугу, да глухарей бы подъ зебра. Ухъ, залились бы, родимыя!...»

Но онъ былъ человѣкъ обстоятельный и, конечно, сдержалъ свой безумный порывъ. За то, немного подумавъ, онъ рѣшилъ съ этой же поѣздки начать приводить въ исполненіе свой планъ. Заложивъ лошадей, онъ украдкой, невольно озираясь по сторовамъ, прицѣпилъ подъ горло коренной сначала довольно большой глухарь; но проведя затѣмъ лошадей, сейчасъ-же сообразилъ, что звонъ для перваго раза слишкомъ силенъ, и замѣнилъ этотъ глухарь самымъ маленькимъ бубенчикомъ. Сдѣлавъ такимъ образомъ первый шагъ къ своему завѣтному дѣлу, онъ перекрестился, влѣзъ на козлы и тихо-тихо подѣхалъ къ барскому крыльцу.

Но, увы, не провезла тройка свою барыню и пяти-шести сажень, какъ въ спину Филиппа послѣдовалъ привычный толчекъ барскимъ зонтикомъ. Онъ оглянулся.

— Что это у тебя звенить?—спросила барыня.

— Ахъ ты сволота, сволота,—подумалъ Филиппъ и тихо отвѣтилъ:—ничего не звенить.

— Какъ ничего не звенить?—продолжала барыня.—Я слышу какой-то бубенчикъ... Вотъ онъ!... Что же это такое? А?

— Не могу знать,—упавшимъ голосомъ отвѣчалъ несчастный.

— Стой,—приказала барыня.—Поди, сними эту мерзость!... Ну-же!...

Филиппъ тяжело, точно на плечи его навалилась цѣлая гора, опустился на землю и пошелъ исполнять приказаніе.

— Ну, теперь ступай... И чтобы этого никогда больше не было,—сказала барыня черезъ минуту.

Филиппъ промолчалъ. Лошади тронули, затрусили, экипажъ покатился тихо, уныло, безнадежно, какъ покойницкія дроги... Опустилась голова Филиппа.

Цѣлую недѣлю послѣ этой поѣздки барыня просидѣла дома. Цѣлую недѣлю Филиппъ провѣлъ въ тяжелой, безъисходной думѣ о томъ, какъ пособить своему горю. Лежалъ ли онъ на сѣновалѣ, или гдѣ-нибудь подъ развѣсистой березой, бродилъ-ли по двору и окрестностямъ усадьбы, ласкалъ ли своихъ лошадей,—глубокая складка на его лбу не расходилась. Совѣтывался онъ и со старикомъ поваромъ и съ проворной Нюхой, даже съ древнимъ-древнимъ мельникомъ, слышшимъ по околку за знахаря,—и всѣ только руками разводили.

«Ох-хо-хо, заботушка, и навязалась же, сволота»,—то и дѣло вздыхалъ онъ глубоко-глубоко и крѣпко теръ свой подбритый затылокъ.—«Эхъ, Артемъ, Артемъ, смутьянчикъ ты этакій, и на кой только приносила тебя нелегкая. Правда, что нелегкая: пріѣхалъ, смутилъ, всу-

чилъ свои колокольчики, получилъ денежки, да и сгинулъ, а ты тутъ и мучайся теперь!... Ох-хо-хо, и заботушка-же!...»

«А ты, барыня», думалось ему дальше, — «даромъ что барыня, и прямая ты дура. Коли имѣютъ о тебѣ люди стараніе, чтобы тебѣ же, значить, удовольствіе предоставить, такъ тебѣ бы помалкивать только. А ты еще фардыбачишься, сволота!—Дура и есть, стало быть».

Трудно было Филиппу, а староста Давила, ехидина этакая, какъ увидитъ его, такъ сейчасъ и созлобствуется. — Что, говоритъ, Филиппушка, какъ твои звонъ позваниваютъ? Давеча прокатилъ ты мимо — ажъ въ небо отдастъ!... — Засмѣется, лукавый, и пойдетъ прочь. А Филиппу еще тошнѣ станетъ.

Но упрямя былъ Филиппъ: какъ ни была очевидна невозможность достиженія желаемого, онъ и мысли не допускалъ о примиреніи съ ней. Нѣтъ, чѣмъ дальше, чѣмъ больше накапливалось на его сердцѣ тяжести отъ грустныхъ размышленій, тѣмъ все милѣе и милѣе становились ему его колокольчики, и тѣмъ страстнѣе желалось пустить ихъ въ дѣло.

Вечерѣло. Филиппъ сидѣлъ въ конюшенныхъ сѣняхъ на высокомъ ящикѣ съ запасомъ овса и, побалтывая ногами, понурясь, побрякивалъ самымъ большимъ изъ своихъ глухарей, внимательно прислушиваясь къ его сердитому бормотанію.

Вдругъ дверь съ шумомъ отворилась и въ нее влетѣла запыхавшаяся Нюха.

— Егорычъ, проворнѣй, — закричала она. — Барыня отъ барыни Мироковской письмо получила: больна очень и приказываетъ, чтобы живехонько, а то не ровень часъ, помру, моль...

— Это запрягать, что-ли? — спросилъ Филиппъ.

— Запрягать, запрягать, — продолжала Нюха. — Да живо, говорить. Охъ, насъ-то замотала совсѣмъ: того подай, этого подай... укосу, хрѣну, ладеколону, воды... То-есть на кусочки изодрала... Охъ, бѣжать надо!... И Нюха исчезла.

Филиппъ какъ прыгнулъ съ ящика, такъ и остался стоять съ раскинутыми руками и ногами, даже паденіе глухаря не замѣтилъ. Внезапное извѣстіе дало ему внезапную мысль, и мысль эта все росла, разрасталась и, наконецъ, овладѣла всѣмъ его существомъ.

«Такъ, такъ», думалось Филиппу, «либо сейчасъ, либо никогда!... Да, при такомъ разѣ не остановитъ — какъ ни на есть, а только катая поскорѣй!... А путь-то не близкій, за дорогу-то и привыкнетъ, и пойметъ его, звонъ-то малиновый, раскусить, значить, скусъ-то его настоящій — а какъ пойметъ, такъ сроду и не поѣдетъ подъ сухую: потому — понятіе ей откроется!...» Грудь его вздымалась, какъ кузнечные мѣхи, голова горѣла и кружилась...

«Ну», мелькнуло въ ней тутъ же, «а ежели не пойметъ?... Нѣтъ, нѣтъ», сейчасъ же и заглушилось это сомнѣніе, «какъ не понять — чело-вѣкъ же, небось!... Да, какой ни чело-вѣкъ, а чело-вѣкъ, — какъ же не понять ему? Вонъ, скотина, не то лошади, а корова, телята малолуные, и тѣ на звонъ радуются... Да, а она, знамо, по глупости своей барской да безъ привычки — а какъ отвѣдаетъ, такъ и размякнетъ... Что же двинуть, что-ль, сразу?... Ахъ, была ни была!» — громко вскрикнулъ Филиппъ и подъ наигіемъ внезапно охватившей его бѣшеной удали, когда жизнь копѣйка и чело-вѣкъ горитъ желаніемъ или паномъ быть или пропасть, онъ весело, легко и свободно, словно моментально переродясь, выбѣжалъ изъ конюшни, кинулся въ сарай, досталъ изъ сундука колокольчикъ, подвязалъ его къ дугѣ, привѣсилъ къ уздечкамъ всѣ свои глухари и бубенцы, — и не прошло и получаса, какъ бѣлая тройка старой барыни, шарахаясь отъ испуга, звеня и гремя, подкатила къ крыльцу. Выбѣжавшая на ея шумъ Нюха, такъ и взвизгнула. Вслѣдъ за ней, поддерживаемая своей француженкой, торопливо, вся трясясь и подергиваясь, вышла и барыня. — Кто, кто такой?.. заговорила она и, узнавъ своихъ собственныхъ лошадей, вдругъ схватила за сердце и, опрокинувшись на руки француженки, прошептала: «O, mon Dieu, mon Dieu!» Француженка что-то закричала Филиппу, но барыня остановила ее и, въ оправданіе смѣтливости Филиппа, прошептала «поздно, поздно», тронулась впередъ. Филиппъ замиралъ. Вотъ, барыню подхватили, приподняли и бережно опустили на мягкія подушки тарантаса. «Трогай», — сказала она. — Филиппъ взмахнулъ возжами, лошади впали въ хомуты, колокольчикъ взвизгнулъ и застоялъ, захохотали глухари, зазвенѣли бубенчики и все это слилось въ одинъ оглушающій хаосъ. Барыня руками въ черныхъ кружевныхъ митенкахъ заткнула себѣ уши и подняла глаза къ небу. А Филиппъ точно сразу хватилъ цѣлый штофъ пѣнника: сердце его загорѣлось, запылало, глаза застлались какимъ-то туманомъ. Вдругъ онъ вздрогнулъ, провзительно и дико гикнулъ и, привставъ, замахалъ кнутомъ. Лошади рванули и поскакали.

Старушка, подскакивая на сидѣннѣ, одною рукой ухватила за край экипажа, а другою протянула свой зонтикъ и стала цѣлиться въ спину кучера, поцѣлилась, наконецъ попала, но тотъ даже не обернулся.

— Филиппъ, Филиппъ! — закричала она, и зонтикъ ея полетѣлъ подъ колеса.

Филиппъ же, знай, нахлестывалъ своихъ бѣлыхъ, которыя, наконецъ, остервенѣли и сами, и мчались сломя голову. Барыня продолжала кричать, но хриплый голосъ ея, заглушаемый звономъ, если и долеталъ до слуха Филиппа,

то казался ему чѣмъ-то совершенно ненужнымъ и постороннимъ, откликомъ чего-то минувшаго и до оскомины опостылѣвшаго, и только раздражалъ его. Старуха чувствовала, что теряетъ силы и, предоставивъ себя на волю Провидѣнія, умолкла. А Филиппъ... но гдѣ онъ былъ въ это время? Только не здѣсь на козлахъ.

Онъ несся въ какомъ-то бѣшеномъ ураганѣ какой-то чарующей, дьявольски-сладкой музыки, онъ весь горѣлъ, и замиралъ, и таялъ, и блаженствовалъ, какъ никогда въ жизни.

Такъ прошло минутъ десять,—для Филиппа одно мгновеніе, для барыни цѣлая вѣчность. Раскормленные лошади взмылились, ослабли и начинали спотыкаться. Филиппъ, пресытая наслажденіемъ, мало-по-малу сталъ возвращаться къ дѣйствительности. Но онъ еще находился въ томъ періодѣ упоенія счастьемъ, когда первый пылъ уже удовлетворенъ и эгоизмъ, начиная суживаться, даетъ возможность вспомнить о комъ нибудь другомъ, но еще подъ непрежѣннымъ условіемъ, что этотъ другой долженъ испытать тождественное съ нимъ чувство. Такъ, вспомнивъ про барыню, Филиппъ подумалъ, «теперича раскусила, старая»,—и съ сіяющимъ лицомъ обернулся назадъ. И что-же?.. Опрокинувшись на спину, барыня лежала неподвижно, съ широко раскрытымъ ртомъ и закаченными вверхъ бѣлками. Духъ захватило у Филиппа.

«Померла!» подумалъ онъ и, неотрывая отъ барыни глазъ, остановилъ лошадей. Она не шевелилась.—Барыня! прошепталъ Филиппъ... матушка!.. Старуха не откликнулась.—Матушка, барыня,—снова заговорилъ Филиппъ: съ нами кресная сила!.. Господи — Иисусе Христе!.. Барыня!.. Ужасъ проникалъ его все больше и больше... Наконецъ старуха пошевелила своими сморщенными вѣками и медленно задвигала ртомъ. Филиппъ перекрестился и слѣзъ съ козелъ. Барыня открыла глаза, тупо поводила ими вокругъ и, остановивъ ихъ на подошедшемъ Филиппѣ, тихо прохрипѣла: «умираю, дошой!..»

Филиппъ поднялъ упавшія на землю возжи,

не влѣзая на козлы, тронулъ лошадей и осторожно сталъ поворачивать назадъ.

Было уже совсѣмъ темно, когда злополучная тройка, тихо-тихо позванивая, остановилась у крыльца дома своей хозяйки. На зовъ Филиппа выбѣжала вся прислуга. Барыню бережно вынули и понесли въ комнаты. Филиппъ тупо посмотрѣлъ вслѣдъ исчезнувшей за освѣщенными дверями кучкѣ людей, хватилъ шапкой о землю и сталъ, какъ вкопанный. Кто-то пробѣжалъ мимо него, гдѣ-то что-то кричали. Вотъ зазвенѣли опять колокольчики и блестѣвшія въ темнотѣ шины колесъ, на которыхъ былъ устремленъ его взглядъ, завертѣлись и стали удаляться. Филиппъ двинулся вслѣдъ за ними.

А барыня, едва ее опустили на ея широкую и мягкую постель, заплакала, попросила себѣ чаю съ малиновымъ вареньемъ и велѣла послать за старостой.

Староста не замедлилъ явиться.

— Сейчасъ-же... вонъ его!—сказала барыня.— Ступай.

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ чуть слышно Данила и на ципочкахъ удалился; но зато, дойдя до сарая, онъ показалъ всю силу своего голоса.

— Ты!—загремѣлъ онъ, вырывая изъ чыхъ-то рукъ зажженный фонарь и освѣщая имъ понурю фигуру Филиппа,—звонарь!.. Барыню нашу морить, барыню нашу!.. Нѣту, братъ, — вонъ убирайся!.. Чтобъ симъ же часомъ, сей же минутой, а то за урядникомъ пошлю!—И староста, одинъ за другимъ, набросилъ на его плечи всѣ его ошейники, только-что снятые съ измученныхъ лошадей.

— И проваливай!—заключилъ Данила и сильно толкнулъ въ спину развѣнчаннаго кучера.

Филиппъ, снявъ только верхній ошейникъ, закрывавшій ему глаза, покорно пошелъ впередъ. Бубенчики ласково и нѣжно залепетали ему какую-то пѣсенку, но онъ не слышалъ ихъ.

Е. Гославскій.

Ночь въ саду.

Потонулъ среди дымки томительный день,
И вздохнула природа вольный.
Задремали дубы... и заснула сирень...
И заплъзъ средь листвы соловей...

* *
*

Не проснется трава, и не дрогнутъ цветы,
Что чарующій льютъ ароматъ...
Подъ роскошную пѣсню любви и мечты
Задремалъ убаюканный садъ...

* *
*

А съ небесныхъ высотъ на мѣса и поля
Нѣжный свѣтъ проливаетъ луна.
Задремала земля подъ напѣвъ соловья,
Точно грезъ и мечтаній полна...

* *
*

И поетъ соловей гимнъ любви и веснѣ,
Онъ поетъ о роскошныхъ цвѣтахъ,
О бесѣдкѣ въ саду, о ночной тишинѣ,
О царицѣ лунѣ въ небесахъ.

* *
*

Онъ поетъ, какъ трепещетъ и грезитъ душа
И въ тиши безотчетно груститъ;
Онъ поетъ, какъ прохладная ночь хороша,
Что надъ дремлющимъ міромъ царитъ...

* *
*

Вотъ замолкъ соловей; пѣсня грезъ и мечты
Замерла; все безмолвно кружомъ;
Не очнется трава, не проснутся цветы,
Все забылось таинственнымъ сномъ...

* *
*

Только медленный бой отдаленныхъ часовъ
Прозвучитъ средь ночной тишины,
Да съ рѣчки донесется напѣвъ рыбаковъ
И загадочный шепотъ волны...

Юрій Веселовскій.

Современное обозрѣніе.

МОСКВА.

Малый театръ.

«Порывъ», драма въ 4-хъ д. г. Ракшанина.

омѣщикъ, Владиміръ Михайловичъ Томилинъ, двѣнадцать лѣтъ живетъ совершенно счастливо и мирно съ своей женой. У нихъ есть ребенокъ и конца счастью, повидимому, не предвидѣлось, если бы на ясномъ спокойномъ горизонтѣ Томилиныхъ не появилась молодая вдовушка, Ирина Петровна Бецкая. Она была очень несчастлива съ мужемъ, проклинала даже день своего рожденья, до встрѣчи съ Томилинымъ «не знала, что такое радость на землѣ», — и теперь полюбила его въ первый разъ, полюбила на жизнь и смерть. Онъ отозвался на ея любовь.

Все это произошло до начала драмы. *Порывъ*, увлекшій, ослѣпившій Томилину не только успѣлъ завершиться, но даже возбудить въ героѣ совершенно противоположныя чувства, чѣмъ любовь и увлеченье. Какъ все это совершилось — мы не знаемъ. Томилинъ и самъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета. Говорятъ, — познать самого себя — мудрость менѣе всего доступная смертнымъ, но Томилинъ даже не знаетъ, *способенъ ли онъ на то, что уже совершилось*. Это не самообманъ, не незнанье самого себя, а что-то въ родѣ остраго умопомѣшательства или сомнамбулизма. Въ такомъ свѣтѣ и Томилинъ хочетъ представить свое приключеніе съ Бецкой. «Ураганъ налетаетъ и уноситъ сотни жертвъ», говоритъ онъ своему пріятелю доктору «Почему? Зачѣмъ? Для чего? Кто отвѣтитъ на эти вопросы?... На нихъ, конечно, нечего отвѣчать, но другой вопросъ — какъ именно налетѣлъ ураганъ и почему именно онъ съ Томилинымъ произвелъ такое страшное крушеніе? — на этотъ вопросъ обязанъ намъ отвѣтить авторъ. Отъ этой

обязанности авторъ отдѣляется съ замѣчательно легкимъ сердцемъ, — во-первыхъ увѣряетъ насъ, что все «случилось просто», вторыхъ ссылается на свидѣтельство того же пріятеля, доктора, вѣрующаго, что Томилинъ можетъ поддаться порыву. Нѣкоторые любятъ говорить, что въ нашемъ мірѣ все *просто* и *возможно*, но это — легкомысленные люди, они не желаютъ отдавать себѣ отчета въ томъ, что сразу непонятно и баюкаютъ свою косную мысль банальной усладительной философией: «все такъ естественно!»...

Авторъ серьезнаго литературнаго произведенія не долженъ и не можетъ мириться съ этой философией, а авторъ новой пьесы менѣе всего: онъ рѣшительно ничего не сказалъ намъ о своемъ героѣ и увѣряетъ насъ, что въ жизни этого человѣка возможны самые ужасныя катастрофы. Почему же, вѣроятно, дѣляя тысячи помѣщиковъ и всякихъ другихъ мужей и отцовъ живутъ по сосѣдству съ молодыми вдовами и не подвергаются порывамъ и не становятся убійцами? Наконецъ, порывъ ли это былъ въ самомъ дѣлѣ? Авторъ вмѣсто драматической личности представилъ намъ общее мѣсто; послѣ этого такъ легко впасть во всевозможныя противорѣчія и недоразумѣнія. Вѣдь первый исходный пунктъ у автора не установленъ, не опредѣленъ, само основаніе смутно, — конечно, послѣ этого въ чемъ угодно можно увѣрять и что угодно отрицать. Авторъ такъ и поступаетъ. Руководящей, доминирующей ноты нѣтъ въ его произведеніи и диссонансы будутъ терзать нашъ слухъ на каждомъ шагу.

Томилинъ, ставшій, по его увѣренію, жертвой урагана, — оказывается, имѣлъ съ Бецкой

цѣлую переписку. У нея два письма отъ Томила и, повидимому, весьма пространныя и содержательныя: ихъ Бецкая перечитываетъ, когда ей очень хочется видѣть Томила, говорить съ нимъ, Томилинь настойчиво требуетъ этихъ писемъ назадъ изъ страха, что Бецкая покажетъ ихъ его женѣ. Отказъ Бецкой возвратитъ злополучныя письма является даже ближайшимъ поводомъ къ преступленью...

Что же это — въ результатъ — мгновенно улетѣвшій и исчезнувшій ураганъ или настоящая романтическая, любовная интрига? Разница громадная, какъ рѣшить вопросъ: отъ рѣшенія зависитъ наше представленіе о всей нравственной личности Томила. Авторъ оставляетъ насъ въ полномъ недоумѣніи. А что, если Бецкая только уступала страсти Томила? Если она поддавалась порыву, а Томилинь велъ свою любовную атаку упорно, стремительно, вполне сознательно? Вѣдь о письмахъ Бецкой къ Томилину въ пьесѣ нѣтъ ни слова: мы можемъ сдѣлать выводъ, что Бецкая стала жертвой соблазна и донжуанскихъ предпріятій сосѣда, а не наоборотъ. Тогда, въ какомъ же отвратительномъ свѣтѣ предстанетъ передъ нами этотъ помѣщикъ, вопіющій о спасеніи къ пріятелю, къ любящей женщинѣ! И замѣчательно, самъ авторъ будто хочетъ еще болѣе сгустить краски. Убіеніе Бецкой Томилинь совершитъ преднамѣренно, рассчитанно; здѣсь и помину не будетъ о порывѣ, это просто обыкновенный злой умыселъ самого зауряднаго преступника.

А между тѣмъ, такого вывода авторъ, очевидно, не хотѣлъ. Въ результатъ онъ стремится оставить у зрителей симпатичное впечатлѣніе послѣ всѣхъ подвиговъ и страданій своего героя. Но какая же можетъ быть рѣчь о симпатіи при такой постановкѣ вопроса, какую мы изложили? А мы имѣемъ полное право именно такъ ставить вопросъ: авторъ не только не мѣшаетъ намъ это дѣлать, но даже помогаетъ — все равно сознательно или безсознательно.

Мы видѣли, что драма начинается въ сущности съ конца. Ея начало именно былъ «ураганъ», по увѣренію автора, пролетѣвшій надъ его героемъ. Теперь жертвѣ урагана приходится раздѣляться съ послѣдствіями своего увлеченія. И на эту тему приходится написать полную пьесу, т.-е. самое меньшее въ четыре акта. Томилинь знаетъ два исхода — убить Бецкую или себя. Дѣло, слѣдовательно, поставлено весьма просто, — и для всего процесса достаточно и одного акта, особенно если вести его путемъ, принятымъ у автора, т.-е. заставить Томила убить Бецкую за отказъ возвратитъ письма. Но автору нужна настоящая драма, если не по содержанью, то по формѣ, и онъ исключительно ради внѣшнихъ, формальныхъ цѣлей прибѣгаетъ ко всякимъ хитросплетеніямъ, вставляетъ въ драму, вѣрнѣе въ ко-

нецъ драмы — начало и средину другой пьесы. Дѣлаетъ онъ это весьма неискусно, склеивая кое-какъ на-спѣхъ одну часть своего произведенія съ другой.

У жены Томила есть сестра, молодая дѣвушка — Шура. Героиня эта характеризуется въ самомъ началѣ пьесы — «стрекозой». Это — для нея комплиментъ, говоря проще, Шура — до крайней степени наивное, глупенькое созданье, знающее во всемъ мірѣ одну красоту — глаза съ искрами и одну доблесть — любовь. Именно ради глазъ съ искрами она влюбляется въ нѣкоего Нилова, родственника Бецкой. Ниловъ — негодяй по всѣмъ статьямъ, битый шулеръ, авторъ поддѣльныхъ векселей, шантажистъ. Это не скрываютъ и отъ Шуры, но молодая дѣвица все это понимаетъ въ такомъ смыслѣ, будто Ниловъ любитъ другую женщину, кромѣ ея — Шуры... Читатель видитъ, что съ этой «святой простотой» нечего было бы дѣлать и самому восторженному лирику, обладающему всевозможными красками романтической фантазіи; въ обыкновенной же драмѣ Шура является чѣмъ-то въ родѣ красивенькихъ декоративныхъ пустячковъ. О ней нечего больше и говорить. Но автору Шура приноситъ большую пользу: безъ нея онъ не зналъ бы, какъ изъ послѣдствій порывистаго темперамента главнаго героя создать четыре акта, а потомъ безъ Шуры не было бы центрального трагическаго эпизода — убійства Бецкой и чувствительнѣйшаго и эффектнѣйшаго четвертаго акта. Ко всей этой благодати авторъ идетъ на проломъ.

Томилинь, конечно, противъ брака Шуры съ Ниловымъ, но онъ внезапно попадаетъ въ руки шантажиста. Ниловъ подсматриваетъ нѣжную сцену Томила съ Бецкой и грозитъ ему воспользоваться ей, если тотъ будетъ настаивать на своемъ отказѣ. Томилинь выгоняетъ негодяя вонъ, но вмѣстѣ съ нимъ уходитъ и Бецкая. Передъ отъѣздомъ она пишетъ записку къ Томилину — приглашаетъ его пріѣхать къ ней переговорить. Записку подаетъ Томилину старый родственникъ Бецкой — повидимому только за этимъ и выдуманный авторомъ. Записка передается Томилину въ присутствіи его жены. Г-жа Томила проситъ мужа — показать ей посланіе Бецкой. Томилинь отказывается и даже разрываетъ письмо. Зина (жена Томила) по ремаркѣ автора, «опускаетъ голову» и «медленно уходитъ». Очевидно, она все поняла и теперь прекрасно знаетъ, какого рода переписку ведетъ ея мужъ съ Бецкой. Какія, послѣ этого, письма могутъ быть страшны для нея? Она съ перваго же слова вѣритъ обѣщанію мужа — не видѣться болѣе съ Бецкой, — очевидно, вліяніе Томила на жену сильно и прочно. Притомъ, это, повидимому, мало энергичная, блѣдная женщина: по крайней мѣрѣ, въ теченіе всей драмы она ничѣмъ не проявляетъ своей личности. Какое по-

слѣ этого могутъ имѣть значеніе всевозможные навѣты Бецкой, — даже если бы та и вздумала прибѣгнуть къ нимъ? Изъ-за двухъ писемъ мужа Зина и не подумала бы разорвать семью и Бецкая, воспользовавшись ими, могла только ожидать новаго озлобленія со стороны любимаго человѣка. А между тѣмъ, именно на этихъ двухъ несчастныхъ письмахъ построенъ критическій моментъ драмы и дѣло поставлено такъ, будто отъ возвращенія писемъ зависитъ жизнь и смерть Томилина.

Но этого мало. Это только общая нелѣпость, — къ ней ведетъ цѣлый рядъ частныхъ. Авторъ не пишетъ драму, а подстраиваетъ всевозможные подходы, фокусы, чтобы придти къ желанному результату. Посмотрите какъ разыгрывается роковая сцена передъ убійствомъ Бецкой

Бецкая всѣми силами умоляетъ Томилина — не разрывать съ ней. Томилинъ продолжаетъ требовать письма, тогда ей почему-то вспадаетъ на мысль, что любовникъ ея продолжаетъ опасаться брака Шуры съ Ниловымъ. Совершенно непонятно, почему именно здѣсь она ищетъ разгадки: Томилинъ ясно и точно изложилъ ей причины разрыва и ни однимъ словомъ не намекнулъ на Нилова, напротивъ рѣшительно отказался отъ всякихъ — явныхъ и тайныхъ свиданій. И вдругъ совершенно для него неожиданно Бецкая «порывисто» задаетъ Томилину вопросъ: «Нужна тайна для нашей любви?... Ты боишься Модеста?»... Томилина до такой степени мало занимаетъ въ данную минуту это обстоятельство, что онъ даже не отвѣчаетъ на намѣреніе переговорить съ Ниловымъ, а задаетъ ей въ свою очередь, угрожающей, какъ въ послѣдствіи окажется, весьма многозначительный вопросъ: «вы хотите, чтобы я вернулся?... Хорошо, я вернусь»...

Не для Томилина и Бецкой, а исключительно для автора нужна сцена съ Ниловымъ.

Ниловъ отказывается повиноваться Бецкой и та грозитъ представить куда слѣдуетъ его подложный вексель на ея имя. Ниловъ, считавшій этотъ вексель давно несуществующимъ, страшно взбѣшонъ и уходитъ со сцены, осыпая Бецкую угрозами. Во первыхъ эти угрозы врядъ-ли возможны со стороны такого ловкаго проходимца, какимъ Ниловъ выставленъ въ пьесѣ. Вѣдь, благодаря векселю, онъ дѣйствительно вполнѣ въ рукахъ у Бецкой и Томилина. Онъ сколько угодно можетъ не забывать сдѣланной ему сцены, но шантажъ его остается шантажемъ. Ниловъ оставался совершенно вѣренъ себѣ, когда не поднималъ бури во время изгнанія изъ дома Томилина. Еще нерезоннѣе ему было — выходить изъ себя съ Бецкой. Но положимъ, что «на всякаго мудреца довольно простоты», и что Ниловъ на этотъ разъ долженъ былъ дѣйствовать именно въ цѣляхъ автора.

Вексель, сфабрикованный Ниловымъ, оказывается, лежалъ у Бецкой какъ разъ вмѣстѣ съ письмами Томилина и Томилинъ, задушивъ Бецкую, захватилъ и его вмѣстѣ съ письмами. Это въ послѣдствіи послужитъ главнѣйшей уликой противъ Нилова, какъ убійцы Бецкой. Другой уликой будетъ то обстоятельство, что Ниловъ, поссорившись съ Бецкой, взялъ ружье и ушелъ въ поле, но никого не встрѣтилъ на пути. Все это дастъ слѣдователю поводъ — не только заподозрить Нилова, но даже быть «почти» увѣреннымъ въ его преступленія.

Вы видите, какъ все здѣсь совершается по щучьему велѣнію, по автора прошенію, и не обнаруживается ни малѣйшаго старанія привести всѣ эти разнородные казусы въ какую-либо гармонию, мотивировать ихъ ходомъ дѣйствія или требованіями психологической необходимости, ничего подобнаго. *Sic volo, sic jubeo*, — единственный принципъ, управляющій новой пьесой и еще другой, совершенно противоположный, — воспоминанія о чужихъ психологическихъ наблюденіяхъ.

Убійство происходитъ за кулисами, на сцену появляется Томилинъ и зрителю припоминается яркій рассказъ Позднышева въ «Крейцеровой сонатѣ» гр. Толстого о томъ, что произошло съ преступникомъ послѣ смертельнаго удара, нанесеннаго женѣ. Позднышевъ пришелъ въ свой кабинетъ, чрезъ нѣсколько времени, рассказываетъ онъ: «я всталъ, заперъ дверь и досталъ папирски и спички и сталъ курить». Эта «папирска» играетъ большую роль и въ новой пьесѣ. Авторъ дѣлаетъ такую ремарку: «Подходить (Томилинъ) къ столу и безсознательно беретъ папиросу, закуриваетъ ее, спичка дрожитъ въ его рукѣ. Съ папирсой дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ»...

Авторъ, очевидно, сильно рассчитывалъ на эту сцену, — и она, независимо отъ игры исполнителя, произвела бы впечатлѣніе, если бы была серьезно и необходимо подготовлена предыдущимъ теченіемъ драмы. А теперь это просто оказался одинъ изъ фокусовъ, благодарныхъ для артиста, но не спасающихъ авторскаго замысла ни на одну минуту.

Четвертый актъ весь пропитанъ самой элементарной преднамѣренностью, совѣсть не даетъ Томилину покоя, онъ сознается сначала въ своемъ преступленіи доктору. Потомъ со всѣхъ сторонъ ему приходится слушать объ этомъ преступленіи, гости его возмущены звѣрствомъ преступника и подробно обсуждаютъ обстоятельство, сопровождавшее убійство Бецкой. Томилинъ наконецъ не выдерживаетъ и предъ всѣми объявляетъ свою вину...

Мы считаемъ излишнимъ разыскивать частныя, отдѣльныя схожія черты въ драматическихъ произведеніяхъ разныхъ авторовъ — это сходство можетъ быть простымъ совпадениемъ.

Но въ новой пьесѣ эти вѣроятныя совпаденія весьма характерны: они падаютъ какъ разъ на самые эффектные моменты драмы. Мы уже говорили о концѣ третьяго акта. Конецъ драмы вызываетъ новое воспоминаніе, на этотъ разъ о драматургѣ, ничего общаго не имѣющемъ съ знаменитымъ авторомъ «Крейцеровой сонаты», — о г. Викторѣ Крыловѣ. Его драма «Разладъ» оканчивается такимъ же эффектнымъ признаніемъ преступника, какъ и у г. Ракшанина: и тамъ и тутъ занавѣсъ падаетъ при ошеломляющемъ восклицаніи пикѣмъ неподозрѣваемаго виновника убійства... У г. Крылова слѣдуетъ «общее волненіе», у г. Ракшанина «общее движеніе»...

Но ни волненіе, ни движеніе не перешли за рампу: публика въ обоихъ случаяхъ оставалась одинаково холодной и равнодушной — къ произведеніямъ авторовъ; исполнители имѣли свой отдѣльный успѣхъ.

Въ пьесѣ г. Ракшанина приняли участіе многія лучшія силы труппы Малаго театра. Даже безусловно неблагодарныя, безцвѣтныя роли нашли лучшихъ исполнителей.

Судьба этихъ исполнителей должна была оказаться особенно плачевной. Что, на примѣръ, можно сдѣлать изъ роли Томиной. Здѣсь одна только фраза — извѣстіе о больномъ ребенкѣ — свидѣтельствуетъ о жизни и человѣкѣ. Въ остальномъ фигура эта мертвенна, неподвижна, ординарна до крайней степени. Г-жа Федотова съ истиннымъ самоотверженіемъ стремилась вдохнуть жизнь въ этотъ трупъ.

Такая же участь выпала и на долю г-на Рыбакова въ роли доктора, друга Томина. При всѣхъ усиліяхъ артисту трудно было уйти далеко на шаблонномъ докторскомъ добродушіи и пріятельскихъ чувствахъ.

Къ числу добросовѣстныхъ подвижниковъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ отнести и г. Левицкаго, исполнявшаго роль Нилова. Прямолинейный нахаль безъ всякихъ оттѣнковъ какой либо оригинальности и человѣческой личности едва ли интересная фигура даже въ сценическомъ отношеніи.

Остаются «благодарныя» роли, но и здѣсь благодарныя свойства далеко не многочисленны.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить роль главнаго героя Томина. Ее исполнялъ г-нъ Горевъ. Такъ какъ предъ зрителями въ сущности только вторая половина драмы, — то артистъ съ самаго начала обязанъ нервничать и страдать. Нервность доходитъ до крайнихъ предѣловъ въ третьемъ актѣ, особенно въ концѣ, послѣ убійства Бецкой. Г. Горевъ въ должной степени волновался и мучился въ теченіе всего спектакля. Въ сценѣ съ папиромъ вполне естественно дрожалъ, нервно ходилъ изъ угла въ уголь, прекрасно вскрикнулъ при невольномъ взлядѣ на трупъ убитой имъ женщины,

но кончилъ сцену съ излишней торопливостію. Артисту слѣдовало бы продолжить паузу между крикомъ и тѣмъ моментомъ, когда Томина стремится собраться съ духомъ, оправляется и уходитъ со сцены. Всѣ эти разнородныя настроенія вышли у артиста слишкомъ стремительными, сжатыми. Въ четвертомъ актѣ г. Горевъ съ большимъ искусствомъ разнообразилъ внѣшнія формы одного и того же настроенія своего героя — муку совѣсти, страшную боль при разсказахъ объ его же преступленіи и страданіяхъ другаго человѣка. Томина наконецъ не выдерживаетъ и сознается... Къ этому сознанію ведетъ цѣлый процессъ. Томина постепенно раздражается, сначала онъ сдерживаетъ себя и только въ жару спора у него срывается, наконецъ, страшное слово. Г. Горевъ и здѣсь слишкомъ быстро началъ сцену и поэтому она вышла у него не настолько захватывающей, разнообразно живой, насколько этого можно было ожидать. Артистъ не выказалъ невольной сдержанности Томина въ началѣ и заключительный эффектъ утратилъ большую долю яркости.

Двѣ «благодарныя» женскія роли исполняли: г-жа Ермолова — роль Бецкой и г-жа Лешковская — роль Шуры. У исполнительницы роли Бецкой весьма мало интересныхъ положеній, есть только хорошія слова и тѣхъ мало. Всѣ «интересныя» положенія исчерпываются сценой третьяго акта, гдѣ происходитъ послѣднее свиданіе Томина съ Бецкой. Слова Бецкой правдивы и исполнены искреняго чувства: артистка, конечно, не упустила изъ виду ни одного изъ этихъ признаковъ, но въ остальныхъ сценахъ ея борьба противъ мертворожденных настроеній и что хуже всего — искусственно подготовленныхъ положеній должна была оказаться тщетной.

Г-жа Лешковская играла прекрасно, но только не роль Шуры, а нѣчто совершенно другое, ни въ чемъ не похожее на Шуру. Эта наивная любительница кавалерскихъ глазъ съ искрами менѣе всего заражена преднамѣреннымъ, искусственно-обставленнымъ кокетствомъ. У нея нѣтъ для этого ни способностей, ни охоты. Г-жа Лешковская, поэтому, совершенно напрасно одарила свою героиню качествами свѣтской барышни, не только эмансипированной, но даже впадающей по временамъ въ специфическій тонъ *fin de siècle*.

Ив. Ивановъ.

«Навожденіе», ком. въ 3 д.

Первой новинкой весенняго сезона на сценѣ Малаго театра явилась поставленная 10 апрѣля комедія въ 3 д. «Навожденіе», двухъ начинающихъ драматурговъ г.г. Криницкаго и Воронежскаго. Наши читатели знакомы уже

съ этой пьесой — она напечатана въ мартовской книжкѣ «Артиста» (№ 21).

Эта пьеса, скорѣе комедія-водевиль, не отличаясь новизной сюжета, даетъ нѣсколько комическихкихъ положеній, обличаетъ въ авторахъ нѣкоторую наблюдательность, юморъ, умѣнье не переходить границъ и не впадать въ шаржъ. Но серьезнаго значенія эта пьеска, конечно, не имѣетъ, да и сами авторы, видимо, не задавались какими-либо особыми цѣлями. Это — бездѣлка, «проба пера», но она все же неизмѣримо выше очень и очень многого, что заполняетъ нашу сцену подъ именемъ различныхъ фарсовъ доморощеннаго и заграничнаго издѣлій. Успѣху пьесы сильно вредила ея растянутасть, она безспорно бы выиграла, если бы была сокращена. Намъ кажется даже, что, будь пьеса всего въ 2 дѣйствіяхъ, она бы смотрѣлась съ несравненно большимъ интересомъ.

Что касается исполненія, то его нельзя не назвать образцовымъ. Главную роль Селиванова г. Макшеевъ исполнилъ безукоризненно, отбѣнивъ каждый, даже незначительный штришокъ роли. Г. Охотинъ очень старательно отнесся къ роли слуги Харитона. Артистъ впервые появился почти дряхлымъ старикомъ. Такихъ ролей г. Охотину играть еще не приходилось. Нельзя не признать этотъ первый опытъ артиста довольно удачнымъ.

Особеннаго же вниманія заслуживаетъ исполненіе молодымъ артистомъ г. Васильевымъ роли Аполлона. Роль эта требуетъ не малаго труда. Нуженъ большой артистическій тактъ, чтобы удержаться отъ шаржированія и въ то же время сохранить много едва уловимыхъ комическихкихъ чертъ этого исключительныхъ свойствъ лица. Г. Васильевъ вполне справился съ трудностями своей роли и вновь показалъ намъ себя вдумчивымъ, старательнымъ и даровитымъ артистомъ. Роль Аврориной мало удалась г-жѣ Никулиной. Вѣроятно, нездоровье почтенной артистки было тому причиной. Роль была исполнена ею холодно и, недостаточно яркая въ самой пьесѣ, она еще болѣе потеряла въ исполненіи.

Роль Тони была прекрасно исполнена г-жей Уманецъ-Райской. Артистка сѣумѣла отбѣнить каждый штришокъ роли, придать яркость каждой детали. Смотря на такое исполненіе, дѣлается крайне досадно, что дирекція такъ мало пользуется такой артистической силой, какъ г-жа Уманецъ-Райская, такъ рѣдко появляющаяся теперь передъ публикой. Какъ ни богата сцена нашего Малаго театра дарованіями, такая артистка можетъ и должна занимать подобающее ей мѣсто.

Роль Любы была исполнена г-жей Щепкиной по давно извѣстному публикѣ шаблону, по которому артистка играетъ всѣ свои безчисленные роли въ водевиляхъ.

Впрочемъ обѣ эти роли и Любы и Тони со-

вершенно напрасно были поручены г-жамъ Уманецъ и Щепкиной. Ихъ съ успѣхомъ могли бы сыграть и молодыя силы нашего Малаго театра, бывшія ученицы театральнаго училища. — Надо пользоваться такими пьесами, чтобы хоть сколько-нибудь доставлять практику бывшимъ ученикамъ, которыхъ дирекція приняла въ школу и выпустила на свою сцену, конечно, не для того; чтобы держать ихъ только на выходахъ и дѣтскихъ водевиляхъ.

Такія же артистки, какъ г-жи Уманецъ и Щепкина, легко пайдуть для себя болѣе отбѣчающія ихъ дарованія роли. — Вспомнимъ, хотя бы о роли Питолички въ ком. «Новое дѣло», такъ талантливо исполненную г-жей Щепкиной. Дарованіе артистовъ только и можетъ расти при умѣломъ направленіи ихъ труда и способностей, при постоянной работѣ надъ собой въ роляхъ *различныхъ* характеровъ, а постоянное исполненіе ролей одного и того же жанра можетъ довести только до прискучившаго публикѣ шаблона, чему примѣромъ можетъ служить г-жа Мартынова въ театрѣ г. Корша, къ чему идетъ и г-жа Щепкина на сценѣ Малаго театра.

Ф.

Дебюты на сценѣ Малаго театра.

Первымъ дебютантомъ выступилъ г. Ильинскій, снискавшій себѣ любовь московской публики дѣятельностью сперва на сценѣ театра г-жи Горевой, а въ истекшемъ сезонѣ театра г. Корша. — Съ этимъ молодымъ артистомъ наши читатели хорошо знакомы. Они знаютъ г. Ильинскаго, какъ дѣйствительно даровитаго и въ то же время серьезнаго и опытнаго молодаго артиста. — Дебютировалъ онъ въ роляхъ Мортимера («Марія Стюартъ») и Ладогина («Симфонія»). Задача дебютанта была далеко не изъ легкихъ. Трагедія Шиллера обставлена лучшими силами нашего образцоваго театра и исполняется въ полномъ смыслѣ превосходно. Появиться съ такимъ ансамблемъ и притомъ въ роли, которую всегда игралъ любимецъ публики г. Южинъ, такая задача можетъ скорѣе всего оказаться совсѣмъ непосильнымъ для дебютанта. — Но г. Ильинскій вышелъ побѣдителемъ и, можетъ быть, болѣе чѣмъ когда-нибудь доказалъ, что онъ дѣйствительно достоинъ любви публики и способенъ стать виднымъ актеромъ на нашей образцовой сценѣ. Мы не поставимъ молодому артисту въ вину нѣкоторую неровность исполненія первой роли. Это такъ понятно при первомъ дебютѣ на нашей драматической сценѣ. Свою вторую роль Ладогина артистъ провель уже вполне владея собой, и въ эту роль онъ сѣумѣлъ вложить столько простоты, искренности, горячаго, молодого чувства, что его исполненіе вполне шло въ тонъ съ той простотой и жиз-

ненностью, которыми такъ славится наша сцена. — Привѣтствуемъ молодаго артиста на новомъ пути его дѣятельности и можемъ съ увѣренностью предположить, что наша сцена сдѣлаетъ въ лицѣ г-на Ильинскаго дѣйствительное пріобрѣтеніе. Его пріемъ необходимъ тѣмъ болѣе, что ампула первыхъ любовниковъ дѣлается мало-по-малу совсѣмъ вакантнымъ. Г. Южинъ все рѣже и рѣже берется за эти роли, вскорѣ онъ несомнѣнно вовсе покинетъ ихъ, а между тѣмъ для этого ампула слишкомъ важно имѣть дѣйствительно талантливаго и въ то же время опытнаго артиста, какимъ является г. Ильинскій. На сценѣ же Малаго театра нѣтъ пока никого, кто бы могъ хоть отчасти замѣнить г. Южина въ этихъ роляхъ. — Надежды, видимо возлагавшіяся почему-то прежде на г. Багрова, совсѣмъ не оправдались.

Вторымъ дебютантомъ явился г. Анчаровъ-Эльстонъ. Повидимому роль Незнамова, въ которой молодой дебютантъ появился передъ московской публикой, не вполне въ средствахъ артиста. Для нея у него не достаетъ внѣшнихъ данныхъ, и голосъ его слишкомъ мягокъ. Все это отнимало у артиста возможность дать того Незнамова, какимъ онъ является у автора. Судить о дебютантѣ по одной роли крайне трудно, трудность эта увеличивается такимъ неудачнымъ выборомъ роли. Г. Ильинскаго мы видѣли на московскихъ сценахъ два года во многихъ роляхъ, успѣли ознакомиться со всѣми сторонами его дарованія, а съ г. Анчаровымъ-Эльстономъ московская публика знакомится впервые. Наши читатели, впрочемъ, могли судить о г. Эльстонѣ по сообщеніямъ нашего корреспондента изъ Риги, гдѣ молодой дебютантъ игралъ послѣдній сезонъ.

Насколько можно судить по этой роли, дебютантъ обладаетъ въ достаточной мѣрѣ темпераментомъ, въ сильныхъ мѣстахъ играетъ горячо и искренно. Въ общемъ же онъ неровенъ, замѣтна нѣкоторая дѣланность, неопытность, лишніе жесты.

Второй дебютъ г. Анчарова-Эльстона представлялъ для публики больше интереса, чѣмъ появленіе артиста въ роли Незнамова. На этотъ разъ имъ была исполнена роль Чацкаго. Артистъ не могъ, конечно, не знать, какую отвѣтственность онъ принимаетъ на себя, выступая въ роли, о которой у московской публики давно составились весьма опредѣленные и яркія представленія. Образъ Чацкаго на нашей классической сценѣ искони рисовался въ чертахъ — смѣлыхъ, энергическихъ, въ высшей степени характерныхъ. Это дѣйствительно *герой* высокой комедіи. Г. Анчаровъ-Эльстонъ съ перваго же момента своего появленія на сценѣ далъ понять зрителямъ, что онъ не пойдетъ по этому пути. Насъ сразу поразили блѣдность, какая то расплывчивость, неуловимость и безличіе безсмертнаго грибоѣдовскаго типа.

Г. Анчаровъ-Эльстонъ прежде всего обнаружилъ безсиліе справиться съ грибоѣдовскимъ стихомъ. Манера артиста произносить монологи — тягучесть тона, искусственная слащавость переходовъ много вредитъ и въ прозѣ, для стиховъ она является вполне убійственной. Ударенія на словахъ, подчеркиванія отдѣльныхъ фразъ часто попадали не на тѣ мѣста, гдѣ сосредоточена вся сила мысли. Въ результатѣ наиболѣе яркія выраженія комедіи, давно ставшія поговорками, утратили свой эффектъ и внутренней смыслъ. Такимъ образомъ, даже внѣшняя форма роли оказалась неудовлетворительной. Этотъ недостатокъ усиливался еще многочисленными ошибками, въ которыя постоянно впадалъ артистъ, читая стихи. Зрителю приходилось мириться съ самыми курьезными, едва вѣроятными оговорками — въ родѣ: „Молчаливъ на *ноги* (вмѣсто «на ногахъ») давно“ и т. п., пропуски характернѣйшихъ восклицаній Чацкаго въ родѣ знаменитаго «*миліонъ терзаній!*». При такихъ условіяхъ трудно было ожидать сколько-нибудь сноснаго воплощенія *личности, нравственнаго міра* Чацкаго. Роли въ смыслѣ сценическаго образа не создалъ артистъ до конца пьесы. Кое-гдѣ только въ отдѣльныхъ фразахъ мелькало, повидимому, нѣкоторое одушевленіе, интересъ къ положенію драматическаго лица. Сравнительно болѣе удачнымъ моментомъ въ роли оказался послѣдній монологъ Чацкаго (въ концѣ 4-го акта), недурно были произнесены заключительныя слова: «пойду искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ... Карету мнѣ! карету!»... Публика наградила артиста аплодисментами. Это былъ единственный успѣхъ въ теченіе всего спектакля, и оставалось только пожалѣть, что артистъ не разсчиталъ своихъ силъ и взялъ роль, непреодолимыхъ трудностей которой для себя онъ не могъ не видѣть съ самаго начала. Безотрадное впечатлѣніе, остававшееся у зрителей отъ роли Чацкаго, особенно сильно подерживалось и бросалось въ глаза, благодаря превосходному исполненію роли Фамусова г. Ленскимъ. Артистъ въ теченіе нѣсколькихъ весьма немногихъ лѣтъ сдѣлалъ удивительные успѣхи въ этой роли и нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ репертуарѣ г-на Ленскаго она будетъ однимъ изъ образцовыхъ созданій.

Неудача г. Анчарова-Эльстона въ крайне трудной и отвѣтственной роли Чацкаго не можетъ считаться рѣшающей для дальнѣйшей карьеры молодаго артиста. Въ роли Незнамова мы выше указали извѣстныя достоинства, они кое-гдѣ сказывались и въ роли Чацкаго и можно думать, что г. Анчаровъ-Эльстонъ представляетъ такой сценическій матеріалъ, который при умѣломъ руководствѣ и при желаніи артиста трудиться, можетъ подавать серьезныя надежды

Притокъ свѣжихъ силъ, какъ изъ школы, такъ и со стороны, и не на однѣ первыя роли не только желателенъ, но и необходимъ. За послѣднія нѣсколько лѣтъ на сценѣ Малаго театра накопилось столько безнадежныхъ членовъ труппы, которыми артистическая дѣятельность избрана видимо по недоразумѣнію. Многимъ изъ лицъ, занимающихъ почетное мѣсто артистовъ Императорскихъ театровъ, врядъ ли бы нашлось хоть сколько нибудь подходящая дѣятельность даже на сценахъ глухихъ провинціальныхъ театровъ, гдѣ къ артисту предъявляютъ болѣе строгія требованія. Если съ одной стороны на образцовой сценѣ труднѣе добиться первенствующаго значенія, то съ другой для лицъ мало пригодныхъ къ сценической дѣятельности несравненно легче занимать второстепенныя и третъестепенныя мѣста въ труппѣ, чѣмъ въ любомъ провинціальномъ театрѣ. На нашей образцовой сценѣ таланты главныхъ персонажей такъ ярки, что затмѣваютъ собою недостатки другихъ артистовъ. Но стоитъ только взглянуть по пристальнѣе въ то, что окружаетъ нашихъ первыхъ артистовъ, чтобы придти къ очень грустнымъ выводамъ. Между тѣмъ артисты, исполняющіе даже маленькія роли, имѣютъ нерѣдко большое значеніе для успѣха всей картины.

Мы приведемъ нѣсколько приѣрвовъ изъ тѣхъ же спектаклей, въ которыхъ дебютировали молодые артисты. Какъ невозможно небрежно относятся къ своему дѣлу, напримѣръ, приближенные Маріи Стюартъ въ послѣдней картинѣ трагедіи. То, что громадный талантъ г-жи Ермоловой даетъ въ этомъ актѣ такой чарующій образъ королевы-мученицы, отъ ко-

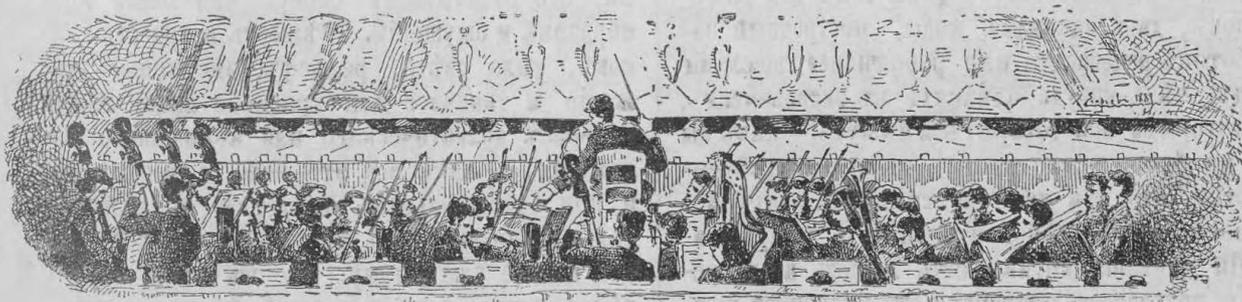
торого публика не въ силахъ оторвать глазъ, не даетъ права другимъ артистамъ, окружающимъ г-жу Ермолову, такъ холодно относиться къ страшной драмѣ. Ни одного грустнаго взгляда на этихъ безжизненныхъ, кажется, и неспособныхъ къ мимикѣ, лицахъ, ни одной грустной нотки въ голосѣ при произнесеніи словъ. Одна г-жа Яблочкина старается поддерживать тонъ сцены.

Но когда такимъ артистамъ поручаются отвѣтственныя роли, какъ мы видѣли при представленіи ком. «Безъ вины виноватые», то это походить уже на что-то, близкое къ художественному банкротству, о которомъ слѣдуетъ серьезно подумать дирекціи, тѣмъ болѣе, что служба въ Императорскихъ театрахъ не только почетна, но и матеріальными условіями своими можетъ привлечь лицъ, обладающихъ дѣйствительнымъ призваніемъ къ сценѣ.

Ужъ если необходимо поручать другимъ исполнителямъ отвѣтственныя роли, замѣняя въ нихъ артистовъ, входившихъ въ прежній, образцовый составъ, то гораздо основательнѣе пробовать на этихъ роляхъ учениковъ школы, — которыхъ дирекція зачѣмъ-то выпустила на свою сцену и на томъ успокоилась, — чѣмъ поручать эти роли артистамъ, съ отсутствіемъ у которыхъ данныхъ для такихъ ролей дирекція должна бы быть давно уже знакома.

Наконецъ, даже роль Бруха, къ которой такъ подходилъ г. Рябовъ, нельзя же поручать г. Арбенину, который не въ силахъ передать характеръ старика и остается юношей, только загримированнымъ старикомъ, что производитъ всегда непріятное впечатлѣніе.

Х.

Выставка картинъ въ Академіи Художествъ 1892 г.

Изъ года въ годъ въ сезонъ великаго поста десятки тысячъ постоянныхъ и временныхъ обитателей Петербурга посѣщаютъ выставки картинъ: академическую, передвижную, акварельную и друг. Что манитъ ихъ на эти выставки, какіе результаты выносятъ они отъ этихъ посѣщеній? Какъ-бы ни были различны мотивы, собирающіе ежегодно эту пеструю толпу передъ произведеніями искусства: будь это скука, праздное любопытство, поиски темы для разговоровъ, дань законамъ моды, построчный заработокъ рецензента или раболѣпное тщеславіе лицъ, чѣмъ-нибудь близкихъ къ экспонентамъ, о которыхъ всѣ говорятъ и пишутъ, — какъ бы то ни было, можно сказать съ полной увѣренностью, что, при наличности всѣхъ этихъ мотивовъ, самый дѣйствительный и заслуживающій вниманія мотивъ есть любовь къ искусству, потребность отвлечься отъ будничной жизни и ея дразгъ, и пожить хоть короткое время идеями и чувствами художника. Въ каждомъ человѣкѣ теплится искра Божія. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ, съ появленіемъ въ немъ способности созерцанія и отвлеченія является и склонность къ пассивному участию въ чужомъ творествѣ, къ воспринятію художественныхъ впечатлѣній отъ произведеній искусства. Дѣтскія иллюстрированныя изданія и книги, окна

эстампныхъ магазиновъ и иныя случаи видѣтія отдѣльных картинъ въ частныхъ помѣщеніяхъ развиваютъ, воспитываютъ эту склонность и только на художественныхъ выставкахъ и въ галлереяхъ картинъ она получаетъ полное удовлетворенія.

Какія хорошія воспоминанія оставляютъ первыя посѣщенія выставки почти въ каждомъ юношѣ! Только что войдетъ онъ въ залы выставки, его охватываетъ совершенно новый міръ образовъ и ощущеній. Свѣжесть и яркость красокъ, сила свѣта, рельефъ, энергичное движеніе и типичное или красивое лицо, живой интересъ драматическаго или комическаго положенія, — какъ все это ново и необычайно и, при относительномъ сходствѣ съ дѣйствительной жизнью, какъ въ то же время непохоже это на нее уже потому, что въ жизни все это обыкновенно, такъ и должно быть, все вытекаетъ одно изъ другаго по законамъ причинной связи, а здѣсь является внезапно, какъ бы по волшебству; каждая картина представляетъ отдѣльный міръ, живущій своей особой жизнью, сконцентрированный на плоскомъ холстѣ и рѣзко отдѣляющійся рамой отъ всего окружающаго. Всякому, кто ранѣе искусился въ попыткахъ активнаго творчества и чувствуетъ смутное призваніе къ живописи, — первое посѣщеніе выстав-

ки бываетъ почти всегда безграничнымъ источникомъ наслажденія и вмѣстѣ могучимъ толчкомъ въ сторону его призванія, часто рѣшающимъ его дальнѣйшую судьбу. Онъ захлебывается отъ восторга передъ мало-мальски талантливими или технически мастерскими произведеніями и первые его шаги по выставкѣ никогда потомъ не изгладятся изъ его памяти. Но и самые обыкновенные смертные, пришедшіе на выставку изъ простаго любопытства, невольно поддаются иллюзіи, бываютъ пріятно поражены обманомъ чувствъ, безобиднымъ и на первый разъ забавнымъ, но нерѣдко пробуждающимъ мысль или настроеніе, можетъ быть непривычныя для посѣтителя, которымъ онъ только здѣсь начинаетъ симпатизировать. Незамѣтно для него самого въ немъ зарождается любовь къ искусству; его тянетъ на новыя слѣдующія выставки и онъ мало-по-малу дѣлается дѣйствительнымъ, настоящимъ любителемъ. Я говорю-любителемъ, а не знатокомъ. Знатоки — люди совсѣмъ другаго рода. Хотя и въ ихъ средѣ часто бываютъ истинные любители искусства, но характеръ ихъ отношенія къ художественнымъ произведеніямъ совершенно иной. Знатокъ, благодаря своимъ спеціальнымъ знаніямъ, лишень возможности наивнаго воспринятія художественныхъ впечатлѣній и художникъ только тогда можетъ удовлетворить его, когда въ своихъ техническихъ пріемахъ, въ манерѣ живописи, колоритѣ и способѣ отношенія къ сюжету, онъ будетъ отвѣчать требованіямъ, которыми, по теоріи имъ признаваемой, обусловливается несомнѣнный художественный талантъ. Въ этихъ условіяхъ искусство его не удовлетворяетъ. Потому онъ рѣдко находитъ нѣсколько картинъ, которыя-бы ему вполне нравились, а все остальное на выставкахъ ему причиняетъ неудовольствіе, даже страданіе. Сами художники, какъ тоже вкусившіе отъ древа познанія добра и зла въ искусствѣ, далеко не свободны отъ педантическихъ требованій школы и близкое практическое знакомство съ кулинарной стороною художественнаго производства несомнѣнно мѣшаетъ имъ, какъ пресыщеннымъ поварамъ, вкушать на пиру отъ чужой кухни съ такимъ аппетитомъ, какъ это дѣлаютъ въ мѣру проголодавшіеся гости — простые любители. Едва-ли найдется хоть одинъ художникъ, который не вспоиналь-бы съ особеннымъ удовольствіемъ и не сожалѣль-бы объ утратѣ того счастливаго времени, когда онъ смотрѣлъ на картины своихъ предшественниковъ безъ критики, не умѣя и не желая находить въ нихъ недостатки, а всюду отыскивая одни только достоинства и восхищаясь ими. Да, это было дѣйствительно счастливое время; вся сила этого счастья была въ отсутствіи критики, въ цѣломудріи райскаго невѣжества. При первомъ прикосно-

веніи критическаго анализа къ произведеніямъ искусства счастье это исчезаетъ и никогда болѣе не возвращается. Художнику однако необходимо этотъ анализъ: искусство для него только средство, орудіе для передачи идей и впечатлѣній, получаемыхъ имъ изъ міра собственной фантазіи или окружающей дѣйствительности. Съ помощію изученія и анализа орудіе совершенствуется и облегчаетъ его дѣло. Первоначальнымъ поводомъ къ анализу у художника служитъ сравненіе его собственныхъ юношескихъ попытокъ въ творчествѣ съ работами болѣе зрѣлыхъ его собратій и потому прежде всего ударъ критическаго ножа онъ обращаетъ на самого себя. По мѣрѣ развитія, его критическій взглядъ захватываетъ все большій раіонъ произведеній и ихъ авторовъ и наконецъ не оставляетъ ничего безъ строгой критической провѣрки. Лишаясь при этомъ наивнаго наслажденія, получаемаго отъ чужихъ произведеній, онъ въ то же время выигрываетъ въ преуспѣяніи собственнаго творчества, и сознаніе побѣды надъ трудностями этой работы даетъ ему не мало минутъ высокаго удовольствія. Но высшее счастье получаетъ онъ въ созерцательномъ общеніи съ внѣшнимъ міромъ, съ живой дѣйствительностью. Здѣсь критическій анализъ не только не разрушаетъ того, къ чему онъ прилагается, а, напротивъ, постоянно открываетъ художнику новую прелесть, красоту, разумную связь и художественную гармонію всего существующаго. Для простаго любителя эта область наслажденія неизвѣстна. Если онъ по своему и любитъ, природу и жизнь и чувствуетъ въ ней прекрасное, то объясненіе этому чувству онъ получаетъ только черезъ посредство произведеній искусства. Простой любитель, какъ Гейновскій маркизъ де-Гумпелино, любясь природой, говоритъ: «Какъ хорошо! Точно все это нарисовано!» И это понятно, потому что дѣйствительность представляетъ для него цѣлый лабиринтъ моментовъ и ощущеній, часто дисгармонизирующихъ съ художественнымъ настроеніемъ, а картина всегда фиксируетъ только одинъ моментъ и рассчитана только на одно художественное впечатлѣніе. Здѣсь гораздо легче разобраться и, разъ впечатлѣніе это получается, значитъ — картина хороша и она понравится любителю. Но вѣдь заставить любителя пережить то впечатлѣніе, которымъ задался художникъ, — есть для него вопросъ первой важности и угодить въ этомъ отношеніи любителю, сравнительно развитому въ общеобразовательномъ смыслѣ, совсѣмъ не легко. Въ тонкостяхъ техники любитель можетъ быть полнѣйшей невѣжда, въ чемъ большинство изъ нихъ искренно сознается, и поэтому его трудно подкупить самой изысканной ея виртуозностью, если въ картинѣ нѣтъ цѣльнаго впечатлѣнія, если общая идея картины лжива, непонятна

или ничтожна. Грубыя погрѣшности въ рисунокѣ, краскахъ онъ, пожалуй, замѣтитъ, такъ какъ онѣ нарушаютъ ясность и правду впечатлѣнія, но онъ не станетъ искать этихъ погрѣшностей тамъ, гдѣ онѣ сами не бросаются въ глаза, не мѣшаютъ и ллюзии, потому что его главная цѣль—получить удовольствіе отъ картины, а не экспертировать ее. И чѣмъ болѣе интеллектуально развитъ любитель, тѣмъ менѣе онъ склоненъ критиковать предметъ, въ которомъ онъ считаетъ себя не компетентнымъ. Если картина не даетъ ему впечатлѣнія красоты или жизненной правды,—онъ молча проходитъ мимо нея, предоставляя знатокамъ и рецензентамъ смаковать въ ней всякаго рода технические приемы или глумиться надъ ея недостатками.

II.

Имѣя въ виду исключительно этого рода любителей, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о тѣхъ немногихъ произведеніяхъ академической выставки нынѣшняго года, которыя наиболѣе заслуживаютъ вниманія въ вышеизложенномъ смыслѣ.

Самое пріятное впечатлѣніе на этой выставкѣ производитъ отдѣлъ скульптуры, очень небольшой по количеству экспонатовъ (всего 30 нумеровъ), но весьма интересный по ихъ качествамъ. Прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе гипсовая фигура дѣвочки въ натуральную величину, работы г-жи Диллонъ, подъ названіемъ «Капризница». Это не традиціонная фигура съ обнаженными или сквозящими изъ подъ драпировки античными формами, отъ которой до сихъ поръ не можетъ отдѣлаться большинство скульпторовъ всѣхъ странъ, хотя она давно потеряла подъ собой почву и лишена всякой оригинальности. Это современная хорошенькая дѣвочка-ребенокъ, одѣтая въ платье и сидящая въ креслѣ. Она чѣмъ-то сильно разсержена и въ порывѣ капризнаго гнѣва сняла съ своей ножки башмакъ, и замахнулась имъ, чтобы отбросить его далеко въ сторону. Ея личико и вся поза дышатъ жизнью и полны красоты и энергическаго движенія. По поводу этой «Капризницы», даимногихъ другихъ скульптурныхъ произведеній нынѣшней выставки можно съ удовольствіемъ замѣтить, что наши скульпторы наконецъ освобождаются отъ устарѣваго предрасудка, будто одежды вообще, и современный костюмъ въ особенности, совершенно непригодны для скульптуры. Костюмъ капризницы при всей его современной условности нисколько не мѣшаетъ пластическому выраженію живой прелести и граціи.

То же самое слѣдуетъ сказать и о бронзовой фигурѣ г. Беклемишева «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы», на мотивъ Тургеневскаго стихотворенія въ прозѣ подъ тѣмъ-же назва-

ніемъ. Молодая женщина сидитъ на садовой скамейкѣ и ея симпатичная головка и вся фигура полны элегическаго настроенія. По силѣ выраженія превосходны и двѣ мраморныя вещи г. Беклемишева: «Головка мальчика» и «Христіанка первыхъ вѣковъ». «Головка мальчика»—чрезвычайно интересный типъ, очень жизненный и оригинальный, а во всей концепціи «Христіанки», въ положеніи ея головы и рукъ и въ особенности въ выраженіи ея лица такъ много мистическаго самоуглубленія, такое беззаветное отрѣшеніе отъ внѣшняго міра и радостей жизни, что голова эта поражаетъ своей выразительностью. Трудно сказать, входило ли въ задачу художника представить въ этой головѣ реальный образчикъ гипноза, какъ результатъ подавляющихъ внушеній аскетизма первыхъ вѣковъ христіанства, но несомнѣнно то, что выраженіе это вылилось въ лицѣ христіанки съ удивительной яркостью и почти научной психіатрической вѣрностью. Если это не новое слово въ скульптурѣ, то во всякомъ случаѣ это одно изъ такихъ удачныхъ художественныхъ произведеній, какія рѣдко встрѣчаются у насъ на выставкахъ. Г. Беклемишевъ еще очень молодой художникъ и при такихъ солидныхъ задаткахъ, какія видны почти во всѣхъ его работахъ на настоящей выставкѣ, мы вправе ожидать отъ него въ будущемъ много замѣчательнаго и выходяшаго изъ ряда.

Реалистъ-скульпторъ г. Гинцбургъ представилъ довольно выразительную гипсовую группу «Интересная сказка» и нѣсколько бюстовъ и статуэтокъ нашихъ извѣстныхъ художниковъ на разныхъ поприщахъ искусства: графа Л. Н. Толстого, А. Г. Рубинштейна и И. И. Шишкина. Маленькія статуэтки двухъ послѣднихъ къ сожалѣнію не удалось художнику: онѣ какъ-то смяты, не выразительны и даже лишены портретнаго сходства. Монументальная фигура г. Шишкина вышла мизерной и стереотипной, а г. Рубинштейнъ смотритъ немощнымъ, сморщеннымъ старичкомъ, ни одной чертой не напоминая зрителю о той характерной львиной мощи, столь знакомой всѣмъ его слушателямъ, наблюдавшимъ его въ концертахъ.

Перейдемъ теперь къ живописи.

III.

Этотъ отдѣлъ, очень богатый по количеству (въ немъ 350 нумеровъ, хотя, впрочемъ, въ эту нумерацію по каталогу вошло нѣсколько мозаикъ, гравюръ и архитектурныхъ проектов), стоитъ однако гораздо ниже скульптурнаго отдѣла по качеству. И этотъ недостатокъ притока живыхъ художественныхъ силъ на академической выставкѣ не случайный. Онъ давно сдѣлался хроническимъ, новтворяется изъ года въ годъ, и все болѣе обнаруживаетъ симптомы прогрессивнаго упадка всѣхъ отраслей

живописи. Между тѣмъ академія повидимому поставлена въ самыя выгодныя условія для привлеченія на свои выставки лучшихъ художественныхъ произведеній со всей Россіи. Только она одна имѣетъ средства давать наилучшее образованіе своимъ питомцамъ, обладая большимъ контингентомъ обеспеченныхъ матеріально профессоровъ, прекрасной бібліотекой и музеемъ, посылая лучшихъ учениковъ за границу на казенный счетъ и награждая художниковъ высшими степенями званій академиковъ и профессоровъ. Сверхъ того она пользуется ежегодной субсидіей въ 20.000 руб. для приобрѣтенія въ свой музей всего выдающагося по части пластическихъ искусствъ. Наконецъ и со стороны общества замѣчается оживленіе интереса къ художественнымъ произведеніямъ. Увеличеніе спроса на картины сказывается въ постоянномъ возрастаніи числа посѣтителей выставокъ и значительнымъ подъемомъ цѣнъ на картины особенно въ послѣднее время. Все это виѣстѣ должно-бы собирать на академическихъ выставкахъ все дѣйствительно лучшее, что создается у насъ по части живописи.

Можно подуматъ, что на самомъ дѣлѣ такъ и есть, если, не видавъ нынѣшней выставки, взглянуть на ея каталогъ. Изъ 340 нумеровъ (собственно масляной живописи, акварелей и рисунковъ) только 40 приходится на долю иностранныхъ художниковъ и любителей, т.-е. не питомцевъ академіи. Изъ остальныхъ же 300 картинъ около 100 составляютъ работы художниковъ, отличенныхъ академіей высшими титулами художественныхъ заслугъ (58 картинъ профессоровъ и 40—академиковъ) и 110 картинъ класныхъ художниковъ 1-й степени и почетныхъ вольныхъ общниковъ, т.-е. признанныхъ академіей лучшими ея или не ея учениками, окончившими художественное образованіе. И такъ остается на выставкѣ только 92 вещи писанныя посредственными художниками или же еще не кончившими курса учениками академіи, а больше двухсотъ картинъ, не считая иностранныхъ, должны-бы имѣть болѣе или менѣе высокій художественный интересъ и составлять украшеніе выставки.

Предоставляя знатокамъ и присяжнымъ цѣнителямъ судить о достоинствахъ этихъ двухсотъ *chef-d'oeuvre*овъ, мы остановимся здѣсь, безъ всякаго отношенія къ почетнымъ рангамъ, украшающихъ имена авторовъ картинъ, только передъ тѣми изъ нихъ, которыя должны были оставить въ душѣ истиннаго любителя живою художественное впечатлѣніе.

И все таки прежде всего надо назвать картину иностранца, Юсифа Брандта «Пѣснь побѣды запорожцевъ», какъ на самую выдающуюся изъ всѣхъ картинъ выставки. Какая это свѣжая, яркая и могучая живопись сравнительно со всѣмъ окружающимъ! Сколько жиз-

ни, простора и веселаго разгула въ этой толпѣ всадниковъ, пѣвцовъ и музыкантовъ, ѣдущихъ безъ дороги по зеленому полю прямо на зрителя, во главѣ запорожской орды, возвращающейся съ пабѣга! Общее впечатлѣніе картины прекрасное и чрезвычайно живое! Но главное ея достоинство въ общей композиціи, очень красивой, въ нейзажѣ, полномъ свѣта и воздуха, и въ лошадяхъ. Но всадники эти — пе запорожцы. Хотя они прекрасно нарисованы, красиво одѣты и молодцовато сидятъ на коняхъ,—но по типу это скорѣе венгерцы и даже одинъ венгерець, который буквально повторяется въ каждомъ всадникѣ безъ малѣйшаго измѣненія въ характерѣ фізіономіи. Точно также и выраженіе на всѣхъ лицахъ совершенно одинаково. Запорожцы эти невольно напрашиваются на сравненіе съ запорожцами г. Рѣпина, пишущими отвѣтную грамоту султану, тѣмъ болѣе, что и выставлены были обѣ эти картины въ Петербургѣ почти одновременно. Рѣпинъ задался своимъ сюжетомъ совершенно иначе. Его картина гораздо крупнѣе, фигуры въ натуральную величину и онъ вводитъ зрителя почти въ средину толпы въ упоръ къ столу, гдѣ пишется грамота, т.-е. къ самому центру картины. Поэтому, стоя передъ пей, вы естественно чувствуете тѣсноту и силитесь отодвинуться отъ этой толпы подальше, чтобы охватить ее однимъ взглядомъ. Но это напрасное усиліе. Какъ бы далеко ни отошли вы отъ картины, первый планъ остается первымъ планомъ и вы все-таки окажетесь лицомъ къ лицу передъ этой дикой ордой и принуждены будете разсмотрѣть всѣ эти лица порознь. Здѣсь тоже собрались все люди одного племени и всѣхъ одушевляетъ одно общее настроеніе, какъ и въ картинѣ Брандта побѣдная пѣснь. Но посмотрите, какое здѣсь разнообразіе поразительно живыхъ типовъ отъ красавца атамана и до звѣриной фізіономіи его сосѣда, носившаго отъ хохота, какая неотразимая яркость выраженій съ самыми неуловимыми индивидуальными отгѣнками, свойственными характеру каждаго лица!

Послѣ запорожцевъ Рѣпина запорожцы Брандта совершенно пронадаютъ, какъ будто ихъ и нѣтъ въ картинѣ, и остается только пейзажъ и животный жанръ. Лошади его дѣйствительно прекрасны, оживлены движеніемъ, и такъ и блестятъ на солнцѣ своими разноцвѣтными мастьями. Рядомъ съ ними какъ блѣдны и безжизненны лошади г. Ковалевскаго, нашего лучшаго специалиста по этому жанру. А было время и пе особенно давно, когда г. Ковалевскій могъ потягаться и пе съ такимъ художникомъ, какъ Брандтъ, и самъ Мейсонье признавалъ его этюды лошадей лучшими изъ всѣхъ, какіе онъ когда либо видѣлъ. На всѣхъ четырехъ его картинахъ фигурируютъ тройки лошадей, а на одной изъ нихъ подъ пазвапіемъ «Дорожная сце-

на» вы съ трудомъ узнаете эпизодъ изъ «Мертвыхъ душъ» Гоголя: встрѣчу Чичикова съ губернаторшей и ея дочкой на большой дорогѣ. По меньшей мѣрѣ страненъ выборъ такого сюжета для специалиста по части только лошадей. Главныя лица въ картинѣ ни на волосъ не напоминаютъ героевъ Гоголя, а крестьяне, окружившіе коляску, и насѣвшіе на лошадей дядя Митяй и дядя Минай такъ-же мало похожи на русскихъ мужиковъ, какъ статисты, изображающіе народъ на оперной сценѣ. Но и самыя лошади Чичикова схематичны, безхарактерны и не имѣютъ ничего общаго съ знаменитыми Чубарымъ, Засѣдателемъ и Гнѣдымъ.

IV.

Между бытовыми жанрами академической выставки можно указать только на семь, много — 10 картинъ, передъ которыми любитель остановится съ удовольствіемъ, хотя эти вещи выдѣляются, только благодаря слишкомъ низкому уровню всего остального. Таковъ этюдъ мужской головы К. Е. Маковского (по каталогу № 15), очень энергично и колоритно написанный, и его же «Солдатъ временъ Людовика XIV», на которомъ костюмъ переданъ мастерски и съ большимъ вкусомъ. Затѣмъ можно указать на картины г. Аскназія, а особенно на его небольшую картину «Въ раздумьи», не лишенную тонкаго художественнаго настроенія. Если упомянуть еще картину г. Творожникова «За работой» и одинъ или два портрета г. Галкина, то все сколько нибудь живое и оригинальное по части этого жанра будетъ исчерпано.

Но для большей части публики, лишенной художественнаго чутья и составляющей въ массѣ посятителей, такъ сказать, баластъ, полезный художникамъ только въ смыслѣ платы за входъ на выставку, эти вещи остались незамѣченными. Эта публика преимущественно толпилась передъ картинами съ экстравагантными сюжетами, какъ «Ванханалія» К. Маковского, «Послѣдняя молитва» г. Саксена, «Не въ свои сани не садись» Б. П. Виллевалда, «Казакъ на всѣ руки мастеръ» А. Б. Виллевалда и т. д. И какъ не остановиться передъ этими картинами, не залюбоваться на нихъ? Достаточно сказать, что на первой изъ нихъ вы видите толпу голыхъ смазливыхъ женщинъ и сатировъ съ козлиными ногами, пляшущихъ хороводомъ вокругъ фонтана и частію валяющихся въ пьяномъ безпорядкѣ среди цвѣтовъ и зелени; на второй представлена красивая молодая женщина, надо полагать, задумавшая самоубійство, хотя картина не даетъ никакихъ вещественныхъ признаковъ такого намѣренія кромѣ названія: «Послѣдняя молитва»; женщина эта молится передъ открытымъ окномъ, при чемъ изъ окна ярко свѣтитъ на нее луна, а съ лѣвой стороны часть лица ея довольно эффектно освѣ-

щается свѣчкой; на картинѣ Б. П. Виллевалда изображена толпа французовъ 12-го года, усѣвшаяся въ русскія сани, которыя патриотически опрокинулись и молодецки раздавили многихъ изъ сѣдоковъ, частію тутъ-же съѣденныхъ столь-же патриотическими собаками; наконецъ у А. Б. Виллевалда русскій казакъ на нѣмецкой фермѣ вызываетъ восторженное удивленіе среди обитателей этой фермы тѣмъ, что самъ доитъ корову. Какъ видите, все это сюжеты захватывающіе и передъ ними всегда будутъ толпиться всякаго рода любители эротическихъ, уголовныхъ или уличныхъ скандаловъ и въ этой средѣ публики успѣхъ ихъ обеспеченъ.

Тѣмъ не менѣе картина К. Маковского констатируетъ лишь глубокое паденіе его, какъ живописца и колориста; «Послѣдняя молитва» г. Саксена не оставляетъ никакого впечатлѣнія, кромѣ свѣтоваго эффекта, впрочемъ, довольно фальшиваго, потому что лунный свѣтъ на молящейся гораздо сильнѣе свѣта отъ свѣчи, стоящей близъ самой фигуры; обѣ-же картины г. г. Виллевалдовъ не только не забавны, а напротивъ — грустно-безнадежны.

Гораздо болѣе отрадное впечатлѣніе можно было получить на выставкѣ отъ пейзажей и нѣкоторыхъ маринъ. Изъ послѣднихъ особенно хороша картина г. Кондратенко — «Застигнутые бурей». Тона и переливы бурныхъ волнъ, а также и воздухъ, здѣсь переданы превосходно и не уступаютъ лучшимъ мотивамъ Айвазовскаго въ томъ-же родѣ. Изъ старыхъ профессоровъ держатся на обычной высотѣ г. г. Лагоріо и Мецкерскій. Деликатная манера и изящная по подбору красокъ, хотя нѣсколько условная, палитра г. Мецкерскаго переноситъ васъ какъ-бы въ фантастическій міръ. Реальной правды нѣтъ въ его пейзажахъ, но пріятная гармонія общаго тона, согласнаго съ мотивомъ картины, даетъ всегда нѣсколько элегическое и вмѣстѣ музыкальное настроеніе.

Въ картинѣ молодаго художника г. Сергѣева «Адажіо» замѣтно стремленіе достичь того-же настроенія путемъ болѣе реальнаго пріема, но у него удачнѣе выходятъ солнечные малороссійскія мотивы, напоминающіе, по тонамъ и манерѣ письма, его учителя г. В. Орловскаго, картинъ котораго, къ сожалѣнію, нѣтъ на этой выставкѣ. Такъ очень недуренъ пейзажъ г. Сергѣева «Блуждающія тѣни облаковъ» и вода въ другой его-же картинѣ — «Вѣтренно».

Изъ остальныхъ пейзажей заслуживаетъ вниманія — г. Писемскаго «Сѣрый день» и большой пейзажъ г. Вельца «Видъ на имѣніе Тентетникова». Названіе это вызываетъ недоумѣніе и не вяжется съ картиной; но оно характерно иллюстрируетъ нелѣпость академическихъ измышленій подобныхъ программъ для ученика-пейзажиста.

XX Передвижная выставка.

Заканчивая въ этомъ году второе десятилѣтіе своего существованія, Товарищество Передвижниковъ настоящей своей выставкой въ двадцатый разъ представляетъ ясныя доказательства прочности и неизсякаемой жизненности тѣхъ началъ, которыя положены въ основаніе этого единственнаго въ своемъ родѣ учрежденія его первыми организаторами. Основная идея Товарищества очень проста и скромна по своей задачѣ: это — самодѣятельность художника въ дѣлѣ ознакомленія нашей публики, какъ столичной, такъ и провинціальной, съ результатами его работъ, съ художественными произведеніями. Идея эта не новая. Въ видѣ частныхъ единичныхъ случаевъ она практиковалась не разъ, напримѣръ г. Айвазовскимъ, задолго до возникновенія Товарищества. Но она не имѣла характера періодическаго ежегоднаго отчета и знакомила только съ дѣятельностію одного художника. Мысль сгруппировать болѣе или менѣе выдающіяся художественныя силы въ нѣчто цѣльное, чтобы придать выставкѣ характеръ болѣе полнаго отчета по разнымъ отраслямъ русской живописи и организовать правильное періодическое передвиженіе такой выставки по наиболѣе интеллигентнымъ пунктамъ Россіи принадлежитъ всецѣло г.г. Мясоѣдову и Ге. Для осуществленія этой мысли нужно было привлечь къ дѣлу такихъ участниковъ, которые съ одной стороны были-бы талантливыми художниками, заявившими себя какъ выдающіеся представители разныхъ отраслей живописи, а съ другой стороны были-бы благонадежными членами предпріятія въ нравственномъ отношеніи, т. е. вполне усвоили-бы себѣ общественные принципы Товарищества и составили-бы прочный нравственный оплотъ противъ вторженія въ это дѣло случайныхъ личныхъ аппетитовъ и корыстныхъ цѣлей, идущихъ въ разрѣзъ съ интересами искусства и задачами его общественной миссіи. Насколько удачно былъ сдѣланъ первый выборъ участниковъ, въ числѣ 14 человекъ, которые были названы учредителями Товарищества, доказываетъ огромный успѣхъ его первой выставки въ 1871 году и постоянно возрастающій интересъ къ ней въ послѣдующіе годы всюду, гдѣ она ни появлялась.

Сочетаніе такихъ двухъ критеріевъ при выборѣ въ члены Товарищества, какъ извѣстный художественный и нравственный цензъ, и устраненіе всякихъ коммерческихъ цѣлей, за исключеніемъ платы за входъ, необходимой для покрытія расходовъ на передвиженіе, придало Товариществу и его выставкамъ чрезвычайно интересный и симпатичный характеръ. Явилось желаніе расширить это дѣло и обезпечить его долговѣчность, открывъ постоянный притокъ въ Товарищество новыхъ художественныхъ силъ. Примѣнить вышеупомянутый двойной критерій къ новымъ элементамъ, пожелавшимъ войти въ составъ Товарищества, было уже не такъ легко. Учредителямъ приходилось считаться съ новыми затрудненіями, которыхъ почти не встрѣтили первые піонеры Товарищества, найдя въ Петербургѣ и въ Москвѣ готовый контингентъ лицъ, уже заявившихъ себя какъ талантливые и вполне опредѣлившіеся художники и въ то же время испытанные въ способности къ энергической самодѣятельности и безкорыстному труду. Все это были почти ровесники и сверстники по академіи, хорошо знавшіе другъ друга со школьной скамьи. Съ появленіемъ въ семьѣ передвижниковъ новыхъ членовъ изъ года въ годъ стали возникать въ Товариществѣ новыя теченія, недоразумѣнія и несогласія, результатами которыхъ бывали такія потрясенія, какъ напримѣръ выходъ изъ Товарищества Перова, К. Е. Маковского, М. К. Клодта и друг. Въ то же время съ внѣшней стороны Товарищество приобрѣло себѣ не мало враговъ въ лицѣ сторовниковъ академической рутинѣ и молчаливской благонамѣренности, немогшихъ равнодушно смотрѣть на успѣхъ его выставокъ и въ лицѣ репортеровъ многихъ крупныхъ и мелкихъ столичныхъ газетъ и журналовъ, не исключая даже и художественныхъ, не встрѣтившихъ со стороны товарищей предупредительности и заискиванья въ нихъ, къ чему они такъ привыкли по традиціямъ всѣхъ коммерческихъ предпріятій. Между тѣмъ и время вело свое дѣло разрушенія. Смерть выхватила изъ среды Товарищества уже семерыхъ: Гуна, Крамскаго, Н. Маковского, Литовченко, Каменева, Аммона и Амосова, если не считать Перова, вышедшаго изъ Товарищества за нѣсколько лѣтъ до смерти. Сверхъ этихъ потерь, на выставкахъ Товарищества перестали участвовать г.г. Рѣпинъ, В. М. Васнецовъ и Куинджи, а на послѣдней выставкѣ недостаетъ г.г. Прянишникова, Максимова, Лемана и Харламова. Если при этомъ принять еще къ свѣдѣнію, что изъ участниковъ настоя-

щей выставки г. Суриковъ ограничился только двумя этюдами, г. Полѣновъ—небольшимъ пейзажемъ, г. Бронниковъ и Клодтъ двумя крошечными картинками и г. Ге—незначительнымъ женскимъ портретомъ, такъ какъ ему не удалось выставить здѣсь свою большую картину «Христосъ передъ судилищемъ», то слѣдовало бы ожидать, что выставки Товарищества за послѣдніе года вообще и нынѣшняя въ особенности должны страдать крайней бѣдностью картинъ по количеству и качеству сравнительно съ выставками прежнихъ лѣтъ, когда онѣ украшались именами всѣхъ нынѣ отсутствующихъ художниковъ. Но такъ ли оказывается на самомъ дѣлѣ?

Несомнѣнно, что утрата такихъ художниковъ, какъ г.г. Рѣпинъ или В. Васнецовъ, не говоря уже о Крамскомъ и Перовѣ, есть очень чувствительная утрата и объ ней долго будутъ помнить обычные посѣтители передвижныхъ выставокъ, но тѣмъ не менѣ эти посѣтители почти поголовно константируютъ общій подъемъ художественнаго уровня всей нынѣшней выставки и присутствіе въ ней большаго художественнаго интереса. Помимо того, что многіе старые члены Товарищества представлены здѣсь въ полномъ расцвѣтѣ своего таланта, какъ г.г. Шишкинъ, Лемохъ, Брюловъ, Ярошенко, Мясоѣдовъ, Боголюбовъ, Волковъ и Беггровъ, а Вл. Маковский, кромѣ знакомаго всѣмъ его тонкаго юмористическаго приѣма (въ картинѣ «Первый фракъ»), является на этотъ разъ совершенно въ новомъ свѣтѣ, въ глубокой, психической драмѣ изъ низшихъ слоевъ городской жизни въ своей картинѣ «Не пущу!» и оказывается въ то же время замѣчательнымъ портретистомъ, превзошедшимъ въ нынѣшнемъ его «Портретѣ Г. К.» все, что имъ сдѣлано до сихъ поръ въ этомъ родѣ, не исключая даже его чудеснаго прошлогодняго портрета Е. С. Сорокина, такъ какъ въ портретѣ Г. К. больше изящества, простоты и внутренней жизни, такъ и свѣтящейся во всѣхъ чертахъ нервнаго лица и въ изумительно горящихъ глазахъ; помимо всего этого на выставкѣ замѣтно сильное поступательное движеніе впередъ такихъ крупныхъ молодыхъ талантовъ, какъ г. Дубовской въ его очаровательной картинѣ «На Волгѣ», (безспорно лучшимъ пейзажѣ на выставкѣ), какъ г. Архиповъ «Передъ обѣдней», г. А. Веснецовъ—«Утро», г. Свѣтославскій «Постоялый дворъ», г. Касаткинъ «Осиротѣли», г. Левитанъ «У омута», «Лѣто» «Октябрь» и друг. Въ жанровыхъ картинахъ и отдѣльных типахъ нельзя не отмѣтить характерныхъ упитанныхъ фигуръ помѣщиковъ въ картинѣ г. Савицкаго «Усебя на хуторѣ», удачные типы, ясный рассказъ и тонкость отдѣлки въ «Угощеніи шута» и въ «Дуркѣ» г. Лебедева, оживленное и понятное выраженіе въ лицахъ «Подругъ» г. Ярошенко и удивительно жи-

вой типъ его-же «Пострѣленка», далѣе удачно взятый и выраженный моментъ въ картинѣ г. Загорскаго «Въ ожиданіи приговора доктора», не требующій никакихъ комментарій и совершенно понятный и безъ этого названія; наконецъ нельзя не упомянуть прекрасную написанную симпатичную головку «Послушницы» г. Кузнецова и столь же симпатичную «Дѣвочку съ гусями» г. Бодаревскаго. Изъ пейзажей, кромѣ названныхъ раньше, обращаютъ на себя вниманіе двѣ вещицы г. Кузнецова «Овцы» и «Охотникъ» написанныя съ французскимъ щегольствомъ техники, хотя въ нѣсколько предвзятыхъ тонахъ (особенно первая), «Вечеръ послѣ грозы» г. Остроухова, типичный русскій пейзажъ съ замѣчательно вѣрнымъ тѣневымъ тономъ на пригоркѣ въ лѣвой сторонѣ картины; далѣе «Прудокъ» и «Зрѣющія нивы» г. Мясоѣдова, «Осень» г. Свѣтославскаго и крупный образцовый этюдъ лопуховъ г. Шильдера, слишкомъ, впрочемъ, однотонный въ дальнихъ планахъ.

Но до сихъ поръ мы говорили только о картинахъ членовъ Товарищества. Между ними выставлено еще 35 картинъ экспонентовъ (всѣхъ картинъ на выставкѣ болѣе ста). Хотя это работы большею частію очень молодыхъ художниковъ, но многія изъ нихъ, уже имѣютъ за собой крупныя художественныя достоинства. Какъ на болѣе выдающіяся въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ указать на картины: *Н. Боданова* (умершаго въ февралѣ этого года)—«Чтеніе Корана въ Каирѣ», *г. Буковецкаго*—«У богатаго родственника», *г. Коновалова*—«Нашли», *г. Корина*—«Большой художникъ», *г. Крыжицкаго*—«Послѣдній свѣтъ», *г. Мозгова*—«Выдача подарковъ питомцамъ Воспитательнаго Дома», *г. Мьшикова*—«Зубоврачеваніе», *г. Нилуса*—«Познакомимъ», *г. Пастернака*—«Муки творчества», *г-жи Полюновой*—«Въ дѣтской» и *г-жи Панксъ*—«Новенькая». Иныя изъ нихъ по зрѣлости художественнаго замысла, а иныя по совершенству техники стоятъ уже на значительно высокой степени развитія и это богатство новыхъ художественныхъ силъ, готовыхъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ вступить въ ряды членовъ Товарищества, обезпечиваютъ за этимъ послѣднимъ неугасаемую жизнь и блестящую будущность. Весь вопросъ въ томъ, насколько прочна и дѣйствительно присуща имъ та художественная искра, которая проглядываетъ въ ихъ настоящихъ произведеніяхъ и на сколько способны они проникнуться основными принципами Товарищества, усвоить ихъ себѣ и сохранить ихъ въ своей дальнѣйшей практической жизни въ той чистотѣ, чтобы, служа интересамъ художниковъ, въ то-же время отнюдь не упускать изъ виду главнаго изъ всѣхъ интересовъ:—интереса высокаго идейнаго искусства. Только благодаря служенію этому послѣднему, за всѣ 20 лѣтъ существованія Товарищества выстав-

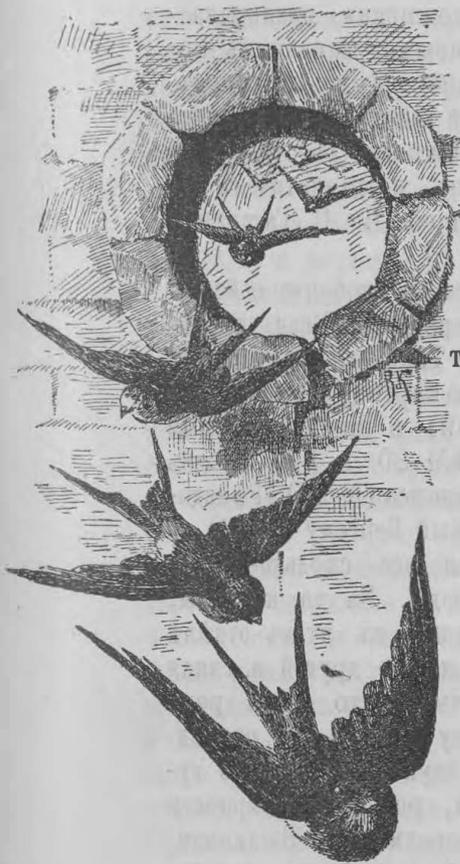
ки его оставались почти всегда на высотѣ того положенія, которое онѣ приняли самаго начала, т.-е. были выраженіемъ лучшихъ и оригинальныхъ стремленій къ красотѣ и правдѣ національнаго русскаго искусства.

Однако мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, что все являвшееся на выставкахъ Товарищества было безукоризненно. Рядомъ съ сильными художниками въ среди Товарищества всегда были и будутъ и слабые. Кромѣ того въ дѣятельности самыхъ крупныхъ представителей искусства всегда неизбежны колебанія въ интенсивности творчества, въ успѣхѣ выбора задачи и въ ея исполненіи. Поэтому, разумѣется, ни одна выставка Товарищества не обходилась безъ того, что называется балластомъ, и на настоящей выставкѣ мы указали лишь не болѣе тридцати особенно выдающихся картинъ членовъ Товарищества и около десяти—экспонентовъ. Однако и во всемъ остальномъ очень

мало такого, чтобы дискредитировало выставку, шло-бы въ разрѣзъ съ ея общимъ принципиальнымъ направленіемъ и отличалось-бы крупными техническими или логическими недостатками. Мы умалчиваемъ объ этихъ послѣднихъ ввиду того, что въ нашей періодической печати всегда болѣе чѣмъ достаточно охотниковъ преслѣдовать и выставлять на общее посмѣяніе все слабое и неудачное на нашихъ выставкахъ, хотя при этомъ сплошь и рядомъ всѣ нападкі критики обрушиваются на лучшія произведенія выставки, а болѣе неудачныя превозносятся въ перлы творчества. Впрочемъ, послѣднее случается сравнительно рѣдко вслѣдствіе расположенія нашихъ доморожденных эстетиковъ къ поголовному распеканію и такимъ образомъ по отношенію къ дѣйствительно слабымъ экспонатамъ они часто, хотя и не умышленно, попадаютъ въ цѣль.

И. П—въ.

Выставка картинъ и художественныхъ произведеній изъ частныхъ собраній Москвы.

открытая въ концѣ великаго поста въ верхнихъ залахъ Историческаго музея, выставка эта устроена съ благотворительной цѣлью (въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая) по частной инициативѣ и составлена изъ картинъ и другихъ цѣнныхъ предметовъ по части стариннаго серебра, бронзы, хрусталя и фарфора собранныхъ изъ галлерей

частныхъ владѣльцевъ Москвы.

Среди такого большаго числа одновременныхъ съ ней другихъ картинныхъ выставокъ, какого не запомнятъ москвичи, эта выставка отличается наибольшимъ интересомъ и по количеству картинъ превосходитъ всѣ остальные (выставки гг. Рѣпина, Клевера, XX передвижную, не говоря уже о г.г. К. Маковскомъ и Сухоровскомъ, выставившихъ только по одной картинѣ). Не касаясь другихъ предметовъ этой выставки, мы рассмотримъ только ея картинный отдѣлъ.

Онъ занимаетъ три залы: въ первой помѣ-

щается русская школа, какъ старая, такъ и новая въ числѣ 33 картинъ; во-второй 69 картинъ новыхъ европейскихъ школъ и въ третьей, самой обширной, собрано 106 картинъ старинныхъ европейскихъ мастеровъ, начиная отъ временъ Джіотто и кончая прошлымъ столѣтіемъ.

I.

Хотя эта послѣдняя зала изобилуетъ знаменитыми именами Джіотто, Поля Веронеза, Рибера, Сальватора-Розы, Мурилліо, Веляскеца, Рубенса, Ванъ-Дейка, Рембрандта, Альбрехта-Дюрера и многихъ другихъ, но большинство картинъ, приписываемыхъ всѣмъ этимъ свѣтиламъ искусства, при несомнѣнныхъ достоинствахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, ничѣмъ не напоминаютъ ихъ авторовъ и устроители выставки поступили весьма тактично, сдѣлавъ въ концѣ каталога предостерегательную оговорку, что имена этихъ художниковъ сообщены самими владѣльцами—экспонентами. Такая оговорка снимаетъ всякую отвѣтственность съ комитета выставки, сваливая ее всей тяжестью на владѣльцевъ картинъ. Но кто не знаетъ слабости всѣхъ любителей и собирателей древностей придавать всякому попавшемуся имъ въ руки старью великую цѣнность и значеніе. Посѣтитель мало-мальски знакомый съ работа-

ми великихъ мастеровъ, снисходительно улыбнется передъ «Семейнымъ портретомъ изъ четырехъ лицъ» Веляскеца, передъ «Головой монаха» Мурилліо, «Поклоненіемъ волховъ» Рубенса, или «Спасителемъ въ терновомъ вѣнцѣ» Альбрехта Дюрера. Цѣлыхъ девять Грезовъ онъ увидитъ на этой выставкѣ, но, какъ напоминающихъ дѣйствительно Греза, можно назвать развѣ только два довольно посредственныхъ портрета князей С. С. и В. Н. Гагариныхъ и двѣ или три головки, принадлежащія П. И. Харитоненко, кн. Гагарину (дочь Греза) и г. Постникову («Женская головка»). Такъ же трудно допустить, чтобъ «Амуръ» (№ 15 каталога) принадлежалъ кисти Ванъ-Дейка, чтобы святую Викторію (№ 42) писалъ Доминикано, а ликъ Спасителя (№ 47) Андреа-дель-Сарто. Кто поручится за подлинность двухъ портретовъ Гольбейна, за «Эскизъ Плафона» Поля Веронеза, за «Смѣющагося» Теньера и за многихъ другихъ? Поручиться за это могутъ только владѣльцы этихъ картинъ или тѣ лица, отъ которыхъ онѣ пріобрѣтены. Но это неотъемлемое свойство всѣхъ любителей, собирающихъ свои коллекціи древностей; это ихъ гордость и утѣшеніе и мы напрасно бы стали пытаться разочаровывать ихъ въ ихъ сладкой иллюзіи. Большинство любителей-коллекторовъ, фанатически вѣруя въ несомнѣнную подлинность своихъ собственныхъ Рафаэлей, Тиціановъ и Рембрандтовъ, всегда иронически подсмѣиваются надъ точно такими-же Рафаэлями, Тиціанами и Рембрандтами, находя ихъ у другихъ любителей, и взгляды ихъ въ этомъ отношеніи не могутъ быть измѣнены самой строгой археологической и эстетической критикой. Поэтому займемся теперь этими старыми картинами, не касаясь ихъ подлинности и, во избѣжаніе вопроса объ этомъ, будемъ говорить—«приписывается такому-то», разумѣется за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, въ подлинности которыхъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Среди и тѣхъ и другихъ есть много прекрасныхъ вещей на выставкѣ.

Изъ картинъ религіознаго содержанія которыхъ очень много въ этомъ отдѣлѣ, особенно выдѣляется по своимъ достоинствамъ «Благословеніе Іакова Исаакомъ» (приписывается Рибера). Вся фигура старика Исаака удивительно мощно написана, рельефна и колоритна, такъ что вліяніе времени на краски, этого губительнаго бича масляной живописи, здѣсь очень мало вредитъ ей. Лѣвая половина картины, гдѣ помѣщены Іаковъ и жена Исаака, гораздо хуже исполнена. Видимо эта половина болѣе пострадала отъ времени и была неудачно реставрирована. Но фигура Исаака такъ хороша, что она искупаетъ всѣ прочіе недостатки картины. Превосходна также картина «Св. Севастьянъ», приписываемая Сальватору Роза. Это скорѣе

большой этюдъ или эскизъ, чѣмъ картина. Живопись здѣсь груба и небрежна, но зато какъ она широка, сильна и виртуозна! Каждый мазокъ кисти здѣсь попадаетъ въ цѣль, каждый поворотъ его помогаетъ лѣпкѣ и колоритъ этой вещи, хотя и не такъ пріятенъ, какъ въ «Благословеніи Іакова», кажется, еще менѣе поддался вліянію времени и дышетъ изумительной свѣжестью и силой. Обѣ эти картины были на выставкѣ старинной живописи въ Обществѣ Любителей Художествъ года 2 тому назадъ и тамъ онѣ были столько же выше всего остального, какъ и здѣсь. Относительной свѣжестью красокъ отличаются затѣмъ: «Мадонна» школы Ванъ-Дейка (№ 21), «Мадонна», приписываемая Альбрехту Дюреру, (№ 66) и прекрасная «Голова монаха (испанца)», приписываемая Мурильо, очень тонко и изящно нарисованная и написанная (№ 3).

Много прекрасныхъ работъ въ этой залѣ по части портретовъ. Такъ нельзя не залюбоваться на «Портретъ самого художника», приписываемый Рембрандту, съ живымъ, типичнымъ лицомъ и великолѣпно написаннымъ костюмомъ. Превосходенъ «Мужской портретъ» Тербурга (№ 27) и «Портретъ художника» работы Метцю (№ 35). Очень изященъ и симпатиченъ по живописи «Портретъ князя Н. С. Гагарина» Виже-Лебрена (№ 101).

Среди бытоваго жанра и особенно пейзажа въ этой залѣ мало интереснаго. Если указать изъ первыхъ на Жерара Тербурга (№ 9), Брауэра (№ 39), превосходную картину Метцю «Докторъ у больной» (№ 59) и на характерныя «Идилліи» Ланделя (№№ 80 и 81), а изъ вторыхъ на пейзажъ Винанса (№ 24), Рюиздаля (№ 28) и приписанный Бергему (№ 40),— то этимъ исчерпывается все сколько-нибудь интересное въ этомъ родѣ. За то картины, изображающіе nature-morte въ этомъ отдѣлѣ (ихъ всего пять), одна лучше другой и, глядя на нихъ, можно убѣдиться, что этотъ родъ живописи еще въ старину сказалъ свое послѣднее слово, ничѣмъ неуступая новѣйшимъ художникамъ въ тонкости, рельефѣ и вѣрности тоновъ изображаемыхъ предметовъ. Взгляните, напримѣръ, на посуду, яблоки и проч. въ картинѣ «Кухня» неизвѣстнаго художника голландской школы (№ 20), на «Дичь» С. Леліенберга (№ 71) или на «Гуся» то же неизвѣстнаго художника нѣмецкой школы (№ 72).

Изъ перспективныхъ видовъ здѣсь интересна только одна картина Панини, представляющая внутренность Пантеона въ Римѣ (№ 11), но и то болѣе въ археологическомъ, чѣмъ въ художественномъ смыслѣ.

II.

Картины новыхъ европейскихъ школъ, выставленныя въ другой залѣ, представляютъ

гораздо болѣе изысканный и богатый выборъ. Известныхъ именъ здѣсь такъ же много, по подлинность ихъ уже не подлежитъ сомнѣнію. Религіозная и портретная живопись здѣсь почти совершенно отсутствуетъ (изъ 69 картинъ только одна—библейскаго жанра и два портрета), уступая мѣсто бытовому жанру и пейзажу. Многія изъ этихъ картинъ уже знакомы нашей публикѣ, такъ какъ онѣ были выставлены частію въ 1887 г. въ пользу попечительства о бѣдныхъ Евангелическаго исповѣданія, а частію еще въ 1882 г. на лѣтней выставкѣ Общества Любителей Художествъ.

Единственная картина библейскаго жанра принадлежитъ кисти итальянскаго художника Морелли и изображаетъ «Возвращеніе Богоматери съ Голгофы». Поколѣнная фигура Богоматери въ натуральную величину полна глубокой скорби. Но это земная, вполне реальная женщина, а не та божественная Мадонна, которую старались изобразить старые итальянскіе художники. По техникѣ тѣла и тканей одежды, по реальности освѣщенія и свѣжей прелести красокъ она гораздо выше всѣхъ тѣхъ Мадоннъ, которыя помѣщены въ залѣ старыхъ мастеровъ, по надо сознаться, что ей не достаетъ того возвышеннаго духа святости, который проглядываетъ тамъ даже въ самыхъ наивныхъ и неудачныхъ произведеніяхъ.

«Женскій портретъ» Макарта и «Портретъ княгини А. Н. Гагариной» Винтергальтера по характерной условности въ манерѣ того и другаго художника, идеализирующей по своему изображаемымъ ими лица въ ущербъ ихъ дѣйствительной живой красотѣ, стоятъ несравненно ниже многихъ названныхъ портретовъ старой школы.

Но жанръ и пейзажъ этого отдѣла затмеваетъ все остальное на всей выставкѣ. Жизнь человѣческая и окружающая ее природа со всѣми радостями и печальми, съ солнцемъ и непогодой такъ и глядитъ съ этихъ большихъ и малыхъ холстовъ, приковывая къ себѣ вниманіе зрителя и вызывая въ немъ эмоціи всѣхъ тѣхъ ощущеній, которыя переживалъ художникъ. Скажемъ сначала о пейзажѣ.

Прежде всего бросаются въ глаза «Вѣтряныя мельницы въ Роттердамѣ» австрійскаго художника Русса. Эти темныя крылья великановъ, въ безпорядкѣ пересѣкающія въ разныхъ направленіяхъ свѣтлое вѣтряное небо съ разорванными облаками, громоздящіяся надъ высокими постройками у самаго края воды, на которой кипитъ судовая жизнь, такъ и переносятъ васъ къ топямъ Голландіи, на влажный воздухъ ея сырыхъ и густо населенныхъ прибрежій.

«Морской видъ» Андрея Ахенбаха открываетъ передъ нами суровое, бушующее море, на которомъ тревожно мечутся рыбацкія суда, едва держась на своихъ якоряхъ; къ берегу

съ моря ползетъ неуклюжая, безформенная туча, застилая своей тѣнью все взморье, и какъ непривѣтливо смотритъ эта тѣнь на ряду съ узкой полосой солнечнаго свѣта, пробѣгающаго въ отдаленіи по пѣнящемуся прибою.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой картины совсѣмъ другое море другаго Ахенбаха—Освальда. Здѣсь полная тишина и спокойствіе. Поверхность залива чуть зыблется, отражая въ себѣ умирающую, уже похолодѣвшую зорю неаполитанскаго неба, между тѣмъ какъ съ востока изъ-за спины зрителя начинается свѣтитъ луна. Набережная полна народу и на заливѣ масса лодокъ съ публикой и огоньками. Всѣ любятъ на иллюминацію и фейерверкъ, устроенный на одномъ пунктѣ набережной въ честь какого-нибудь патрона. Это одинъ изъ ночныхъ праздниковъ въ Неаполѣ. Какая поэтическая задача въ выборѣ такого момента и какъ она чудесно исполнена! Далѣе опять ненастное, бурное море, бьющееся о суровыя мшистыя скалы пустыннаго берега, въ картинѣ Жюля Дюпре «Прибой», написанной такими тонами и съ такой энергіей, какъ будто сама стихійная сила грозы извлекала краски изъ палитры художника и нагромоздила ихъ мощной рукой на холстѣ.

Почти такую-же силой отличается эскизный набросокъ Мездага, представляющій вѣтренный день на морѣ съ весело бѣгущими по немъ парусными судами. Превосходна и легкая зыбь «На взморьѣ» Дюкера съ отраженіемъ въ ней багряныхъ барашковыхъ облаковъ, вечерняго неба и съ удивительно вѣрнымъ тономъ мокрыхъ, подгнившихъ устоевъ бревенчатой пристани направо, къ которой подходит парходъ. Другой пейзажъ Дюкера съ гладкимъ зеленовато-свинцовымъ моремъ вдаль и цѣлымъ рядомъ вытасенныхъ на берегъ лодокъ на первомъ планѣ тоже очень хорошъ. Особенно удачно въ немъ небо съ стройнымъ и легкимъ облакомъ на лѣвой сторонѣ, укладывающимся къ горизонту въ болѣе тяжелую массу, а къ зениту расплывающимся въ нѣжную, перистую ткань цвѣта gris-perle. А вотъ еще превосходный воздухъ въ картинѣ «Морской берегъ въ Бретани» кисти Зіма. Переходя отъ маринъ къ пейзажу, нельзя не остановится еще на чудесной картинкѣ Рико «Отдѣльный кварталъ Венеціи» съ мягкой и веселой пестротой живописныхъ построекъ, охваченныхъ теплымъ воздухомъ и привѣтливымъ солнцемъ.

Швейцарскій пейзажъ Калама хорошъ, но далеко не изъ лучшихъ его вещей. Рѣзкость и чернота, даже нѣкоторая грубость письма, вовсе несвойственныя Каламу, производятъ непріятное впечатлѣніе. Двѣ вещи Фортупи: «Въ Гренадѣ» и «Этюдъ», особенно послѣдній, блещутъ красками и тонкой, вкусной манерой. Изъ двухъ пейзажей Добиньи, очень близкихъ

другъ къ другу по сюжету и даже по характеру освѣщенія, — первый, а именно «Сумерки», трагующій пустынную болотистую мѣстность, застывшую въ дремотѣ наступающихъ сумерекъ, неподражаемо хорошъ. Неопредѣленность контуровъ и тоновъ, нивелируемыхъ густотой полумрака, — эта труднѣйшая задача въ пейзажной живописи, достигнута здѣсь въ совершенствѣ. Какъ въ натурѣ, такъ и у Добиньи здѣсь все однотонно, — но и колоритно, темно, — но не черно.

Ту-же поэзію полумрака, но не вечеряго, а передразвѣтнаго, передаетъ Коро въ своемъ «Утрѣ». За причудливыми контурами башенъ какого-то замка чуть загорается утренній свѣтъ, по густыя деревья перваго плана еще тонуть во мракѣ. По силѣ колорита эта вещь слабѣе Добиньи, но она чрезвычайно симпатична по фантастической концепціи сюжета въ связи съ таинственнымъ освѣщеніемъ.

Если перейти отъ нея къ картинѣ Де-Нитиса «Дорога близъ Неаполя», то это будетъ похоже на переходъ отъ сладкаго и свѣжаго утренняго сна къ яркой, отчетливой и отрезвляющей дѣйствительности. Ослѣпительный свѣтъ и зной южнаго солнца па открытомъ полѣ, по которому тянется лента пыльнаго известковаго шоссе, съ группой отдыхающихъ ра-

бочихъ на первомъ планѣ, и нигдѣ ни клочка тѣни, чтобы укрыться отъ этого солнца, — вотъ картина Де-Нитиса и вотъ впечатлѣніе неизбѣжно возникающее въ душѣ зрителя при видѣ этой картины. Сильнѣе и правдивѣе невозможно передать такого сюжета и реальность исполненія уравновѣшена здѣсь съ изящнымъ мастерствомъ и благородствомъ манеры.

Ближе всего къ Добиньи и Коро по романтическому характеру возрѣпія па природу стоятъ Гильдебрандтъ, Руссо и Діазъ. Гильдебрандтъ очень типично представленъ здѣсь въ его излюбленномъ сюжетѣ «Закатъ солнца». Вся картина озарена горячимъ золотистымъ свѣтомъ. Въ картинѣ Руссо «Рѣчка въ лѣсу» странныя по формѣ деревья написаны въ предвзятомъ табачно-зеленоватомъ тонѣ, хотя ни эта форма, ни краски не лишаютъ ее глубоко-поэтического настроенія. Безподобный пейзажъ Діаза «Дорога въ лѣсу» блещетъ яркой свѣжестью колорита и удивительно пріятнымъ сочетаніемъ тоновъ неба, зелени и свѣтлыхъ древесныхъ стволовъ. По интенсивности солнечнаго свѣта она не уступаетъ Де-Нитису.

Объ остальныхъ картинахъ этой группы и объ отдѣлѣ русской живописи поговоримъ въ слѣдующій разъ.

А. Ки—левъ.

Большой театръ.

„Ролла“ опера г. Симона.

Новинка весенняго сезона, опера — «Ролла», шла въ первый разъ 17 апрѣля, подъ управленіемъ г. Авранека и имѣла очень шумный успѣхъ: автора вызывали уже послѣ перваго акта, поднесли ему нѣсколько вѣнковъ и цѣпныхъ подарковъ, много аплодировали ему, дирижеру и исполнителямъ главныхъ партій. Насколько

новая опера будетъ нравиться впослѣдствіи, покажетъ будущее, по несомнѣнно, что первый сценическій трудъ г. Симона заинтересовалъ публику: она, знакомая съ его многочисленными музыкальными сочиненіями другаго рода и любящая ихъ, охотно собралась 17 апрѣля привѣтствовать талантливаго автора и дала въ тотъ вечеръ

прекрасный сборъ одному изъ громаднѣйшихъ театровъ въ мірѣ.

Сюжетъ «Ролла» заимствованъ изъ французской *одноактной* драмы Лафона — «Le chef d'oeuvre inconnu» *) и очень просится па музыку. Вкратцѣ онъ таковъ. Талантливый молодой скульпторъ Ролла незнатнаго происхожденія любитъ аристократку Леонору и пользуется ея взаимностью, безъ всякой надежды на бракъ. Въ изваенной имъ статуѣ онъ воспроизвелъ черты Леоноры и потому не можетъ выставить свое произведеніе на конкурсъ. Случайно статую видитъ Микель-Анджело, восхищается ею и сообщаетъ о ней герцогу. Тотъ посылаетъ къ Ролла за статуей. Но Ролла скорѣе откажется отъ ожидающей его славы, чѣмъ всенародно выставить на показъ свою любовь, любовь плебея, могущую оскорбить патриціанскую гордость. Онъ разбиваетъ статую, въ которую влилъ всю свою жизнь, а вмѣстѣ съ

*) Въ русской драматической литературѣ имѣются два перевода этой драмы: одинъ Кукольниковъ, подъ названіемъ „Ролла во Флоренціи“, другой Родиславскаго — „День изъ жизни художника“; наиболѣе популяренъ второй.

тѣмъ разбиваетъ и самую жизнь. Онъ умираетъ въ то время, когда и слава, и любовь сразу передъ нимъ раскрыли свои объятія: по суду Микель-Анджело Ролла объявленъ побѣдителемъ конкурса, Леонора получила разрѣшеніе быть женой художника.

Изъ *одноактной* драмы выросло *пятиактное* либретто. И этотъ ненормальный ростъ не послужилъ въ пользу оперы: сюжетъ потерялъ свою силу, расплылся въ ненужныхъ подробностяхъ, разиѣнялся на эпизоды, сталъ нестройнѣе, запутаннѣе, довольно проигралъ въ подвижности, не мало выигралъ въ скучѣ. Къ тому же стихи либреттиста оставляютъ многого желать. Въ нихъ слишкомъ слышна рима, такъ какъ смысловыя остановки приходится большею частью на ней. И это нехорошо: музыка на текстъ съ короткими строчками, рѣзко римованными, легко пріобрѣтаетъ нѣсколько банальный характеръ, «куплетный» въ худшемъ значеніи слова. Не хорошо по тому еще, что въ данномъ случаѣ какъ стихи, такъ и ихъ римы не удачны; это точно слова, неловко подогнанныя подъ готовую музыку, точно старинный русскій переводъ иностранныхъ оперъ. Беремъ на выдержку примѣры:

Жалокъ жребій мой,
Что мнѣ данъ судьбой;
Горько страдаю я,
Безумно такъ любя;
О, Леонора, ты пожалѣй меня!

Это любовный дуэтъ четвертаго дѣйствія.
А вотъ хоръ третьяго:

Будемъ пѣть, пока поется,
Съ пѣсней ляжемъ, съ пѣсней встанемъ,
И, пока легко живется,
На судьбу роптать не станемъ!
На поляхъ колосья зрѣютъ,
Наливается зерно,
Ихъ колыша, вѣтеръ вѣетъ,
Солнце льетъ на нихъ тепло.

Затѣмъ въ либретто не всегда соблюдены вѣрныя ударенія въ собственныхъ итальянскихъ именахъ. По итальянски произносятъ Анджело и Стефано съ удареніемъ на первомъ слогѣ. Либреттистъ въ первомъ имени путается, и у него тамъ удареніе то на первомъ слогѣ:

Нашъ Анджело будь славенъ!
Нашъ Анджело вивать!

то на второмъ:

Не стыдно-ль вамъ кричать?
У герцога—Анджело:
Не слѣдуетъ мѣшать!

Композиторъ исправилъ здѣсь либреттиста и, вое гдѣ измѣнилъ слова, всегда произноситъ имя великаго скульптора правильно; но остался солидаренъ съ либреттистомъ по отношенію къ *Стефано*: тотъ у обоихъ—*Стефано*.

Разсказъ о несчастномъ Ролла скорѣе легендарнаго характера. Но Микель-Анджело—безспорно историческая личность, о которой имѣются самыя положительныя и опредѣленные свѣдѣнія. Некрасивый, съ носомъ далеко не римской формы, Микель-Анджело натура суровая, замкнутая, чуждая какой-бы то ни было мягкости и сентиментальности; къ Рафаэлю онъ совсѣмъ уже не такъ благоговѣнно относится. У Лафона Микель Анджело нѣсколько идеализированъ. Либреттистъ же оперы г. Симона пошелъ далѣе и совершенно исказилъ образъ знаменитаго Анджело: для „Ролла“ онъ превратился въ приторнаго вздыхателя о безвременно умершемъ Рафаэлѣ. Чтобы хоть нѣсколько сгладить эту слащавость, г. Симону ничего не оставалось другаго, какъ изложить партію Микель-Анджело въ басовомъ ключѣ; но и это конечно мало помогло дѣлу.

Разскажемъ содержаніе либретто по актамъ.

Первый актъ у знатнаго генуэзскаго сенатора, графа Коста, роднаго отца Леоноры и названнаго отца двухъ существъ незнатнаго происхожденія; изъ нихъ одно—молодой человекъ, скульпторъ Ролла, другое—мальчикъ Стефано. Балъ: залы палаццо роскошно освѣщены. Гости танцуютъ чаконну. Подъ ея звуки происходятъ разныя мимолетныя сценки, и нѣкоторыя изъ нихъ—безъ всякаго отношенія къ сюжету: такъ какой-то Манрико устраиваетъ сцену ревности какой-то Лаурѣ, „трое молодыхъ дворянъ“ толкуютъ о „плѣнительныхъ взорахъ“. Входитъ самъ Коста. Гости его привѣтствуютъ:

Вивать, графъ Андреа,
Нашъ другъ покровитель,
Искусствъ всѣхъ цѣнитель,
Вельможа съ душой!

Тутъ - же изъ разговора графа съ однимъ изъ гостей выясняется, что въ Геную пріѣхалъ маркизь Аппіани объявить отъ лица флорентійскаго герцога большой конкурсъ на изваяніе для герцогской капеллы статуи св. Цециліи. Приходитъ шутъ, поетъ пѣсенку и уходитъ, чтобы ни разу больше не появляться въ оперѣ. На опустѣвшей сценѣ Аппіани и Леонора. Ихъ рѣчи „въ сторону“ даютъ понять, что Леонора любитъ Роллу, а маркизу очень нравится Леонора. Къ молодымъ людямъ присоединяется Коста, съ цѣлью во первыхъ тутъ-же на балу поплакать объ умершей женѣ, во вторыхъ—объявить, что его пріемныя дѣти „не знатнаго происхожденія и межъ патриціевъ являться не должны“, и въ третьихъ—спѣтъ съ маркизомъ и дочерью тріо. Эти послѣднее прерывается приходомъ офицера о сбировъ, посланныхъ дожемъ арестовать Косту. Громадный переполохъ: ни гости Косты, ни онъ самъ, ни публика хорошенько не понимаютъ зачѣмъ понадобился этотъ арестъ;

гости обнажаютъ шпаги, ворвавшійся въ залъ черезъ окно Ролла размахиваетъ „скульпторнымъ молотомъ“. Но графъ останавливаетъ сопротивленіе и сдается „жестокому приказу“, не зная за собой вины. Всѣ поражены ужасомъ. Графъ удаляется въ сопровожденіи стражи, предварительно простившись съ дѣтьми и поручивъ Леонору попеченіямъ Роллы.

Уже изъ одного пересказа перваго акта видно, насколько онъ неудачно завязываетъ драму и сколько въ немъ лишняго; онъ почти сплошь ненуженъ.

Второй много лучше силанированъ, компактиѣе, интереснѣе. Комната Леоноры въ генуэзскомъ дворцѣ ея отца. Ночь; изъ окна видно море, залитое луннымъ сіяніемъ. Леонора тревожно дремлетъ. Надъ нею поетъ „колыбельную“ ея старая кормилица. Леонора ждетъ Роллу, который долженъ принести ей вѣсть о томъ, къ чему присужденъ бѣдный Коста. По уходѣ кормилицы Леонора отдается горькимъ думамъ, а затѣмъ беретъ лютю и поетъ пѣсню, обращаясь къ морю: «Море безбрежное, море лазурное» и т. д. въ размѣрѣ известнаго романа «Ночи безумныя, почи безсонныя». Незамѣтно вошедшій Ролла безмолвно любитъ Леонорой: вдохновенное, молящее выраженіе лица ея поражаетъ его (впослѣдствіи онъ въ своей статуѣ св. Цециліи изобразилъ Леонору именно въ этотъ моментъ). Ролла сообщаетъ, что Коста избавленъ отъ болѣе тяжкаго наказанія, но присужденъ къ изгнанію (за что?). Дуэтъ, въ которомъ произносятся взаимныя клятвы принадлежать другъ другу «на вѣки». Занимается заря; издали слышна баркаролла выѣхавшихъ на промыселъ рыбаковъ. Показывается ихъ лодка. Ролла уходитъ; Леонора посылаетъ ему изъ окна прощальный привѣтъ.

Третье дѣйствіе во Флоренціи. Небольшая площадь въ предмѣстьи этого города. На площадь выходитъ дверь ветхаго домика, гдѣ живетъ Ролла и Стефано. «Поселяне и жители предмѣстья обоего пола» поютъ хоръ, текстъ котораго о «поляхъ», «зернахъ» и «солнцѣ» мы выписали выше. Входятъ Асканіо, Теобальдо и Мануэль, родственники Роллы, понадобившіеся либреттисту только для одного явленія. Они спрашиваютъ у хористовъ объ образѣ жизни скульптора, потомъ, къ большому неудовольствію теноровъ и басовъ, любезничаютъ съ сопранами и альтами и удаляются; а за ними и хоръ, съ прежними «полями», «зернами» и «солнцемъ» на устахъ. На сцену выступаетъ Аппіани и мечтаетъ о Леонорѣ (это добавленіе — любезность композитора по отношенію къ исполнителю роли маркиза; но либретто Аппіани отдѣльной аріи не поетъ) его смѣняетъ Микель-Анджело, мечтающій о Рафаэлѣ. Изъ жилища Роллы показывается Стефано. Онъ несетъ на продажу статуэтку ра-

боты брата. Маркизь покупаетъ ее, а Микель Анджело, заинтересованный талантомъ неизвѣстнаго ему Роллы, изъявляетъ желаніе съ нимъ познакомиться. Стефано, такъ и не зная кто съ нимъ говорилъ, удаляется. Возвращается народъ, напѣвая то-же, что въ этомъ актѣ пѣлъ уже два раза. Очевидно, по мнѣнію либреттиста, флоретинцы живутъ припѣваячи, но владѣютъ очень бѣднымъ репертуаромъ. Микель-Анджело узнавъ; его привѣтствуетъ толпа.

Итакъ весь актъ устроенъ ради статуетки. Все остальное къ сюжету не относится.

Четвертое дѣйствіе очень существенно. На этотъ разъ мы въ мастерской Роллы. Въ нишѣ за тяжелой занавѣсью стоитъ готовая статуя св. Цециліи. Ролла одинокъ, отдергиваетъ занавѣсъ и любитъ образомъ Леоноры, вдохновившимъ его при созданіи своего мастерскаго произведенія. Влюбленный художникъ дорожитъ этимъ изваяніемъ, любитъ его, какъ живое существо: онъ знаетъ, что въ рукѣ статуи есть небольшая ошибка (всего какихъ-нибудь «три удара», и она была бы исправлена); но онъ не рѣшается взяться за рѣзецъ, боится имъ дотронутся до Леоноры, ему ранѣе слышится ея крикъ, онъ почти видитъ ея кровь (это очень тонкая и красивая подробность). Налюбовавшись Ролла задерживаетъ занавѣсъ и предается любовнымъ мечтаніямъ. Возвращается Стефано послѣ удачной продажи статуетки. Онъ рассказываетъ о своей встрѣчѣ съ «знатнымъ господиномъ» и «старикомъ-купцомъ», который скоро хотѣлъ зайти взглянуть на статую «что скрыта тамъ» и тутъ же описываетъ свой сонъ.

... Цецилія святая

Стояла тамъ, меня благословляя.

Заплакалъ я, потомъ молиться сталъ,

Чтобы Господь тебѣ побѣду далъ.

Ролла уходитъ во дворецъ «взглянуть на статуи» и наказываетъ Стефано лишняго не болтать и занавѣсъ не открывать. Стефано, оставшись одинъ, начинаетъ свой скромный завтракъ, за которымъ застаётъ его Микель Анджело. Послѣднему нетрудно уговорить простодушнаго мальчика показать статую св. Цециліи. Анджело пораженъ: онъ видитъ въ произведеніи Роллы созданіе гения, но замѣчаетъ и ошибку; тогда онъ схватываетъ рѣзецъ и быстро до возвращенія Роллы успѣваетъ исправить ее. При прощаніи, Микель-Анджело, продолжая сохранять свое инкогнито, подаетъ Роллѣ руку и называетъ его братомъ. Ролла снова отдергиваетъ занавѣсъ. И что-же? Онъ не видитъ уже болѣе ошибки! Ему все сразу стало ясно: только Микель Анджело могъ такъ ее исправить. Значитъ, этотъ старикъ былъ онъ! Онъ руку ему жалъ, братомъ назвалъ! Ролла въ восторгѣ, и, по-

славъ Стефано въ церковь помолиться за него, дѣлать свои мечты о славѣ съ мечтами о Леонорѣ. Та входитъ сама: любовная сцена. Вбѣгаетъ Стефано, предупреждая брата, что къ ихъ жилью приближается маркизь «съ толпою слугъ». Ролла едва успѣваетъ проститься съ Леонорой, дать ей въ провожатые Стефано, выслушать отъ нея

Къ отцу не медля поспѣшу
Его согласья я на колѣняхъ испрошу,

(рѣчь идетъ о согласіи на свадьбу ея и Роллы) и притворить за ними дверь, какъ, черезъ нѣсколько минутъ, появляются Аппіани и его провожатые. Цѣль своего прихода маркизь выражаетъ такъ:

Вы статую на конкурсъ изваяли,
И Микель-Анджело ее случайно увидаль,
Меня-жъ затѣмъ сюда прислали,
Чтобъ во дворець ее я взял!

У Роллы борьба: его манить къ себѣ открывающійся такъ неожиданно «къ славѣ путь», но въ тоже время показать статую онъ не рѣшается. Эти колебанія только подтверждаютъ смутныя догадки Аппіани о существованіи здѣсь какой-то тайны: ему давно уже чувства между Леонорой и Роллой кажутся болѣе, чѣмъ братскими. Онъ сообщаетъ Роллѣ, что онъ, маркизь, просилъ у Косты руки Леоноры, и что, конечно, этотъ бракъ совершится: въ немъ вѣрнѣйшее средство возратить Костѣ «богатство и знатность». Пораженный этимъ извѣстіемъ, Ролла болѣе, чѣмъ когда-нибудь видитъ, что «любовь и слава были сонъ» и что «сокрыта тайна быть должна». Онъ прямо объявляетъ, что нехочетъ разстаться со статуей. Когда же маркизь желаетъ отнять ее силой, то Ролла бѣжитъ за занавѣсь и разбиваетъ «созданье рукъ своихъ». Актъ кончается словами Роллы, которыя онъ, указывая на осколки статуи, произноситъ въ сильнѣйшемъ возбужденіи и сопровождаетъ дикимъ хохотомъ:

Ну что-же вы?.. что стали?
Несите герцогу скорѣй!

Пятое дѣйствіе на площади передъ дворцомъ герцога; сцена полна народу. Всѣ нетерпѣливо ждутъ результатовъ конкурса; нѣкоторые порываются войти во дворець. Тарантелла. Крики о помощи за сценой: вбѣгаетъ Ролла въ полномъ безуміи. Всенародно кается онъ въ содѣянномъ преступленіи: молотомъ убилъ онъ Леонору;

Не только человекъ, но мраморъ благородный
Отъ звѣрства моего стоналъ!
Нѣтъ болѣе Цецилія святой,
Нѣтъ больше Леоноры!

Онъ падаетъ безъ чувствъ. Трубы за сценой. Съ террасы дворца Микель-Анджело объявляетъ побѣдителемъ Роллу. Происходитъ

трогательная сцена: около бѣднаго побѣдителя сгруппировались всѣ; тутъ и Стефано, и Микель-Анджело, и Леонора съ отцомъ. Леонора склонилась надъ Роллой, старается привести его въ чувство, зоветъ его своимъ мужемъ; хоръ славить побѣдителя; изъ дворца къ нему направляется процессія, несутъ золотой вѣнокъ и золотую цѣпь. Но уже поздно: Ролла только не надолго приходитъ въ сознаніе, чтобы, узнавъ всѣхъ кругомъ его стоящихъ, ему милыхъ, навѣки разстаться съ надломленной въ конецъ жизнью. Леонора бросается на дорогой трупъ; Микель-Анджело говоритъ:

Теперь хоръ ангеловъ безгрѣшныхъ
Ему загробный гимнъ поютъ

Народъ на колѣняхъ молится.

Какъ видимъ, послѣдніе два акта либретто много лучше предыдущихъ и особенно перваго и третьяго. Кое-какія длинноты, положимъ, и среди нихъ найдутся, но въ нихъ нѣтъ явныхъ неловкостей и ненужностей; все идетъ къ дѣлу и находится въ связи съ сюжетомъ.

Обращаемся къ музыкѣ.

Г. Симонъ—родомъ и воспитаніемъ французъ. Онъ ученикъ парижской консерваторіи. Но обстоятельства сдѣлали его въ 70 годахъ москвичемъ; и за эти послѣднія лѣтъ 20 въ характерѣ его музыки не трудно усматриваются все болше и болше въ ней обозначающіяся точки соприкосновенія съ манерой современныхъ русскихъ композиторовъ, когда эти послѣдніе пишутъ не въ ярко выраженномъ народно-бытовомъ складѣ, а касаются интернаціональнаго лирическаго чувства и сюжетовъ изъ западной жизни. Если надо называть имена русскихъ авторовъ, которые болѣе другихъ приходятъ слушателю въ голову при исполненіи послѣднихъ сочиненій г. Симона вообще и его „Роллы“ въ частности, то, конечно, придется остановиться отчасти на г. Кюи, а болѣе всего на г. Чайковскомъ.

Творческій талантъ г. Симона несомнѣненъ. Онъ, конечно, не блещетъ мощной оригинальностью, и новыхъ путей въ искусство ему не проложить; но въ этой безусловно искренней музыкѣ есть благородство, вкусъ, пріятная пѣвучесть, красивыя гармоніи, и льются эти звуки свободно, непринужденно, легко подыскивая для себя ясную, логическую форму, пріобрѣтая опредѣленные изящныя очертанія.

Болѣе фортепіанный композиторъ, чѣмъ инструментальный вообще, г. Симонъ однако въ оркестрѣ не теряется и, если въ немъ иногда бываетъ сѣрвать, то въ немъ же порою достигаетъ очень счастливыхъ и разнообразно колоритныхъ результатовъ. Какъ вокальный композиторъ, г. Симонъ, съ его без-

спорнымъ мелодическимъ даромъ, удаченъ главнымъ образомъ въ вещахъ, рассчитанныхъ на пѣвучесть прежде и больше всего. Декламационная сторона у него небезупречна, что въ пьесахъ на русскій текстъ объясняется не всестороннимъ знакомствомъ его съ нашимъ языкомъ. Наибольшіе декламационные недочеты г. Симона сводятся къ его манерѣ иногда торопить слова, при томъ, на нотномъ рисункѣ, лишенномъ музыкальнаго содержанія, а то такъ и просто на одной нотѣ. Бываютъ и акценты на словѣ меньшей логической важности, чѣмъ другія, а также невѣрныя остановки. Даемъ примѣры изъ „Роллы“. Въ аріозо Косты имѣемъ: „Я все тебя, *далекій другъ, ищу*“ (фраза, начавшаяся пѣвуче, вдругъ заторопилась на одной нотѣ). Романсъ Леоноры начинается широко: «Море безбрежное, море лазурное»; но далѣе Леонора спѣшитъ, чтобы взять секунду внизъ («вѣчно ты плещешь»), и еще болѣе спѣшитъ для другой секунды («вѣчно шумишь»). Коста въ концѣ дѣйствія поетъ — «прощай, дитя мое, прощай» и упираетъ на *мое*, а не на *дитя*. Леонора въ речитативѣ передъ упомянутымъ романсомъ декламируетъ такъ: «о, мо....ре, ты безбре...жной (*пауза*) далю не будешь радовать мой взоръ» (*далю не*—триоль, остальные семь слоговъ одна и та же нота, въ видѣ двухъ четвертей, четырехъ восьмушекъ и одной половины).

Судя по «Роллѣ», г. Симонъ держится умѣренно либеральныхъ взглядовъ на оперныя формы: онъ въ этомъ отношеніи и не крайній, и не ретроградъ, — пишетъ какъ большинство современныхъ оперныхъ композиторовъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ: въ лирическихъ мѣстахъ — по возможности сюжетомъ мотивированные закругленные номера; вмѣстѣ мотивированные ансамбли; для драматическихъ положеній съ быстрымъ движеніемъ — мелодическіе речитативы. Въ «Ролла» французско-русскій музыкантъ выказываетъ нѣкоторую склонность и къ вагнеризму: двѣ изъ его характеристикъ — Леоноры и Микель-Анджело, какъ служителя *художественной красоты*, сдѣланы отчасти по вагнеровски, съ помощью *лейтмотивовъ*; Леонору часто сопутствуетъ ея тема; точно также всюду, гдѣ на первый планъ выступаютъ вопросы объ *искусствѣ*, раздается въ оперѣ и вышеуказанная тема Микель-Анджело. На обѣихъ этихъ темахъ построено красивое вступленіе къ оперѣ, и это очень умно; дѣйствительно, весь смыслъ жизни Роллы — гармоническое сляніе любви къ Леонорѣ съ чистымъ стремленіемъ къ искусству, къ идеалу художественной красоты. Но все-таки г. Симонъ не настоящій вагнеріанецъ: онъ большею частью стремится характеризовать своихъ героевъ

не по вагнеровски, а самимъ складомъ музыки; нѣкоторые же мотивы проводитъ черезъ всю оперу не въ смыслѣ вагнеровскихъ характеристикъ, а какъ простыя воспоминанія кстати. Колориту страны и времени тоже удѣлено нѣкоторое мѣсто: Италия охарактеризована *баркаролой* втораго акта и *тарантеллой* пятаго; эпоха — старинной *чаконной* перваго дѣйствія.

Мы уже отмѣтили, что растянутое и неудачное либретто во многомъ помѣшало композитору. Въ первомъ актѣ мало чѣмъ могъ онъ вдохновиться и потому оно вышло въ общемъ сѣро и блѣдно. Недурна и довольно характерна «чаконна», гармонически красиво мягкое тріо Леоноры, Аппіани и Косты, задушевно и положительно съ достоинствами аріозо послѣдняго. Все же остальное, не исключая и «шута», отдаетъ холодной работой и, какъ музыка, незначительно. Второй актъ много интереснѣе. Прежде всего интродукція къ нему въ полномъ смыслѣ прелестна и носить на себѣ отпечатокъ не только тонкаго изящества и теплоты, но даже и поэзіи. Темой интродукціи послужила «колыбельная», которую поетъ кормилица Леоноры. Очень жаль, что этотъ симпатичный номеръ не достался въ руки г-жи Гнучевой; тогда бы онъ произвелъ фуроръ; но его поетъ г-жа Павлова, — и онъ прошелъ незамѣченнымъ. Искренна и умѣстно мечтательна пѣсня Леоноры «къ морю»; есть хорошее и въ любовномъ дуэтѣ, но онъ былъ бы еще лучше, если бы его первая тема не была такъ мѣстами тороплива, а вторая — такъ тяжеловѣсна. Баркаролла очень удачна.

Начальный хоръ третьяго акта отлично сдѣланъ; въ немъ имѣются настроеніе и дѣйствительныя музыкальныя красоты; но его стиль какой хотите, только не итальянскій, Флоренціи въ немъ вовсе не слышно. Остроумно написана сцена «родственниковъ» Роллы: здѣсь реплики хора «красавецъ», «тайна» — граціозны, а фраза басовъ «о законномъ мужѣ» добродушно-юмористична. Это талантливыя номера; въ немъ только странно степенно *rallentando*, пока вся толпа хохочетъ. Вставная арія Аппіани пѣвуча и эффектна; благодаренъ и номеръ Микель Анджело. Пѣсенка Стефано мила и игрива; вотъ гдѣ въ г. Симонѣ сказанъ безпримѣсный французъ. Остальное въ актѣ не важно.

Въ четвертомъ актѣ, который вообще весь слушается съ неослабѣвающимъ интересомъ, указываемъ лишь на главнѣйшее. Аріозо Роллы согрѣто большимъ чувствомъ, полно выразительности и сильно отражаетъ манеру г. Чайковскаго. Въ сценѣ Роллы и Стефано превосходенъ коротенькій эпизодъ, гдѣ мальчикъ рассказываетъ свой сонъ; это такъ трогательно

просто, умиленно, полно дѣтской, ничѣмъ не возмущенной вѣры и вмѣстѣ такъ музыкально, написано съ такимъ безупречнымъ вкусомъ. Отлично оркестровано мѣсто, гдѣ Микель-Анджело восхищается статуей, а въ оркестрѣ проходитъ тема «искусства». Слова Роллы по уходѣ Микель-Анджело — «пойми, другъ мой, онъ руку мнѣ пожалъ; пойми, пойми, — меня онъ братомъ звалъ» — примѣры хорошаго речитатива у г. Симона. Любовный дуэтъ впечатлителенъ, пылокъ, но въ немъ слишкомъ много унисоновъ, онъ слишкомъ длиненъ и расхолаживается разговорами въ серединѣ. Финаль не безъ энергіи, но общеперенъ въ мейерберовскомъ вкусѣ.

Первый хоръ пятаго акта очень хорошъ. Даже больше, — это, безъ сомнѣнія, самый жизненный изъ хоровыхъ номеровъ оперы. И такихъ результатовъ авторъ достигъ, давъ хору сложность контрапунктической конструкціи, т.-е. сообщивъ его музыкѣ ту «ученость», рядомъ съ которой такъ часто живутъ сухость и скука. Особенно хоръ оживаетъ, когда одна его часть хохочетъ, другая же держитъ тему. Тарантелла, характерно и съ огнемъ несущаяся оперная страница. Вся сцена сумасшествія Роллы сдѣлана мастерски: въ ней много правды, удачная декламация и музыка, не лишенная силы. Молитвенные аккорды хора какъ здѣсь, такъ и впоследствии, при смерти Роллы, — того извѣстнаго настроенія, которое давно показалъ Гуно надъ тѣломъ Валентина. Кстати, Ролла чуть-ли не дольше Валентина умираетъ; красиво задуманная сцена смерти безспорно выиграла бы, если была бы короче. Среди эпизодовъ, предшествующихъ ей, указать слѣдуетъ на романцетту Леоноры, прелестно и смѣло гармонированную, отчасти въ манерѣ г. Кюи, и на хоръ, торжественно и музыкально прославляющій побѣдителя.

Въ оперѣ слѣдовательно не мало по музыкѣ удавагося не только среди втораго, четвертаго и пятаго актовъ, актовъ, лучшихъ въ оперѣ, по даже и въ первомъ и третьемъ, наименѣе вышедшихъ. Благодаря этому, опера понравилась и имѣла успѣхъ. Но она бы еще лучшее произвела впечатлѣніе, если-бы авторъ, не теряя времени, взялся скорѣе за капитальныя урѣзки и передѣлыванія и осенью показалъ намъ «Роллу» въ обновленномъ видѣ, болѣе сжатомъ, а потому и болѣе сильнымъ.

Разучена опера очень старательно, но исполняется не во всемъ хорошо. Тщательно разученный оркестръ иногда играетъ вяло, иногда слишкомъ громко для тѣхъ голосовъ, которыми теперь располагаетъ нашъ Большой театръ. Въ первомъ актѣ, напримѣръ, бывали случаи, когда солистовъ (г. жи Скомпской, г. Хохлова, не говоря уже про испол-

нителей мелкихъ партій, въ родѣ Манрико, Лауры, «трехъ молодыхъ дворянъ») вовсе не было слышно въ зрительномъ залѣ. Конечно, это хорошій способъ скрыть голосовые недостатки гг. солистовъ, но все-таки, полагаемъ, имъ было бы пріятнѣе, чтобы ихъ публика слышала такими хотъ, какими мы ихъ знаемъ. Слышнѣе другихъ былъ въ этомъ актѣ г. Корсовъ (Аппіани), который вообще съ честью побѣдилъ трудности своей партіи и ея крайне высокую тисситуру. Г. Хохловъ — тусклый Коста; г-жа Скомпская — изящная Леонора; громадный голосъ г. Трезвинскаго добросовѣстно поработалъ надъ вокальнымъ изображеніемъ *сантиментальнаго мечтателя* Микель-Анджело; г-жа Эйхенвальдтъ — отличный Стефано, со вкусомъ поющій, талантливо играющій; г. Тютюнникъ дѣлаетъ все, что можетъ, изъ неблагоприятной партіи «шута».

Самого Роллу пѣлъ и игралъ г. Медвѣдевъ. Это положительно лучшая его роль. Играетъ онъ здѣсь, какъ чувствующій, способный и умѣлый актеръ; поетъ же, хотя и крайне выразительно, но въ общемъ такъ, что за него слушателю становится тяжело: мало подвижный, сдавленный голосъ; крикъ, вмѣсто ноты; отсутствіе звука, вмѣсто *mezza voce*.

Хоры пѣли стройно, а въ пятомъ актѣ такъ даже играли, чего нельзя сказать про первый: Косту арестовали, а его гости въ самомъ неподвижномъ и хладнокровномъ «ужасѣ».

Обстановка экономическая: новая и довольно красивая декорация только третьяго акта. Остальное набрано понемногу отовсюду: костюмы изъ «Отелло», «Корделии» и чуть-ли еще не изъ «Юдиои»; дворецъ изъ «Корделии», а рядомъ съ нимъ домъ изъ «Гарольда», что даетъ пріятный винегретъ изъ архитектурныхъ стилей XIX и XI столѣтій; Микель-Анджело одѣтъ, какъ де-Сильва изъ «Эрнани» и т. д.

Сем. Кругликовъ.

Дебюты г-жъ Караффа, Марковой, Домбровской, Зыбиной и Телѣгиной и гг. Клементьева и Соколова.

Весенніе дебюты къ блестящимъ результатамъ не привели. На самый лучший конецъ они произвели лишь посредственное впечатлѣніе.

Въ «Гугенотахъ» дебютировали г-жа Караффа (пажъ) и г-жа Маркова (Валентина).

Г-жа Караффа — пѣвица среднихъ качествъ съ голосомъ зауряднымъ, мало характернымъ, сильно сдавленнымъ внизу. Есть сценическая рутина, но не замѣтно даровитости. Калоратура довольно отчетливая, но тяжелая; каждая рулада заставляетъ пѣвицу дѣлать соотвѣтственныя движенія всѣмъ корпусомъ. Вишній успѣхъ — порядочный.

Г-жа Маркова — пріятное сценическое явленіе; несомнѣнная способность къ сценѣ; музы-

кальность и толковость исполненія; теплота въ пѣннн. Самый голосъ тоже теплаго тембра, но по характеру скорѣе лирической, чѣмъ драматической; партія Валентины слишкомъ сильна для этого голоса, а если и подходит иногда къ нему, то только лирическими моментами любовнаго дуэта. Внѣшній успѣхъ—хорошъ.

Г-жа Домбровская (Азучена)—пѣвица опытная, артистка рутинная, не истинно талантливая. Голосъ не свѣжій и не столько меццо сопрано, сколько спавшее на верху сопрано. Пѣла по итальянски; неизвѣстно поэтому умѣетъ-ли свободно пѣть по русски; въ партіи своей не была очень тверда. Въ общемъ, судя по этой одной партіи, приобрѣтеніе для Большаго театра не желательное.

Г-жа Зыбина уже считается не первый годъ въ составѣ нашей труппы, дебютировала-же теперь, вернувшись изъ-за границы, куда ей давала отпускъ дирекція. На дебютѣ исполнила Леонору въ «Трубадурѣ» не отиѣнно, тоже не твердо зная партію, тоже не талантливо, обыденновладѣя голосомъ съ визглыми верхами.

Г-жа Телѣгина, какъ и г-жа Зыбина, считается уже на службѣ въ Большомъ театрѣ. Ей только захотѣлось съ второстепенныхъ партій перейти на первыя, и ей дозволили спѣть для пробы «княгиню» въ «Русалкѣ». Полный неуспѣхъ.

Г. Клементьевъ—теноръ, до сихъ поръ пѣвшій въ опереттѣ, попробовалъ свои силы въ казенной оперѣ и выступилъ въ отвѣтственной роли Германа («Шиковая Дама»). Внѣшній успѣхъ получился очень крупный. Дѣйствительно, у г. Клементьева звучный и свободный на верху голосъ, и несомнѣнная талантливость. Но это лишь сырой матеріалъ, который требуетъ шлифовки. Пѣть пока г. Клементьевъ не умѣетъ, не знаетъ еще какъ и отдѣльные ноты брать, и поэтому опѣ у него выходятъ на удачу, то красиво, благородно, то сдавленно, плоско. Нужно отвыкать и отъ многихъ опереточныхъ привычекъ, выработать менѣе слащавую дикцію и теперешній порхающій апломбъ замѣнить пріемами серьезнаго опернаго артиста. Нужно, словомъ, работать и тогда уже мечтать о большой сценѣ. А потому невѣримъ слухамъ, что г. Клементьевъ уже припятъ; мы лучшаго мнѣнія о судьяхъ Большаго театра.

Г. Соколовъ дебютировалъ въ «Демонѣ». Это небольшой, но мѣстами хорошо звучащій баритонъ; пѣвецъ недурный и очевидно учившійся; дарованіе сомнительное. Ему много аплодировали. По нашему мнѣнію, его можно было бы пригласить въ качествѣ дублера или вѣрнѣе исполнителя не очень крупныхъ партій.

А. Н. С.

Русское Музыкальное Общество.

Двѣнадцатое симфоническое собраніе.

Послѣднее симфоническое собраніе (27 марта) этого сезона не отличалось большимъ интересомъ оркестровой программы: шли вещи хотя и отличныя, но, кромѣ лирическаго и богатаго музыкальнымъ содержаніемъ антракта къ третьему дѣйствию «Мейстерзингеровъ» Вагнера, очень уже въ Москвѣ извѣстныя. Кто въ самомъ

дѣлѣ не знаетъ *третьей* Леоноры Бетховена, танцевъ въ шесть восьмыхъ изъ «Жизни за Царя» (пропускающихся при представленіяхъ этой оперы на сценѣ) и музыки Мендельсона къ «Сну въ лѣтнюю ночь», такъ еще недавно часто дававшемуся на сценѣ нашего Большаго театра?

Солисткой собранія была г-жа Мравина (артистка петербургской оперы)—крайне симпатичная пѣвица съ прелестнымъ сопрано, но по

характеру исполненія и техники гораздо болѣе представительница лирическаго, чѣмъ колоратурнаго пѣнія, какъ ни старается она доказать противное выбираемыми ею для концерта пьесами. И на этотъ разъ выборъ вещей, какъ стоящихъ на программѣ, такъ и спѣтыхъ въ отвѣтъ на многочисленныя требованія повтореній, былъ не изъ замѣчательныхъ, начиная съ аріи изъ «Филимона и Бавкиды» Гуно и кончая романсомъ г. Плотникова.

Въ «Снѣ» хоръ эльфовъ, составленный изъ ученицъ консерваторіи, пѣлъ дружно; мило были спѣты тамъ и два соло питомицами того же заведенія—г-жами Барсовой и Збруевой.

Вечеръ ознаменовался оваціями по адресу г. Сафонова (оркестровый тушъ, вызовы, вѣнки, цѣнные подарки). Оркестръ игралъ удачно по нѣкоторые номера изъ его программы пришлось повторить.

—скій.

Московское Филармоническое Общество.

Оперный ученичѣскій спектакль.

остоявшійся 27 марта въ Большомъ театрѣ ученичѣскій оперный спектакль

Музыкально-Драматическаго Училища Московскаго Филармоническаго Общества произвелъ отличное впечатлѣніе, какъ на насъ, такъ и на многочисленную публику. Смѣло заявляемъ, что онъ оставилъ рѣшительно позади всѣ подобныя спектакли того же учрежденія, дававшіеся до сихъ поръ. Главнымъ образомъ блеснуло исполненіе массъ. Хоръ въ 114 человекъ щеголялъ молодой свѣжестью голосовъ, стройностью, увѣренностью, горячностью передачи и богатствомъ нюансировки. Въ немъ другихъ элементовъ, кромѣ учащихъ, никого не было. Оркестръ въ 54 человека тоже почти сплошь ученичѣскій (въ его составъ, кромѣ теперешнихъ учащихъ, вошли всего только 4 профессора училища и 6 его бывшихъ учениковъ) представилъ, подъ руководствомъ г. Шостаковскаго, вполне дисциплинированное цѣлое, могущее играть далеко не по ученичѣски. Особенно оркестру удалась номера, гдѣ ему приходилось играть одному. Въ аккомпаниментахъ онъ былъ тоже очень хорошъ, но, преслѣдуя главнымъ образомъ горячность исполненія, слегка увлекался и иногда глушилъ пѣвцовъ солистовъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ не сильные голоса. Такіе хоръ и оркестръ дѣлаютъ большую честь директору училища г. Шостаковскому, который, по справедливости, и явился въ центрѣ шумныхъ овацій того вечера.

Программа спектакля была крайне интересна и разнообразна: третій актъ новой оперы г. Бларамберга—«Тушинцы» (принятой недавно для постановки на сцену московскаго Большаго театра), отрывокъ изъ «Русалки» (речитативъ и арія «княгини»—г-жа Шубина), сцена Азучены изъ 2 акта «Трубадура» (г-жа Жуковская), дуэтъ баритона и баса изъ «Пуританъ» (гг. Альтшулеръ и Сангурскій), речитативъ и арія «0, поле, поле» изъ «Руслана» (г. Островидовъ), и вся опера «Деревенское рыцарство» («*Caralleria rusticana*») Масканьи.

Возвращаемся къ оркестру, чтобы отмѣтить отличное его исполненіе вступленія къ «Тушинцамъ», вступленія къ оперѣ Масканьи, гдѣ еще того лучше, положительно тонко и изящно прошло «знаменитое» оркестровое интер-

меццо, которое конечно и заставили повторить. Чтобы покончить съ оркестромъ, упомянемъ еще объ ученикѣ, г. Кудряшовѣ, съ хорошимъ тономъ и музыкально сѣйгравшемъ соло на валторнѣ въ прелюдіи къ дуэту изъ «Пуританъ».

Въ качествѣ пѣвцовъ-солистовъ, въ спектаклѣ участвовали ученицы и ученики г-жи Махиной и г. Бижеича, въ то же время посѣщавшіе оперный классъ, находящійся въ училищѣ въ вѣдѣніи г. Барцала. На афишѣ спектакля, какъ и въ прошломъ году, не было къ сожалѣнію подробно указано, кто учится у г-жи Махиной, кто у г. Бижеича, такъ что, слушая ихъ всѣхъ, мы не можемъ сравнивать этихъ профессоровъ между собою. За то результаты занятій г. Барцала въ его оперномъ классѣ очевидны. Слѣдя за жестами какъ солистовъ, такъ и хора, видя какъ всѣ здѣсь старались, можемъ убѣдиться въ большомъ прилежаніи учениковъ г. Барцала. Но, разбирая эти жесты, эти движенія, придуманные эффекты сценической игры (хотя бы первый уходъ Лола), ставимъ г. Барцалу за его преподаваніе *непереводную* отмѣтку и начинаемъ понимать почему въ Большомъ театрѣ, гдѣ г. Барцалъ служитъ главнымъ режиссеромъ, оперные спектакли такъ въ общемъ мертвы и казенны, такъ застыли на рутинѣ и разъ навсегда заведенныхъ приемахъ. Оставляя слѣдовательно всѣ эти вѣчныя руки кверху, руки крестомъ и т. д., займемся пѣніемъ показанной молодежи, голосами всѣхъ этихъ будущихъ артистовъ.

Г-жа Попова (Людмила въ «Тушинцахъ», Лола въ «Деревенскомъ рыцарствѣ») — небольшое но пріятное и ровное сопрано; пѣть уже умѣетъ и понимаетъ что поетъ; вообще способна; есть задатки и актрисы. Изъ качествъ — хорошее умѣнье брать высокіе головныя ноты; изъ недостаткомъ — невыработанное legato въ пѣніи.

Г-жа Левъ (Саятуцца въ оперѣ Масканьи) — сопрано болѣе сильное, чѣмъ у г-жи Поповой, но не такое ровное: верхи свѣтлы и свободны, низкій и особенно средній регистры — тусклы и точно съ старческимъ оттѣнкомъ. Въ пѣніи тоже мало *legato*; но есть темпераментъ, музыкальность, толковость, если и не ярко замѣтное дарованіе. Поетъ въ настоящее время въ оперномъ товариществѣ г. Прянишникова и до извѣстной степени справляется съ такою необычайно трудною партією, какъ Ярославна въ «Игорѣ» Бородина.

Г-жа Брендель (мамка въ «Тушинцахъ») —

небольшой, но хорошо поставленный альтъ; музыкальна и безспорно способна.

Г-жа Шубина — хорошее, мягкое, ровное, совсѣмъ сценическое контральто; есть теплота въ пѣвнн, но также и нѣкоторая неритмичность. Кромѣ «княгини» изъ «Русалки» пѣла еще Лучю въ «Деревенскомъ рыцарствѣ», гдѣ меньше волновалась и была тверже въ ритмѣ.

Г-жа Жуковская — громаднй по силѣ голосъ, меццосопрано отличнаго, металлическаго тембра, звучное, очень обширное, хорошо выровненное и свободно идущее далеко вверхъ; нѣсколько еще не доработанная дикція, не всегда чувствующаяся музыкальность и даровитость вообще; но, если молодая пѣвица укрѣпится въ нѣкоторой сценической рутинѣ, то голосъ ее всегда выручитъ и ея оперная будущность — обезпечена.

Г. Коваленко (Николай въ «Тушинцахъ», Туриду у Масканы; участія въ отрывкѣ изъ «Трубадура», гдѣ ему досталось лишь нѣсколько незначущихъ репликъ, не считаемъ) — не очень сильнй, но красиваго тембра лрическй теноръ съ хорошимъ медіумомъ, но съ незаконченными и недостаточно свободными верхами; фразируетъ мило и недурно совладалъ съ партіей и ролью Туриду; въ оперѣ г. Бларамберга былъ слабѣе.

Г. Альтшулеръ (Ричардъ въ «Пуританахъ») — музыкальнй, чувствующй баритонъ средней силы и тоже безъ блестящихъ верховъ, но съ прочно установленной серединой. Тембръ пріятнй.

Г. Калинъ (Альфю въ оперѣ Масканы) — очень хорошй и достаточной силы баритонъ съ большими задатками, но пока еще не вполне освобожденный отъ постановки звука въ горло. Надъ сценической игрой тоже еще надо много потрудиться.

Г. Сангурскй (бояринъ въ «Тушинцахъ», Георгій въ «Пуританахъ») — высокй басъ хорошей силы; способнй человекъ; всѣ данныя для сцены. Слишкомъ при пѣвн широко раздвигаетъ челюсти; это мѣшаетъ вполне отчетливой дикціи.

Г. Островидовъ — тоже высокй басъ, но помассивнѣе, пообширнѣе и посущественнѣе, чѣмъ у г. Сангурскаго; большая сила звука, хорошая выровненность регистровъ, но не вполне уничтоженные слѣды пріемовъ церковнаго пѣвчаго. Несомнѣнная, впрочемъ, будущность замѣтнаго опернаго артиста.

Словомъ, училище показало себя съ хорошей стороны, щегольнуло не только массами, но и голосами, правильнымъ ихъ руководствомъ. Вечеръ доставилъ слушателямъ, искренно интересующимся музыкально-педагогическимъ дѣломъ въ Россіи, нѣсколько часовъ полного удовлетворенія: большаго нельзя и требовать отъ такого ученическаго спектакля, который порою

заставлялъ слушателей забывать, что они собрались на упражненія учениковъ.

Слѣдовало бы остановиться на отрывкѣ изъ оперы г. Бларамберга, по мы отъ этого воздержимся до времени ея постановки на казенной сценѣ. Пока укажемъ въ исполненномъ актѣ на два прелестныхъ женскихъ хорика, изъ которыхъ второй въ нятидолжномъ размѣрѣ особенно характеренъ.

А. П. С.

Экзаменаціонный спектакль драматическихъ классовъ.

Состоявшійся 15 апрѣля въ театрѣ г. Корша ученическй спектакль произвелъ на насъ несравненно лучшее впечатлѣніе, чѣмъ прошлогоднй. — Несмотря на нѣкоторые недочеты, о которыхъ мы скажемъ ниже, спектакль этотъ явился дѣйствительно извѣстнмъ результатомъ дѣятельности школы и не носилъ на себѣ характера старательно сретованнаго къ извѣстному сроку любительскаго спектакля. Было больше замѣтно и результатовъ *личнаго труда* исполнителей и болъшей дѣятельности преподавателей.

На этотъ разъ оканчивающихъ курсъ было меньше, чѣмъ въ прошломъ году. Всего кончаетъ школу 8 человекъ: 4 ученицы, г-жи Плевинская, Поносова, Струсь и Тираспольская и 4 ученика, гг. Детенгофъ, Ивановъ, Зильбербергъ и Бѣляйкинъ. Какъ видно, дирекція училища стала съ болъшей строгостью относиться къ переводу учениковъ въ старшіе классы и къ ихъ пріему. Такое отношеніе дирекціи къ дѣлу нельзя не привѣтствовать. Чѣмъ строже будутъ требованія, чѣмъ серьезнѣе будетъ поставлена школа, чѣмъ ближе ея дѣятельность будетъ отвѣчать требованіямъ *школы* въ строгомъ смыслѣ этого слова, тѣмъ благопріятнѣе будутъ ея результаты. Пусть контингентъ выпускныхъ будетъ не великъ, но пусть онъ качественно будетъ вполне отвѣчать тѣмъ требованіямъ и ожиданіямъ, которыя русская сцена въ правѣ предъявлять къ серьезно поставленной школѣ. Всякое послабленіе, даже съ совершенно добрыми наміреніями, принесетъ ущербъ не только реноме школы, но главнымъ образомъ самимъ ученикамъ.

При пріемѣ въ школу, конечно, нѣтъ достаточныхъ данныхъ, чтобы съ полной увѣренностью опредѣлить пригодность ученика къ избираемой имъ карьерѣ. Тутъ ошибки неизбѣжны, понятны и вполне извинительны, но когда ученикъ пробылъ уже нѣкоторое время въ школѣ, когда преподаватели имѣли возможность достаточно и подробно ознакомиться съ тѣми данными, которыми онъ обладаетъ, чтобы сдѣлаться, хотя бы только полезнымъ, но *дѣйствительно*

полезнымъ дѣятелемъ сцены, тогда уже нѣтъ мѣста ошибкамъ и твердая рѣшимость предохранить ученика отъ ошибочнаго выбора дороги должна восторжествовать надъ всякими иными соображеніями. — Въ противномъ случаѣ аттестатъ объ окончаніи курса сдѣлается пустымъ звукомъ, а ученикъ, окончившій курсъ съ аттестатомъ — выброшенъ на жизненную дорогу только для того, чтобы увеличить собою число «неудачниковъ». Разъ ученикъ овладѣлъ этимъ *аттестатомъ*, кто разувѣритъ его что онъ не годенъ для сценическаго поприща?! Онъ будетъ принимать это за злобу, зависть, обвинить всѣхъ и каждого, но никогда не признаетъ свою ошибку. Онъ всю жизнь будетъ сознать себя *патентованнымъ* артистомъ, этотъ злополучный аттестатъ всегда будетъ убѣждать его въ правильности его дороги, онъ будетъ ссылаться на авторитетъ профессоровъ, выдавшихъ ему его патентъ. Даже въ рѣдкія минуты собственнаго сомнѣнія въ своихъ силахъ, онъ самъ себя будетъ убѣждать на основаніи авторитетности патента, и затѣмъ въ результатѣ рядъ горькихъ неудачъ, ужасныхъ разочарованій и гибельныхъ послѣдствій ложнаго шага. И нравственная отвѣтственность за это, главнымъ образомъ, ляжетъ на преподавательскій персоналъ школы. Дай Богъ, чтобы объ этомъ вспоминали чаще и не мѣшали бы дѣло серьезной подготовки артиста къ сценѣ съ любительскимъ бездѣльемъ. Принявъ ученика на первый курсъ, необходимо до перехода его во второй уже убѣдиться вполне въ томъ, что онъ дѣйствительно обладаетъ основными данными для сценической карьеры. Перехода же въ послѣдній выпускной курсъ преподаватели могутъ удостоивать *только* такихъ учениковъ, въ дѣйствительной и *полной* пригодности для сцены которыхъ они вполне *увѣрены* и за которыхъ они могутъ принять на себя полную отвѣтственность. Въ этомъ отношеніи дирекція училища не свободна отъ упрека и на этотъ разъ. Въ числѣ оканчивающихъ курсъ мы видѣли нѣсколькихъ учениковъ, которыхъ не слѣдовало бы не только *выпускать*, но и доводить до 3-го курса, по тѣмъ крайне бѣднымъ даннымъ, которыми они обладаютъ, чтобы сдѣлаться современемъ хотя-бы только полезностью на вторыя роли. — Не забудемъ, что эта школа обезпечена средствами Общества и можетъ не гоняться за рублями и не становится на одинъ уровень съ разными гешефтмахерами, величающими себя «профессорами драматическаго искусства» и открывшими въ такомъ изобиліи разныя «драматическіе» классы, училища и школы подъ разными заманчивыми названіями.

Обращаясь къ составу спектакля, мы не можемъ признать его вполне удовлетворительнымъ. Зачѣмъ, напримѣръ, была поставлена

комедійка «Надо разводиться»? Цѣль школы ознакомить публику съ результатами *труда* учениковъ, а не приглашеніе публики присутствовать при исполненіи забавнаго водевиля. — «Надо разводиться», («Divorçan»), — пьеса принадлежащая перу такого мастера сцены какъ Сарду, въ передѣлкѣ также знатока сценическихъ эффектовъ г. Виктора Крылова, будетъ смотрѣться всегда съ извѣстнымъ интересомъ, не смотря на качество исполненія, будетъ своею сценичностью затушевывать его недостатки. Въдѣ не можетъ же быть тайной для профессоровъ школы, что не только наша публика, но и сами исполнители всегда склонны приписать успѣхъ пьесы дарованію артиста. Зачѣмъ же ставить такую пьесу, въ которой нѣтъ матерьяла для серьезной работы и гдѣ такъ трудно отдѣлать артиста и его личныя заслуги отъ текста пьесы и заслугъ автора. Такія пьесы не только мѣшаютъ публикѣ разобраться въ своихъ сужденіяхъ объ артистахъ, но и самихъ молодыхъ артистовъ могутъ сбить съ толку. Возьмемъ, какъ примѣръ, г. Кутырева, игравшаго роль Шубина. Онъ *только* прочелъ ее вполне грамотно, толково, какъ можетъ прочесть роль всякій думающій, толковый человѣкъ и не мечтающій ни о какой сценической карьерѣ, онъ не далъ и десятой доли того, что *можетъ* сдѣлать изъ этой роли настоящій артистъ, что, быть можетъ, могъ бы сдѣлать изъ нея и тотъ же ученикъ при большомъ вниманіи къ роли, но публика съ живымъ интересомъ слушала его монологи и наградила его дружными аплодисментами. Кто убѣдитъ ученика въ томъ, что его личные *заслуги* тутъ очень не велики, что онъ большаго вниманія заслуживалъ въ роли Грознаго, которую онъ игралъ въ томъ же спектаклѣ? Онъ будетъ вполне увѣренъ, что онъ имѣлъ въ *этой* роли успѣхъ, станетъ считать эту роль *своею*, *дѣбютной* ролью. А онъ еще только ученикъ 2 курса. А публика, выходя изъ театра, будетъ съ большимъ восторгомъ говорить объ исполненіи понравившейся ей и удивившей на всякіе вкусы пьескѣ, чѣмъ о другой, гдѣ положено несравненно больше серьезнаго труда, оцѣнить который ее въ сущности и приглашали. Она будетъ вспоминать отдѣльныя поправившіяся ей словечки, фразы и *как* тотъ или другая ихъ сказали, смѣшивая совершенно *что* было сказано съ тѣмъ *какъ* было сказано. — Мы съ своей стороны посоветовали бы дирекціи запретить аплодисменты, какъ они запрещены на ученическихъ спектакляхъ казенной школы. Особенно это имѣетъ большое значеніе относительно учениковъ низшихъ классовъ, которыхъ эти аплодисменты способны увѣритъ въ успѣхъ того, что можетъ, наоборотъ, вызвать упрекъ преподавателя, который смотритъ на вещи другими глазами,

чѣмъ толпа. — Эти аплодисменты въ такомъ случаѣ могутъ подорвать вѣру ученика въ авторитетъ преподавателя. Вѣдь тому, что льститъ самолюбію, вѣрить такъ пріятно!

Со стороны распредѣленія ролей между оканчивающими курсъ, составъ спектакля тоже заслуживаетъ упрека. Особенно несчастливо было мужскому персоналу. Такъ напримѣръ г. Зильбербергу была поручена всего только незначительная роль Бомелія въ 5 д. драмы Островскаго «Василиса Мелентьева». Что можно сказать объ ученикѣ по одной такой ничтожной роли? Или и тутъ опять повторился фактъ ошибочно-снисходительнаго отношенія дирекціи къ ученику, котораго, разъ принятаго, надо выпустить во что бы то ни стало? Если этотъ ученикъ достоинъ выпуска, слѣдовало показать его въ нѣсколькихъ и притомъ болѣе яркихъ роляхъ, если же его способности не внушали къ себѣ довѣрія профессоровъ, то его не слѣдовало и доводить до выпускнаго класса.

Въ лучшихъ условіяхъ выступилъ г. Детенгофъ, которому была поручена роль Жадова. Роль эта даетъ исполнителю достаточно простора, чтобы показать свои способности на драматическія роли. Къ сожалѣнію, мы должны признать, что г. Детенгофъ не сумѣлъ воспользоваться этимъ просторомъ—и намъ кажется, что онъ ошибочно выбралъ это амплуа, а, можетъ быть, и самую карьеру артиста.—Негибкій голосъ непріятнаго тембра, отсутствіе мимики, связанность жестовъ, недостатокъ чувства—не общаются ему въ будущемъ особыхъ успѣховъ.

Не болѣе надеждами можетъ запасть и г. Ивановъ, очень монотонно и однообразно исполнившій роли Юсова и Сладкова. Онъ совсѣмъ не сумѣлъ передать характеръ Юсова, онъ просто читалъ роль и не былъ въ силахъ хоть отчасти передать даже возрастъ Юсова. Если въ исполненіи г. Детенгофа было замѣтно вліяніе школы, то въ исполненіи г. Иванова его трудно было подмѣтить.

Лучшимъ по исполненію своихъ ролей изъ всѣхъ учениковъ оказался г. Бѣляйкинъ. Роль кузена Анатоля была передана имъ старательно, исполненіе было не лишено комизма, не переходящаго при томъ границъ, онъ умѣло воспользовался матеріаломъ роли. Исполненіемъ же роли Бѣлогубова онъ заслуживаетъ большей похвалы. Несмотря на незначительность этой роли во 2-мъ дѣйствіи комедіи, г. Бѣляйкинъ сумѣлъ обрисовать ее характерными штрихами. Жаль, что намъ не показали этого ученика въ 3-мъ актѣ этой комедіи.

Результаты школы въ этомъ году значительнѣе въ женскомъ персоналѣ,—хотя, къ сожалѣнію, и съ дарованіями ученицъ спектакль 15 апрѣля познакомилъ насъ въ недостаточной степени, чтобы мы могли судить о нихъ болѣе опредѣ-

ленно. Г-жи Струсь, Тираспольская и Поносова исполнили только по одной роли. Лишь одна г-жа Плевинская исполнила сцены изъ 3 ролей достаточно разнообразнаго характера—Юлиньки («Доходное мѣсто»), царицы Анны («Василиса») и Елены (переведенный съ французскаго монологъ «Въ слѣдующій разъ»). Роль царицы Анны совсѣмъ неудалась г-жѣ Плевинской. Недостатокъ чувства, вымученные, однообразные жесты, какая-то неловкость, которую видимо чувствовала исполнительница въ этой роли—заставляютъ насъ думать, что драматическія роли не въ силахъ артистки, хотя читка роли и была довольно удовлетворительна. Зато другія роли Юлиньки и Елены удалась ей вполне, въ нихъ она выказала очень хорошую дикцію, гибкій, симпатичный голосъ, темпераментъ и яркость въ передачѣ деталей роли, что даетъ намъ возможность предполагать, что г-жа Плевинская можетъ занять съ успѣхомъ такъ называемое амплуа *ingenue comique*. Жаль, что роль Полины не была поручена ей. Въ этой роли она дала бы возможность лучше ознакомиться съ ея способностями.

Съ исполнительницей роли Полины г-жей Поносовой мы уже имѣли случай познакомиться по прошлогоднему выпускному, экзаменаціонному спектаклю.

И на этотъ разъ мы должны повторить уже сказанное нами въ отчетѣ о спектаклѣ прошлаго года.—Въ читкѣ г-жа Поносова сдѣлала, хотя незначительные, успѣхи, но ея исполненіе по прежнему нѣсколько холодно и не ярко и много превосходныхъ чертъ въ роли Полины пропали у нея или были недостаточно выражены.—Впрочемъ, эта ученица можетъ быть полезна въ труппѣ, ей все-таки нельзя отказать въ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу.

Переходя къ исполненію г-жи Струсь, по слухамъ, уже принятой на Императорскую петербургскую сцену, мы вновь не можемъ не выразить сожалѣнія, что насъ познакомили съ артисткой только въ одной роли, притомъ слишкомъ подходящей къ средствамъ ученицы, чѣмъ лишили насъ возможности судить объ успѣхахъ артистки, независимо отъ того насколько роль подходитъ къ ней.

Г-жа Струсь обладаетъ рѣдкими внѣшними данными. Прекрасный ростъ, красивое лицо, выразительные глаза, звучный, пріятный голосъ, мягкіе, красивые жесты. Въ сценахъ гдѣ Василиса является мечтающей о власти, сознающей силу своей красоты, своего кокетства, гордой царицей,—г-жа Струсь производила прекрасное впечатлѣніе, но она слишкомъ слабо передала тѣ моменты, когда Василиса является хитрой, смиренной «хлопкой». Въ сценѣ съ царемъ во 2 актѣ она говорила съ нимъ не какъ *раба, смиренная вдовца*, а какъ равная съ равнымъ. Исполнительница совсѣмъ

не выражала того страха, который чувствуетъ Василиса, рѣшившаяся на страшно смѣлое, рискованное дѣло, при помощи своихъ чаръ, изъ «холопокъ подлыхъ», сѣсть на престолъ московскій. — Всѣ же сцены кокетства прекрасно были переданы г-жей Струсь, хотѣлось бы только больше колорита эпохи: часто въ нея игрѣ проskalъзывали нотки, пригодныя скорѣе для современныхъ кокетливыхъ барынь.

Намъ остается сказать еще только о г-жѣ Тираспольской, появившейся въ выигрышной и слишкомъ благодарной роли Вѣры Шубиной въ «Надо разводиться». По тѣмъ же причинамъ, о которыхъ мы говорили раньше, мы лишены возможности придти къ болѣе законченному результату въ опредѣленіи успѣховъ ученицы. Сама роль настолько благодарна, настолько легка для исполненія, что не даетъ достаточно матеріала, чтобы судить о степени дарованія артистки. Г-жа Тираспольская читала роль вполне толково, воспользовалась ея матеріаломъ въ достаточной, пожалуй, мѣрѣ, ея голосъ довольно гибокъ, она сумѣла внести въ роль нужную долю наивности, держится на сценѣ очень не дурно и свободно, ведетъ роль живо. Все это относится до *этой* роли, чѣмъ же окажется ученица въ другихъ роляхъ мы судить не имѣ-

емъ достаточныхъ данныхъ. По слухамъ, и г-жѣ Тираспольской разрѣшенъ дебютъ на Петербургской казенной сценѣ, на которой, по тѣмъ же слухамъ, она выступаетъ въ той же роли Шубиной.

Объ ученикахъ 1 и 2 курса мы воздержимся говорить что-либо. Судить объ нихъ рано, направлять же ихъ артистическую работу дѣло преподавателей. Мы предоставляемъ себѣ высказаться о нихъ при выпускѣ.

Что касается до преподаванія, то въ ученикахъ низшихъ классовъ замѣтна работа надъ дикціей, надъ голосомъ. Ученики въ низшихъ классахъ читаютъ лучше, чѣмъ въ старшихъ, здѣсь замѣтны успѣхи школы; слѣдуетъ обратить большее вниманіе на жесты и умѣнье держаться на сценѣ и носить костюмъ. Изъ числа учениковъ, кромѣ г. Кутырева, о которомъ мы говорили и который до известной степени, конечно только, какъ ученикъ низшихъ классовъ, обратилъ на себя вниманіе въ роли Грознаго, общается пока что-то г. Кошевѣровъ, игравшій Колычева. У него есть намекъ на чувство, на темпераментъ. Изъ него можетъ выйти что либо выше средняго уровня, но, конечно, *только* при усиленной работѣ, безъ которой, по всей вѣроятности, не выйдетъ ничего или слишкомъ мало.

V.

Театръ въ домѣ Шеллапутина.

Русское оперное товарищество.

Съ 8-го апрѣля въ Москвѣ началось представленіе русской оперы Товари-

щество артистовъ подъ главнымъ руководствомъ известнаго артиста, бывшаго баритона петербургской оперы, — г. Прянишникова.

«Товарищество» здѣсь пока до 1 мая, съ осени же на всю зиму снова у насъ. Въ Москву оно прибыло изъ Кіева далеко не налегкѣ; оно привезло съ собою всю обстановку, декораціи, хоръ въ слишкомъ 70 человекъ, оркестръ въ 44 музыканта, четыре пары балетныхъ танцовщицъ и танцовщиковъ, дирижера г. Прибика, хормейстера г. Крылова и т. д. Въ планахъ и дѣйствіяхъ «Товарищества» все обдуманно, нѣтъ ничего случайнаго; видно всюду артистическое вліяніе умѣлаго главы «Товарищества». Въ репертуарѣ разнообразіе и никакой погони на соперничество съ Большимъ театромъ; въ исполненіи стремленіе къ ансамблю, чему очень помогаетъ ровно составленная груп-

па безъ ясно намѣченныхъ премьершъ и премьеровъ, но среди которой не мало и хорошихъ голосовъ, и несомнѣнныхъ дарованій. Симпатичная и разумная дѣятельность «Товарищества» приобрѣла себѣ еще въ Кіевѣ сочувствіе П. И. Чайковскаго; здѣсь, въ Москвѣ, оно подтвердилось тѣмъ, что нашъ знаменитый композиторъ вызвался продирижировать тремя операми — «Фаустомъ», «Демономъ» и своимъ «Онѣгинимъ». Назначеніе г. Чайковскимъ этихъ оперъ сблизило, положимъ, репертуаръ «Товарищества» съ репертуаромъ Большаго театра, но дружеское участіе г. Чайковскаго въ судьбахъ «Товарищества», конечно, заинтересовало москвичей и спектакли *новаго* опернаго театра стали прекрасно посѣщаться. Открылись они невѣдомой въ Москвѣ оперой Бородина, его дивнымъ «Игоремъ». И въ этомъ еще лишніе данныя, чтобы привѣтствовать московскія начинанія симпатичнаго артистическаго братства. Въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала мы подробно разберемъ каждое изъ бывшихъ до 1-го мая представлений, укажемъ на ихъ сильныя и слабыя стороны, потому что были въ нихъ конечно и промахи, а *серьезно поставленное* дѣло требуетъ и серьезнаго къ нему

отношенія. Пока же пожелаемъ успѣха и дальнѣйшаго преуспѣянія хорошей, живой дѣятельности «Товарищества». Кто знаетъ, можетъ быть, ему суждено своимъ примѣромъ разбудить своего сосѣда, Большой театръ, гдѣ такъ «все мирно, тихо спитъ»! Послѣднія слова—изъ каватинны сына Игоря. Пусть же оперѣ Воро-

дина будетъ посвящено окончаніе нашей замѣтки. Смѣло можемъ заявить, что «Игорь», давъ нѣсколько полныхъ сборовъ, имѣлъ въ Москвѣ блестящій успѣхъ и заинтересовалъ собою какъ массу, такъ и музыкантовъ всевозможныхъ направленій.

Сем. Кругликовъ.

Концерты.

Второе музыкальное утро дѣтскаго хора и оркестра подъ управленіемъ г. Эрарскаго.

У насъ не разъ говорилось о симпатичной дѣятельности г. Эрарскаго и еще недавно былъ помѣщенъ отчетъ о его первомъ *дѣтскомъ* утрѣ, данномъ въ залѣ Синодальнаго училища на Рождественскихъ праздникахъ. Въ пятницу на Святой (10 апрѣля) состоялось тамъ же второе утро, подобное первому, но только еще съ болѣе интересной и сложной программой. Оркестромъ было исполнено: «Арабеска» г. Карганова, двѣ мазурки Шопена, ор. 7 № 2 и ор. 17 № 1 (вторую биссировали), «Un torse au roëtiqne» Грига (биссирована) «Итальянская серенада» Клейнмихеля и «Lento» Шумана. Для оркестра и хора: «Кукушка» и «Грибъ-Боровикъ» г. Эрарскаго (первая—граціозная, изящная вещица, второй—нѣсколько, можетъ быть,

длинный, но искусно скомпанованный, не безъ юмора устроенный номеръ) и чудесная музыкальная картинка г. Кюи—«Христосъ Воскресъ». Исполненіе было образцовое и, конечно, всѣ три пьесы были повторены, а картинка г. Кюи такъ даже два раза. Положительно надо удивляться умѣнью г. Эрарскаго аранжировать для дѣтскихъ инструментовъ; у него прямо оркестраторскій талантъ. На этотъ разъ были и солисты, конечно тоже подростки: первый, Д. Рывкиндъ, очень мило сыгралъ подъ оркестровый аккомпаниментъ, «Колыбельную» Неруда, а второй, В. Зерновъ, гораздо болѣе законченно и даровито—каватину Раффа.

Публики взрослой и незрелой было много; восторгамъ не было конца.

А. Н. С.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Поѣздка драматической труппы въ Варшаву. — Нѣмецкая труппа г. Бока. — Г. Маджи. — Французскій театръ и г. Кокленъ.

еликопостный сезонъ въ текущемъ году былъ весьма оживленнымъ для Петербуржцевъ. Въ началѣ поста явился Маджи, послѣ Маджи Кокленъ, послѣ Коклена—опять Маджи. — Французскіе спектакли по прежнему давались въ Михайловскомъ театрѣ; въ Александринскомъ театрѣ шли нѣмецкія представленія съ труппой г. Бока. Объ операхъ и опереттахъ я уже не говорю.

Часть труппы нашего драматическаго театра играла въ Варшавѣ. Въ Петербургѣ остались гг. Давыдовъ, Писаревъ, Дальскій, Ленскій, Дмитріевъ, Горбуновъ, Осокинъ, Черновъ, Пан-

чинъ и др., а изъ женскаго персонала—г-жи Васильева, Абарина, Ильинская, Левкѣва, Мичурина, Федорова, Читау, Пасхалова и др. Изъ этого перечисленія ясно видно, что труппа явилась въ Варшавѣ далеко не въ полномъ составѣ, какъ это утверждали варшавскія газеты.

Въ Петербургѣ чутко слѣдили за успѣхами нашихъ артистовъ. Варшаву трудно удивить столичными силами. Если теперь польскій театръ палъ въ значительной мѣрѣ, то еще недавно онъ блисталъ звѣздами первой величины. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ поѣздка не принесла убытковъ частной антрепризѣ, во главѣ которой стояли г-жи Савина и г. Сазоновъ.

Нельзя похвалить репертуаръ, съ которымъ пріѣхали въ Привислянскій край наши артисты. «Соловушка», «Надо разводиться», «Женитьба Бѣлугина», «Лѣтнія грѣзы», «Чародѣйка», «Чашка чая»—все это вещи далеко не европейскія. Вдобавокъ ансамбль исполнителей былъ весьма сомнителенъ; у насъ въ Петербургѣ кое-какъ сыгрываются къ шестому пред-

ставленію, — что же можно сдѣлать съ двухъ, трехъ репетицій при новомъ составѣ исполнителей? Наибольшій успѣхъ, какъ и слѣдовало ожидать, имѣли: «Мѣсяць въ деревнѣ» и «Ревизоръ».

Прямою противоположностью нашей распущенной и несыграншейся труппы была маленькая нѣмецкая труппа г. Бока. Состояла она не Богъ вѣсть изъ какихъ талантовъ, — хотя были и хорошіе исполнители, — но какъ твердо, увѣренно, съ какой энергіей играли они. И не однѣ жанровыя пьесы шли у нихъ; шли «Свадьба Фигаро», «Натанъ Мудрый», «Тартюфъ», «Нора», «Отелло», «Кинъ». Все это сретовано въ короткое время, — но съ большимъ умѣньемъ, а главное — съ любовью. Мизансцены красивы, костюмы изящны, гриммы очень тонкіе, оригинальные, — о суфлерской будкѣ нѣтъ и помина. Энергія г. Бока, стараго знакомаго петербуржцевъ, сказывается во всѣхъ мелочахъ и деталяхъ. Прекрасные сборы, значительно лучшіе чѣмъ прошлогодні, дали, по всѣмъ вѣроятіямъ, значительный барышъ антрепренеру.

За то Малый театръ пустовалъ на представленіяхъ Маджи. Въ то время когда г. Дуровъ, выходя въ циркъ съ ученой свиньей, дѣлалъ полные сборы, итальянскій трагикъ игралъ «Гамлета» передъ пустымъ театромъ. Болѣе всего онъ понравился Петербургу въ Отелло, несмотря на то, что у многихъ еще жива въ памяти несравненная игра Сальвини. Въ оцѣнкѣ таланта Маджи зрители рѣзко раздѣлились на двѣ партіи. Одни не видѣли въ немъ ничего кромѣ крайней развинченности нервовъ и какихъ-то психопатическихъ порывовъ, — другіе ставили его наравнѣ съ Росси и Сальвини. И то и другое мнѣніе страдаетъ крайностью. Онъ безспорно хорошій актеръ, но гигантскіе образы Шекспира слишкомъ подавляютъ его, — онъ не въ силахъ разобраться въ сложномъ анализѣ ихъ характеровъ, часто путается, отступаетъ отъ намѣченнаго замысла, иногда даже впадаетъ въ шаржъ. Маджи — актеръ натуралистъ, — онъ уже принадлежитъ къ новой, послѣдней формациі итальянскихъ артистовъ. Монологи уже не читаются имъ въ публику; шаблонное стояніе у суфлерской будки не считается неперемѣннымъ условіемъ игры. Быть можетъ, онъ даже слишкомъ впадаетъ въ натурализмъ, какъ напримѣръ въ сценѣ смерти Отелло, гдѣ судороги умирающаго человѣка имѣютъ болѣе клиническій, чѣмъ эстетическій характеръ. Но стремленіе сдѣлать героя Шекспировской трагедіи человѣчнымъ прежде всего — заслуживаетъ полной похвалы и сочувствія.

Если много раздавалось возгласовъ противъ Маджи, то за то сколько голосовъ было за

него. Необузданные, наэлектризованные зрители перелѣзали черезъ оркестръ на сцену и качали несчастнаго трагика, такъ что въ дѣло вмѣшивалась полиція. Входы на сцену и въ уборную Маджи тщательно охранялись. Все это энтузіазмъ, конечно, низкопробный, и едва ли тутъ играетъ главную роль восторженное поклоненіе исполнителю Шекспира...

Въ Михайловскомъ театрѣ, что ни недѣля, давался бенефисъ. Минувшій годъ закончился постановкой комедіи Гондильо «Ferdinan le Noceur», шедшей въ бенефисъ г-жи Дарвилль. По обыкновенію, лавры пожиналъ г. Иттемансъ, въ роли стараго вдовца Фуражо. Пьеса до извѣстной степени понравилась публикѣ, и держалась на репертуарѣ. Первымъ бенефисомъ въ новомъ году былъ бенефисъ г. Вольни, возобновившаго драму Дюма-отца «La Conscience». Представленіе вышло чрезвычайно поучительнымъ и послужило нагляднымъ доказательствомъ до чего въ иныхъ случаяхъ публика перерастаетъ пьесу. Патетическія мѣста драмы Дюма, вызывавшія нѣкогда потоки слезъ, теперь вызывали неудержимый хохотъ. Собравшіеся зрители думали заснуть на чувствительной мелодрамѣ и шли въ театръ только по укоренившемуся обычаю — сидѣть въ субботу на обычныхъ мѣстахъ, а вмѣсто этого — пресело провели время.

Недѣлей позднѣе, 11 го января, состоялся бенефисъ любимца публики г. Иттеманса. Бенефисъ оказался тѣмъ болѣе торжественнымъ, что г. Иттемансъ навсегда покидаетъ Петербургъ и поступаетъ въ театръ Водевиля на чудовищное жалованье 80 тысячъ франковъ въ годъ. Тамъ онъ долженъ замѣнить умершаго комика Жоли. Бенефицианта чествовали при открытомъ занавѣсѣ, при чемъ не только товарищи поднесли ему вѣнокъ, но и русская драматическая труппа. Кѣмъ будетъ замѣненъ у насъ г. Иттемансъ — сказать трудно: хорошихъ комиковъ совсѣмъ нѣтъ во Франціи.

«Monsieur l'Abbé», комедія Мельяка, игранная въ его бенефисъ — одна изъ послѣднихъ новинокъ театра Palais Royal: она тамъ шла въ ноябрѣ 1891 г. Написана она бойко, весело, безъ претензій. Конечно, въ ней нѣтъ никакой идеи, но блестящій діалогъ, новизна положеній и типовъ рѣшительно подкупаютъ зрителя. Аббатъ Микé какъ живой стоитъ у васъ передъ глазами, и твердо запечатлѣвается на всю жизнь. Этотъ простодушный провинціальный священникъ въ отпуску, который наивно сознается, что «во время отпуска не имѣетъ обыкновенія пугаться въ чужія семейныя дѣла» — крайне интересенъ. За жизненную правдивость этой главной фигуры можно простить всю нелѣпость фабулы, рассказывать которую положительно не стоитъ. По отзывамъ видѣв-

шихъ «L'abbé» въ «Palais-Royal», у насъ онъ прошелъ несравненно лучше. Подъ конецъ бенефиса шелъ старинный водевиль «Le Maître d'école», гдѣ г. Иттемансъ игралъ Корбо съ неподражаемымъ комизмомъ.

Г-жа Берта Стюартъ поставила 3-хъ актную пьесу Гюи де Мопассана «Musotte»*), заимствованную авторомъ изъ одного изъ его рассказовъ. Пьеса написана мастерски. Фабула пьесы такова: художникъ Мартинель былъ три года въ связи съ натурщицей Мюзоттъ. Дѣвушка къ нему привязалась. Но Мартинель не можетъ навсегда связать съ нею свою жизнь и, обезпечивъ ее съ матеріальной стороны, оставляетъ ее. Онъ влюбленъ въ прелестную молодую дѣвушку Жильберту. Гордая Мюзоттъ ни единымъ словомъ не препятствуетъ любовнику вступить въ бракъ, и нѣсколько мѣсяцевъ не даетъ о себѣ знать.—Но въ самый день брака Мартинеля съ Жильбертой, когда послѣ вѣнца новобрачные остаются среди родныхъ,—художникъ получаетъ письмо отъ доктора, что Мюзоттъ родила ему ребенка, умираетъ и хочетъ проститься съ нимъ. Въ Мартинель борются два чувства: чувство долга къ Мюзоттъ и чувство любви къ женѣ. Но выбора нѣтъ: онъ ѣдетъ къ Мюзоттъ. Она умираетъ на его рукахъ, поручая ему ребенка. Въ молодой женѣ происходитъ тоже борьба: ея чистая любовь къ мужу омрачена случившейся катастрофой. Но и въ ней человѣчность беретъ верхъ, и она сознательно принимаетъ въ свой домъ ребенка, какъ залогъ искреннихъ отношеній между ней и мужемъ въ будущемъ.—Изъ исполнителей выдѣлились г. Дюмени въ роли художника, бенефициантка въ роли Мюзоттъ, и г-жа Рено въ роли акушерки.

Въ бенефисъ г. Андриэ поставленъ былъ фарсъ Барре—«Antonio Père et Fils»—тоже новинка.—Сюжетъ его заключается въ томъ, что Антонио, репетиторъ оперетокъ въ театрѣ Буффъ, состоитъ въ то же время преподавателемъ музыки въ одномъ изъ модныхъ пансіоновъ. Но такъ какъ такое совѣстительство не мыслимо, то отправляясь въ пансіонъ, онъ гримируется старикомъ, утверждая что есть два Антонио—отецъ и сынъ. Отсюда рядъ qui pro quo. Антонио игралъ бенефициантъ. Г. Иттемансъ смѣшилъ публику въ роли солиднаго отца семейства, влюбленного въ опереточную артистку, и даже репетирующаго съ ней партію въ костюмѣ амура.

Г-жа Ленэ - Люгэ поставила комедію Поля Феррье «L'Article 231». Въ Парижѣ она не имѣла успѣха, да и у насъ, благодаря банальности замысла, прошла вяло. Тема вѣчный вопросъ о разводѣ. За то очень понравилась одно-

актная пьеска Банвиля «Le beau Léandre», написанная прекрасными стихами.

Г-жа Лина Ментъ возобновила «L'Article 47» и вышла въ эффектной роли Кора. Бенефисъ этой артистки и былъ тоже прощальнымъ: и она покидаетъ нашу сцену. Кора—одно изъ лучшихъ созданій г-жи Ментъ,—отсюда понятенъ ея успѣхъ.

15 февраля возобновили въ бенефисъ г-жи Томассенъ «Séraphime», Сарду. Г-жа Лина Ментъ далеко не замѣнила г-жи Паска, нѣкогда игравшую у насъ заглавную роль. Если бенефициантка уступала въ изображеніи Ивонны своей предшественницѣ, г-жѣ Лагранжъ, за то брала молодостью, миловидностью и дѣтскимъ тембромъ голоса.

Въ бенефисъ г-жи Лего шла комедія Мюссе «On ne badine pas avec l'Amour». Альфредъ Мюссе слишкомъ тонокъ для нашей публики, и комедію на чли скучной: она просто-на-просто не достаточно аляповата и напоминаетъ старинныя акварели. Исполненіе было среднее. Гораздо лучше прошла комедійка Пальерона «L'autre motif» извѣстная у насъ по передѣлки г. Ге—въ «Соломенную вдовушку».

7-го марта, въ бенефисъ новаго любимца петербургской публики, г. Дюмени, поставили трехъактную комедію Порта Риша «Amoureuse», съ огромнымъ успѣхомъ шедшую въ театрѣ «Одеонъ» зимой 1890—91 годовъ.—Содержаніе комедіи заключается въ слѣдующемъ: Этьенъ Феро, человѣкъ сосредоточенный, занятый, не можетъ вѣчно заниматься своей хорошенькой женой Жерменой. Она жаждетъ ласки,—а онъ говоритъ, что смѣшно въ извѣстномъ возрастѣ разыгрывать Ромео. Жена обѣщаетъ завести любовника. Мужъ говоритъ—«сдѣлай одолженіе—только оставь меня въ покоѣ»—и даже указываетъ ей сообщника—своего друга Паскаля.—Но ея измѣна отрезвляетъ обоихъ супруговъ. Она сознается мужу въ своемъ проступкѣ—и оба, чувствуя свою виновность, рѣшаютъ мирно прожить вдвоемъ удаливъ коварнаго друга дома. Въ силу цензурныхъ условій, у насъ конецъ измѣненъ: коварный Паскаль оказывается искреннимъ другомъ и удерживаетъ Жермену отъ паденія. Г. Дюмени создавшій роль Феро въ Парижѣ, превосходно играетъ ее и у насъ. Г-жа Лего неподобно сыграла жену, напомнивъ чудесную фелигранную работу роли «parisienne» въ комедіи Бека, имѣвшей у насъ такой громкій успѣхъ въ прошломъ сезонѣ.

Новый фарсъ Виссона «Le famille Pont — Biquet» былъ поставленъ въ бенефисъ режиссера г. Ланжелэ. Въ Парижѣ онъ шелъ 14 января настоящаго года. Какъ фарсъ—комедія не дурна. Все вертится на вышучиваньи тещи, при чемъ не малую роль играютъ подложныя письма—любимый элементъ каждой французской пьесы. Г. Андриэ великолѣпенъ въ роли судьи—

*) Пьеса въ переводѣ напечатана въ № 13 (май 1892 г.) журнала „Театральная Библиотека“.

зятя. Г. Иттемансу довелось изображать Человѣка-рыбу (*l'homme poisson*) изъ *Folies Bergères*,—и нельзя сказать, чтобы роль эта пошла къ нашему комику.

21-го марта французы сыграли драму Ибсена «*Hedda Gabler*» въ переводѣ Прозора.— Въ Парижѣ, поставленная на сценѣ *Vaudeville*, эта тягучая пьеса очень скоро сошла съ подмостковъ. Та же участь постигла ее и у насъ. Не смотря на старательную игру лучшихъ силъ труппы, въ залѣ царилъ самая томительная тоска.

Весьма сочувственно были встрѣчены слухи о томъ, что дирекція пригласила на будущій сезонъ въ труппу Михайловскаго театра г. Коклена. Хотя для Петербурга, избалованнаго превосходной французской труппой, г. Кокленъ является только артистомъ ансамбля,—не болѣе,—тѣмъ не менѣе пребываніе его у насъ весьма желательно. Сравнительный неуспѣхъ французскаго комика за нынѣшній его прїѣздъ въ Петербургъ—въ роляхъ Тартюфа и Петручіо, не умаляетъ его таланта,—и въ роли, на примѣръ, Ришпеновскаго «*Скапена*» онъ былъ положительно превосходенъ.

Г.

Г-жа Мравина.—Дебютанты Маринской сцены.—Десятое собраніе Общества Камерной музыки.—Г-жа Есипова.

Конецъ опернаго сезона отличается въ нынѣшнемъ году особымъ оживленіемъ: установлены особые абонементы для желающихъ слушать супруговъ Фигнеръ; начался цѣлый рядъ дебютовъ, которые почти безостановочно слѣдуютъ одинъ за другимъ; назначено первое представленіе большой оперы г. Казаченко «*Князь Серебряный*». Всего этого болѣе, чѣмъ достаточно для того, чтобы публика ежедневно наполняла Маринскій театръ, столь излюбленный петербуржцами, принимающими въ судьбахъ его несравненно большее участіе, чѣмъ въ судьбахъ остальныхъ театровъ. Нагляднымъ тому доказательствомъ служатъ тѣ единодушныя оваціи, предметомъ которыхъ стала любимица публики г-жа Мравина съ самаго момента возникновенія слуха, который весьма упорно держится, о невольномъ оставленіи ею нашей сцены и притомъ по причинамъ, поражающимъ своею мелочностію, если только вѣрно то, о чемъ говоритъ весь городъ. Оваціи принимаютъ такіе необычайные размѣры, что всякій разъ доводятъ почтенную артистку до слезъ. Принимая послѣднія за молчаливое подтвержденіе ея ухода, мы можемъ только присоединиться ко всеобщему сожалѣнію, что дирекція не старается удержать даже такую въ высшей степени полезную силу, какъ г-жа Мравина, которая можетъ служить украшеніемъ любой

сцены. Явное отстраненіе артистки за послѣднее время отъ болѣе дѣятельнаго участія въ репертуарѣ, передача ея ролей въ другія руки, все-таки не давало повода предполагать, что наша опера понесетъ такую утрату. Заговоривъ о передачѣ ролей, приведемъ, для примѣра, партію Маргариты, перешедшую къ г-жѣ Фигнеръ, хотя послѣдняя ни по голосовымъ средствамъ, ни по качеству коларатуры не можетъ соперничать въ этой роли съ г-жею Мравиной, не говоря уже о внѣшности, которая у г-жи Фигнеръ такъ несоотвѣтствуетъ поэтическому образу Гетевской Гретхенъ. Роль Фауста, которая перешла къ г. Фигнеру, тоже не принадлежитъ къ лучшимъ въ его репертуарѣ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ для сбереженія своего голоса, пѣвецъ не только позволяетъ себѣ самовольныя измѣненія, но иногда по-просту не поетъ совсѣмъ, какъ, на примѣръ, въ тріо передъ дуэлью, въ которомъ онъ даетъ только *si bémol*, предоставляя слушателямъ въ остальное время дополнять теноровую партію въ умѣ.—Первыми дебютантами выступили въ «*Фаустѣ*» г-жа Шау въ партіи Зибеля и г. Борисоглѣбскій въ роли Валентина. Послѣдній обладаетъ прекраснымъ матерьяломъ, который, однако, находится еще въ совершенно сыромъ и необработанномъ видѣ. Г-жа Шау имѣетъ довольно красивый голосъ, но недостаточный для нашей сцены, не смотря даже и на то, что пѣвица его форсировала. Болѣе удачнымъ былъ дебютъ г-жи Рунге въ роли Гориславы; хотя и ея голосъ не вполне достаточенъ по силѣ, но за то въ ея пѣніи видна хорошая школа и довольно удовлетворительная для дебютантки осмысленность передачи. Въ тотъ же вечеръ выступилъ въ роли Финна г. Лодій и прекрасно исполнилъ балладу. Надѣясь, что г. Лодій снова будетъ принятъ на сцену, для которой онъ можетъ быть очень полезенъ, нельзя не вспомнить съ глубокимъ сожалѣніемъ о томъ, что долгіе и лучшіе годы этотъ артистъ долженъ былъ скитаться по разнымъ частнымъ сценамъ, спускаясь даже до оперетки, вмѣсто того, чтобы продолжать занимать въ нашей оперѣ то мѣсто, которое съ его уходомъ такъ и осталось незамѣщеннымъ. Вспомнимъ хотя бы только «*Майскую ночь*»—это поэтическое созданіе г. Римскаго-Корсакова,—которая сошла со сцены вмѣстѣ съ г. Лодіемъ. Пожелаемъ лишь, чтобы съ послѣднимъ не повторилось того же, что съ г-жею Каменскою, которой, со времени ея возвращенія снова на сцену, даютъ только второстепенныя роли, хотя почтенная артистка всего нѣсколько недѣль еще тому назадъ имѣла случай показать публикѣ (не на казенной сценѣ), что голосъ ея не боится сопоставленія даже съ мировыми свѣтилами.

Десятое и послѣднее собраніе *Общества Камерной музыки* дало струнный квартетъ Іосифа Мирослава Вебера, получившій первую премію на конкурсѣ, объявленномъ Обществомъ въ этомъ году. Не отличаясь глубиной мысли, квартетъ этотъ не лишенъ гармоническихъ красотъ и написанъ интересно, хотя и не безъ вычурностей. Остальными нумерами программы были квинтетъ Шуберта ор. 163, и тріо Рубинштейна, ор. 15, № 2, въ которомъ фортепианную партію прекрасно исполнила г-жа Тианова.

Этимъ собраніемъ Общество Камерной музыки закончило свою дѣятельность въ этомъ сезонѣ. Пробѣгая въ умѣ исполненныя на вечерахъ Общества произведенія, слѣдуетъ отмѣтить то значительное мѣсто, которое было отведено русскимъ композиторамъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются имена гг. Глазунова, Соколова, Чайковскаго, причемъ произведенія двухъ первыхъ авторовъ были новинками, такъ какъ исполнялись передъ тѣмъ всего одинъ разъ въ «Русскомъ квартетномъ вечерѣ». Затѣмъ нель-

зя не вспомнить о скромномъ, но весьма интересномъ чествованіи памяти Моцарта и о томъ разнообразіи, которое придавало собраніямъ Общества участіе солистовъ. Всѣмъ этимъ Общество Камерной музыки весьма выгодно отличается отъ квартетныхъ собраній Русскаго Музыкальнаго Общества, уступая послѣднему иногда лишь со стороны исполненія, вслѣдствіе непостояннаго состава участвующихъ въ струнномъ квартетѣ.

Послѣднимъ и нѣсколько запоздалымъ концертомъ былъ концертъ, данный г-жею Всиповой. Наша талантливая соотечественница, живущая постоянно за границею и являющаяся къ намъ въ видѣ гостя, выступила съ довольно заигранною программю, большинство нумеровъ которой хорошо намъ извѣстно по ея же превосходному исполненію. Новинки, въ родѣ бездѣлушекъ г. Лешетипскаго, не имѣли музыкальнаго интереса, а варіаціи Брамса на тему Гэндела показались скучными и длинными.

Лель.

Корреспонденціи.

Вильно. (*Отъ нашего корреспондента*). Нынѣшній великопостный сезонъ отличается особеннымъ обиліемъ концертовъ. Одинъ за другимъ состоялись у насъ концерты г.г. Рейзенауэра, Зауэра, Требелли, Никита, Фостремъ, Цабеля, а также посѣтили насъ многіе артисты Петербургской Императорской оперы: г.г. Михайловъ (теноръ), Черновъ (баритонъ), Брыкинъ (баритонъ), Фрей (басъ) и г-жа Долина (контральто) и наконецъ г. Н. Фигнеръ и г-жа Медея Фигнеръ.

Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю четы г.г. Фигнеръ, концертный залъ былъ переполненъ (2,500 р. сбору), аплодисментамъ и вызовамъ не было конца.

Въ Виленскомъ Музыкальномъ Драматическомъ Кружкѣ любителей состоялся въ честь уѣзжающаго предсѣдателя Кружка барона Остенъ-Сакена спектакль, привлекшій многочисленную публику. Поставлены были: „Чашка чаю“, сцена-монологъ „Поссорились“ и французская оперетта Офеибаха: „Le mariage aux lanternes“, имѣвшая громадный успѣхъ.

Казань (*отъ нашего корреспондента*). Зимній драматическій сезонъ кончился для здѣшней антрепризы благополучно, несмотря на крайне неблагоприятныя экономическія условія нынѣшняго года въ центрѣ неурожайной полосы. Не было убытка, но врядъ-ли сезонъ принесъ выгоду; надо полагать, что расходы окупились, такъ какъ сравнительно короткій сезонъ далъ около 50 тысячъ рублей. Надо замѣтить, что хорошая опера при условіяхъ благоприятныхъ здѣсь можетъ дать и давала около 110 тысячъ.

Успѣху послѣднихъ недѣль содѣйствовала г-жа Позизовская. Собственно для нея были поставлены: „Нора“, „Василиса Мелентьева“, „Нищіе духомъ“, „Каширская старина“, „Марія Стюартъ“, „Чаро-

дѣйка“ и „Татьяна Рѣпина“. Артистка была очень хороша въ первыхъ двухъ и послѣдней пьесахъ, а также въ „Маріи Стюартъ“ и въ третьемъ актѣ „Нищихъ“. Сцены прощанья въ „Норѣ“, финальные сцены „Маріи Стюартъ“ и „Татьяны Рѣпиной“ были положительно превосходны. Въ „Рѣпиной“ г-жа Позизовская напоминаетъ г-жу Федотову и превосходитъ по реализму и силѣ впечатлѣнія (въ сценѣ агоніи) г-жу Савину. При этомъ г-жа Позизовская не переходитъ въ крайности и въ самыя тяжелыя минуты сохраняетъ чувство мѣры: зритель тронутъ, но не испытываетъ того нервнаго потрясенія, которое никогда не должно входить въ задачи искусства. Въ „Маріи Стюартъ“ у г-жи Позизовской много представительности, а въ заключительной сценѣ много чувства. Въ „Норѣ“, исполненной съ большимъ ансамблемъ, г-жа Позизовская играетъ съ замѣчательной естественностью и простотой. Въ „Василисѣ Мелентьевой“, напротивъ, невыдержанность тона; за удачными мѣстами слѣдуетъ фальшь, въ которую вообще вдаются исполнительницы этой роли. Вообще же г-жа Позизовская обнаружила большой талантъ, весьма разнообразный и сценическую опытность. Несомнѣнно, это крупная артистка.

Г. Галицкій, оправившійся хотя не вполне послѣ тифа, поставилъ „Пуму Руместана“ въ свой вторичный бенефисъ. Артистъ игралъ съ трудомъ и едва дотянулъ до конца, выбросивъ 4-й актъ и часть пятаго. Пьеса лишилась цѣльности, но типъ „великаго депутата“ былъ схваченъ довольно удачно и въ тонѣ, и въ дикціи, и въ сценическомъ отношеніи. Ансамбль поддержали г-жи Мухаринская и Соколовская; послѣдняя принадлежитъ къ числу очень способныхъ артистокъ и цѣнныхъ во всякой труппѣ. Суетливая француженка, болтливая и добродушная тетушка, вышла въ ея исполненіи

весьма типичною. Г. Галицкому публика сдѣлала овацію, которую онъ вполне заслужилъ своею неутомимою сценическою дѣятельностью. Въ бенефисъ антрепренера была поставлена „Дочь вѣка“, въ которой въ главной роли была хороша г-жа Кривская, а въ водевилѣ „Чашка чаю“ принялъ не безъ успѣха участіе бенефициантъ. Прощальный спектакль былъ составленъ изъ отрывковъ, подобранныхъ изъ лучшихъ сценъ, во ведалъ полнаго сбора, такъ какъ охотниковъ до такихъ спектаклей мало.

Одесса (отъ нашего корреспондента). Великій постъ прошелъ, „итальянскіе соловьи“, съ которыми наша дума никакъ не можетъ разстаться, вопреки протеста публики, требующей русской оперы, улетѣли и на ихъ мѣстѣ появились русскіе драматическіе артисты. На четвертый день праздниковъ открылся весенній сезонъ городского театра. Поставлена была „Гроза“, Островскаго, съ г-жей Журавлевой въ роли Катерины, г-жи Борисоглѣбской—Варвары, г. Грековымъ—Дикаго, г. Трубецкимъ—Бориса и г. Борисовскимъ—Тихова. Въ слѣдующій вечеръ шелъ „Часть жизни“, съ г-жей Гламой-Мещерской. Публики было много, артистовъ отлично приняли. Г-жа Журавлева въ Одессѣ въ первый разъ. Она сразу произвела благопріятное впечатлѣніе. Талантъ г-жи Гламы Мещерской Одессѣ достаточно знакомъ. Вообще составъ труппы слѣдующій: г-жи Глама-Мещерская, Журавлева, Мартынова, Борисоглѣбская, Бурдина, Щеглова и г. Грековъ, Новиковъ-Ивановъ, Трубецкой, Борисовскій, Людвиговъ, Валентиновъ, Моисеевъ, Степавовъ и др. На смѣву драмы, 25-го мая пріѣзжаетъ русская оперетка г. Парадиза. Увы! это фактъ... Оперетка на подмосткахъ городского театра!.. Что прикажете дѣлать, таковъ духъ времени или правильнѣе—сила прецедента: Оффенбаха и Леока ввели сюда прежніе антрепренеры гг. Черепенниковъ и Сѣтовъ. Нынѣшній антрепренеръ, понесшій дефицитъ на содержаніи итальянской оперы во время поста, (муниципалитетъ настоялъ, ссылаясь на контрактъ и грозя лишеніемъ субсидіи), волей-волею должевъ былъ согласиться послѣдовать ихъ примѣру, дабы не допустить, чтобы театръ пустовалъ. А все-таки, грустно. Не объ этомъ мечтали одесситы, строя съ такими жертвами свою полтора-милліонную храмину. Въ утѣшеніе, однако, слѣдуетъ прибавить, что оперетку намъ обѣщаютъ превосходную и даже не оперетку, а „комическую оперу“.

Въ Русскомъ театрѣ Рафаловича подвизается греческая драма и посѣщается преимущественно греческой колоніей, которая здѣсь многочисленна. Репертуаръ обширный—отъ трагедій до фарсовъ. Послѣ нея начинается дѣйствовать оперетка подъ дирекціей г. Ліанова. Если къ этому прибавить оперетку, которую обѣщаютъ въ „Гранд-Отель“, и три кафе-концерта, то окажется, что вся Одесса поетъ и скачетъ. Вотъ какъ здѣсь весело, не смотря на неурожайный годъ, закрытіе порта и экономическій застой... Впрочемъ, одесситы охотно отдали бы всѣ оперетки въ мірѣ за одну сносную русскую оперу. Но нѣтъ, не везетъ имъ съ нею. Пока она допускается исключительно въ видѣ гостя. Нѣсть оперы, кромѣ итальянской, заявляетъ городская управа,—а ея слово законъ... Концертовъ въ этомъ сезонѣ было множество. Между прочимъ, посѣтили городъ г. Фигнеръ и г-жа Медея-Мей. Имъ предложили было 3 тысячи за участіе въ двухъ оперныхъ спектакляхъ у г. Грекова, но они не согласились и предпочли концертъ.

Ф.

Пенза. (Отъ нашего корреспондента). Съ четвертаго дня Пасхи къ намъ пріѣхала группа драматическихъ артистовъ, во главѣ которой находятся артисты театра Корша М. А. Потоцкаго, Е. А. Семенова, И. П. Киселевскій, А. М. Шмидтговъ и В. Е. Ильковъ, подписавшій контрактъ на будущій сезонъ въ труппу г. Корша; затѣмъ артисты г-жи Любарская, Красовская-Мокуръ и Павлова, гг. Шуваловъ, Вадимовъ, Мартыновъ, Сенюшкинъ, Колобовъ, Витарскій и др.

Спектакли начались „Свадьбою Кречинскаго“, затѣмъ были поставлены „Роковой шагъ“, „Свѣтитъ да не грѣетъ“, „Мышенокъ“, „Нора“, „Дикарка“, „Бѣшенныя деньги“, „Старый баринъ“, „Испорченая жизнь“. Всѣхъ спектаклей предполагается 16. Въ послѣдующихъ спектакляхъ приметъ участіе новая артистка театра Корша М. Э. Мондшейнъ. Г-жа Мондшейнъ выступаетъ передъ вашей публикой въ роли Альмы („Честь“ Зудермана) и Женни—въ „Вѣтеркѣ“.

Пензенское общество, относится недовѣрчиво къ спектаклямъ наѣзжихъ артистовъ, посѣщаетъ спектакли не особенно охотно, хотя пьесы обставляются толково и идутъ съ должнымъ ансамблемъ. За 9 спектаклей выручено 2,400 р.

Къ сожалѣнію, зданіе театра г. Дубовицкаго на столько ветхо и неудобно, что маломальски сложная постановка въ пьесахъ немыслима: жалкія декорации, возмутительное освѣщеніе керосиновыми лампами, отсутствіе порядочной мебели способны парализовать самыя скромныя желанія режиссера. Полъ неровный и плохо сколоченъ; вся обстановка, каминъ, окна, двери плохи, среди акта то оборвется ситцевая „портъера“ съ дверей, то съ каминна свалится канделябра.

Для публики при сравнительно высокой цѣнѣ на мѣста удобствъ викакихъ. Зрительный залъ представляетъ изъ себя какую-то глухую, темную коробку, изъ боковыхъ ложъ видно только двумъ, сидящимъ впереди; сзади зрительнаго зала устроенъ амфитеатръ. Въ антрактахъ публикѣ дѣлать некуда, фойе никакого нѣтъ: толкуются въ тѣсныхъ корридорахъ, низкихъ и грязныхъ. Одинъ только буфетъ представляетъ еще нѣкоторыя удобства по своей обширности.

Въ общемъ нашъ пресловутый храмъ Мельпомены—самый худшій даже въ глухой провинціи и городу слѣдовало бы позаботиться о болѣе приличномъ помѣщеніи для такого необходимаго зданія, какъ театръ.

Дилетантъ.

Рига. (Отъ нашего корреспондента). Во второй половинѣ февраля и первой — марта у насъ было довольно много музыки. 23 февраля въ городскомъ театрѣ, въ бенефисъ капельмейстера г. Лозе, прошелъ Requiem Верди. Въ исполненіи участвовали солисты мѣстной оперы г-жи Лихтенгъ и Мюллеръ, гг. Мейнке и Адольфи, смѣшанный хоръ, составленный изъ театральнаго, любителей и даже солистовъ мѣстной оперы, и усиленный театральнымъ оркестръ. Въ общемъ получилось вполне цѣльное, если не художественное впечатлѣніе. 25 февраля концертнровала г-жа Фостремъ, давнишняя знакомая рижской публики. Пѣла она все съ прежней точностью интонаціи, легкостью вокализаціи и колоратуры, но программа была составлена неудачно. Нѣсколько потускившій за послѣдвіе сезоны тембръ сопрано г-жи Фостремъ предрасполагаетъ ее скорѣе къ лирическому репертуару Алисы Барби. 27 февраля съ большимъ успѣхомъ концертнровали супруги Фигнеръ. Пѣкоторая пестрота программы вознаградилась художественностью ея выпол-

ненія. 12 марта г.г. Фигперъ дали второй концертъ, прошедшій съ такимъ же успѣхомъ; программа состояла на этотъ разъ исключительно изъ арій. 5 марта далъ концертъ скрипачъ г. Ахшарумовъ.

Заграницей существуетъ симпатичный обычай устраивать концертъ изъ любительскихъ силъ съ программой, составленной изъ новинокъ или мало извѣстныхъ композицій (Novität-Concert)—стараясь заинтересовать публику не виртуозами, а композиторами. Такой концертъ былъ устроенъ однимъ изъ мѣстныхъ хоровыхъ дирижеровъ г. Шмидтомъ, 10 марта; ансамбль былъ недуренъ. Были исполнены: не особенно интересная баллада Гумпердинка для шестиголоснаго хора съ соло „Счастье Эденталя“ (слова Уланза) и скучноватая кантата Геймана-Рейнеке „Реквиемъ дѣвы“. За то съ большимъ вкусомъ оказались выбранными „Сербскія пѣсни“ для квартета соло, въ интересной, хотя мало-національной гармонизаціи Геншеля. Наибольшій интересъ представили: пѣсни и дуэты для сопрано и контральто Шумала „Dem Andenken eines Mädchens“, посвященное памяти рано скончавшейся полу-русской поэтессы начала вѣка, Елизаветы Кульманъ, и очень характерный новый вальсъ Брамса для хора и соло „Neue Liebeslieder“. 13 марта концертировалъ пианистъ Эмиль Зауэръ, добившійся сразу весьма крупнаго успѣха. Это одинъ изъ немногихъ въ наше время пианистовъ, не гонимый за оркестровыми и инструментально-живописными эффектами; онъ любитъ фортепiano такимъ, каково оно есть, какъ инструментъ по преимуществу ритмическій, поэтому все стараніе свое полагаетъ на тщательную отдѣлку музыкальнаго рисунка и художественное расчисленіе архитектурныхъ элементовъ пьесы. Исполненіе имъ сонаты Бетховена ор. 53 (C—dur) наводитъ невольно на параллель его съ г. Рейзенауэромъ, игравшимъ здѣсь ту же сонату: г. Рейзенауэръ выдѣлялъ элементы колоритные и мистическіе, г. Зауэръ выдвигаетъ на первый планъ элементы характеристическіе и драматическіе; у г. Рейзенауэра въ общей передачѣ сонаты сказалась нѣмецкая тоска по идеалъ (Sehnsucht); у Зауэра—болѣе ровное, по упорное и сознательное стремленіе къ этому идеалу (Grübele); мужественный темпераментъ г. Зауэра дѣлаетъ его исполнителемъ классиковъ болѣе интереснымъ, чѣмъ г. Рейзенауэръ; романтиковъ же послѣдній играетъ лучше. Таковы наши концертныя новости. Что касается оперныхъ, то ихъ почти нѣтъ. 12 марта была поставлена впервые опера современнаго нѣмецкаго, никому неизвѣстнаго композитора Франца Курти „Герта“. Текстъ палыщенный, дѣйствіе изысканно, музыка безформенна, театральныи оркестръ обращенъ въ военный: злоупотребленіе мѣдью невѣроятное; партіи ни въ мелодическомъ, ни въ драматическомъ отношеніи неинтересны. Пантомима „Блудный сынъ“ съ французской музыкой Андре Вормзера всетаки интереснѣе; въ ней есть хоть юморъ.

В. Ч.

Саратовъ (отъ нашего корреспондента). Минувшій сезонъ закончился у насъ, въ Саратовѣ, совершенно по прошлогоднему. Опера оказалась царицей театра. Появившееся было, въ началѣ сезона, нѣкоторое охлажденіе къ оперѣ—исчезло какъ дымъ и публика вновь, до смѣшнаго, восторгалась своими кумирами—г-жею Палице и г. Унковскимъ, прибавивъ къ нимъ, за послѣднее время, еще г-жу Дигби (контральто). Меломаны наши, придя въ экстазъ, какъ говорится, знаютъ ничего не хотѣли. Они заткнули уши, закрыли глаза и не обращали ни малѣйшаго вниманія на то,

что вся опера держится только благодаря тремъ или четыремъ артистамъ и что, за этими кумирами, облюбованными публикою, стоитъ въ оперѣ презрѣднѣйшій нуль.

Что же дѣлали драматическіе артисты?... Они очень основательно занимались тѣмъ, чтобы хорошенько уронить драму.

Съ тѣхъ поръ, какъ къ драматическому театру нашему стали заявляться родственники его: сначала оперетка, а потомъ и опера, я, какъ старинный театраль, съ особеннымъ вниманіемъ присматриваюсь къ постановкѣ театральнаго дѣла въ Саратовѣ и пришелъ къ заключенію, что люди, взявшіе въ свои руки это дѣло, ставятъ на первый планъ не служеніе искусству, а имѣютъ въ виду коммерческую сторону и стремятся заполнить, тѣмъ или другимъ путемъ, хорошій заработокъ. Коммерческія соображенія, конечно, сами по себѣ, ничего дурнаго не имѣютъ и они въ театральномъ дѣлѣ такъ же необходимы, какъ и во всякомъ другомъ, уже по тому одному, что артисты, составляющіе саратовское Товарищество, не получаютъ, подобно артистамъ Императорскихъ театровъ или служащимъ у антрепренеровъ, опредѣленнаго жалованья, и, слѣдовательно, все благосостояніе ихъ зависитъ отъ размѣра заработка втеченіе сезона. Отсюда является вполне понятное и естественное стремленіе увеличить этотъ заработокъ насколько возможно болѣе; однако же, подобное стремленіе очень легко можетъ увлечь въ ошибку, чрезъ что и самый заработокъ не только не увеличится, а, пожалуй, уменьшится. По моему мнѣнію, наше Товарищество и было вовлечено въ такую ошибку.

Дѣло въ томъ, что вѣдь увеличить доходность какого бы то ни было предпріятія можно двумя путями: улучшеніемъ продукта этого предпріятія—болѣе толковымъ и серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу и, кромѣ того, путемъ разумнаго сокращенія расходовъ.

Товарищество наше избрало только этотъ послѣдній путь. Оно, высчитавъ, что оперное дѣло, какъ ни урѣзывать его, все-таки потребуетъ много денежныхъ затратъ (такъ какъ, помимо пѣвцовъ и пѣвицъ, нужно еще сформировать хоры, оркестръ, хотя нѣсколько посильнѣе обыкновеннаго театральнаго; выписывать поты, дѣлать костюмы и декорации и, кромѣ того, имѣть небольшой балетъ для танцевъ, безъ которыхъ обходиться рѣдка опера), порѣшило сосредоточить все вниманіе свое исключительно на одной только оперѣ; на драму же махнуть рукой и сократить расходы на нее до крайняго минимума хотя бы даже въ полнѣйшій качественныи ущербъ труппы. Товарищество, очевидно, думало (и по моему мнѣнію совершенно неосновательно), что какую ни дай драматическую труппу, какъ ни относись серьезно къ репертуару—саратовская публика все равно не пойдетъ на драму, потому что она жаждетъ оперы, бредитъ оперой. И Товарищество дѣйствительно не только махнуло рукой на драму, но совершенно зашвырнуло ее... Въ сезонъ 90—91 г. драма, хотя и не особенно, но, тѣмъ не менѣе, клеилась и тлнлась; въ послѣдній же сезонъ 91—92 года она уже совсѣмъ упала и упала по винѣ самихъ драматическихъ артистовъ, такъ не по артистически отнесшихся къ драмѣ. Если артисты сочли возможнымъ и позволительнымъ (для сокращенія расходовъ) совершенно не имѣть первой драматической актрисы и обойтись безъ драматической и комической ingénue, то они не только могли, но обязаны были (въ особенности при двухъ только спектакляхъ въ недѣлю) составить репертуаръ, примѣняясь къ наличнымъ силамъ труппы, правильно распредѣ-

лать роли и твердо знать ихъ, безукоризненно срепетовывать пьесы, избравъ для того хорошаго, знающаго дѣло и энергичнаго режиссера. Тогда дѣло ихъ могло бы пойти очень и даже очень хорошо, а не такъ непростительно-дурно, какъ оно шло, а общій товарищескій заработокъ могъ бы сильно увеличиться. Нельзя коверкать репертуаръ, непозволительно ставить пьесы непосильныхъ труппъ только потому, что кто-либо изъ вліятельныхъ артистовъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, вообразить, что въ такой-то роли онъ будетъ *неотразимо хороши*. Только подобнаго рода догадками и предположеніями и можно объяснить, что г-жа Шебуева, напримѣръ, бралась за роли: *Лизы* („Въ неравной борьбѣ“), *Готовицовой* („Вторая молодость“), *Нины* („Цѣпи“), а въ свой бенефисъ взялась и за роль *Кондоровой* („Нищія духомъ“). Спектакли эти производили на меня тяжелое впечатлѣніе! Выходя изъ театра, я горько сожалѣлъ о томъ, что г-жа Шебуева, повидимому, не придаетъ никакого значенія тѣмъ богатымъ силамъ и средствамъ, которыми такъ щедро надѣлила ее природа и благодаря которымъ она безусловно, безупречно хороша въ роляхъ обрисовывающихся быть и складъ *простыхъ русскихъ женщинъ* (совсѣмъ неразвитыхъ или недоразвитыхъ), взятыхъ изъ прежняго и новаго времени. Къ перечисленнымъ же мною ролямъ г-жа Шебуева не подходитъ ни по характеру своего таланта, ни по внѣшности, ни по мимикѣ, ни по голосу. Однимъ словомъ роли эти стоятъ внѣ сферы несомнѣннаго и крупнаго дарованія г-жи Шебуевой!.. Не разъ уже въ своихъ корреспонденціяхъ я говорилъ по этому поводу; позволю себѣ и теперь искренно посоветовать г-жѣ Шебуевой не отступать отъ рожденнаго своего амплу (очень обширнаго), не унижать свое дарованіе и не ронять драматическое искусство, которое и безъ того уже, за послѣдній сезонъ, у насъ въ Саратовѣ, дошло до послѣдней степени падевія въ глазахъ публики, пославшей въ Городскую Думу письменное прошеніе о томъ, чтобы на будущій сезонъ была одна только опера, *безъ драмы*. Удивляться и сѣтовать на тѣхъ, которые подписались подъ прошеніемъ въ Городскую Думу, по моему, нѣтъ резона. Чему же въ самомъ дѣлѣ удивляться и за что сѣтовать, что публика махнула рукой на драму и забросила ее, если сами драматическіе артисты, сами жрецы драмы, также обошлись съ ней еще раниже публики, — предупредили публику?!

Много трубили у насъ объ успѣхѣ „Жизни Илимова“, но и эта пьеса была поставлена, какъ и большинство другихъ, крайне неудовлетворительно — по распредѣленію ролей и плохой срепетовкѣ. Впрочемъ пьеса прошла нѣсколько разъ. Городская Дума (которой принадлежитъ зданіе театра и отъ которой зависитъ судьба его) вняла *голосамъ изъ публики*, очень, впрочемъ, немногимъ, и на предстоящій сезонъ у насъ будетъ только одна опера. Впрочемъ, *новое* оперное Товарищество, которое взялось улаждать нашъ слухъ своимъ чарующимъ пѣніемъ, сулитъ дать намъ и драму, но какую-то особенную, *внѣконтрактную*. Такой драматической труппы кажется, нигдѣ еще не бывало. Не знаю, какъ слѣдуетъ понимать сіе замысловатое словечко. Вотъ до чего достигло у насъ въ Саратовѣ торжество оперы! Она *изъ милости* даетъ намъ драму, она снисходитъ къ драмѣ, но отводитъ ей мѣсто гдѣ-то па задкахъ, гдѣ-то *внѣ контракта*, чуть-ли не *внѣ театра*. Однако, мнѣ почему-то думается, что вся эта исторія съ *новымъ* опернымъ Товариществомъ, всѣ его переговоры и споры съ Думой, есть просто на просто мыльный пузырь и что, кѣ началу сезона, у насъ пойдетъ дѣло *по старому*, такъ какъ учредителями *новаго*

Товарищества являются *старые* знакомые наши гг. Унковскій и Горинъ - Горяиновъ. Надо полагать, что и опера и *внѣконтрактная* драма, выдуманная этой *новою* оперою, будутъ состоять (за нѣкоторыми, незначительными измѣненіями и дополненіями) изъ того же персонала, который лицедѣйствовалъ и распѣвалъ у насъ въ прошломъ сезонѣ. Какъ будто бы *старое* оперно - драматическое Товарищество перемѣнило свою *фирму* на *новую* только для того, чтобы хоть на одинъ годочекъ еще остаться въ Саратовѣ. Богъ вѣдаетъ какъ оно тамъ, въ другомъ-то городѣ, будутъ или нѣтъ хорошіе заработки, а въ Саратовѣ-то заработокъ около 60 коп. на рубль сдѣлался нормальнымъ. Думается мнѣ также что *новая* опера и въ будущемъ сезонѣ болѣе 60 процентовъ не заработаетъ, такъ какъ драматическіе артисты, хотя и *внѣконтрактные*, конечно, не отдадутъ оперѣ свой трудъ за какой-нибудь грошъ, а войдутъ, *по старому*, въ дѣлежъ общей выручки по маркамъ. Инногнито.

Тамбовъ. (*Отъ нашего корреспондента*). На предстоящій лѣтній сезонъ нашъ театръ снятъ В. Н. Соколовскимъ, бывшимъ два послѣдніе года режиссеромъ драматической части труппы въ Саратовскомъ театрѣ. Имъ уже организовано товарищество драматическихъ артистовъ.

Тифлисъ. (*Отъ нашего корреспондента*). Величественный сезонъ въ Тифлисѣ прошелъ необыкновенно скучно. Развлеченія состояли изъ представлений Франсуа Роберта, мимика Натапа Шварца и цѣлой серіи драматическихъ и оперныхъ любительскихъ спектаклей въ „Артистическомъ Обществѣ“ и „Музыкальномъ Кружкѣ“. Устроивались въ казенномъ театрѣ и симфоническіе концерты подъ управленіемъ директора музыкальнаго училища при Тифл. Отд. И. Р. Муз. Общ. М. М. Иполитова-Иванова.

Весеній сезонъ обѣщаетъ быть довольно разнообразнымъ: ожидаются гастролы Андреа Маджи съ труппой, а съ 15-го мая цѣлая серія балетныхъ спектаклей съ Л. Н. Рейтенъ во главѣ. Последнее составляетъ совершенную новинку для Тифлиса и потому спектаклямъ этимъ можно заранѣе и почти безошибочно предсказать полный успѣхъ.

Лѣтнимъ увеселителемъ явится по прежнему г. Самаринъ-Быховецъ, который расширяетъ свою дѣятельность, организуя спектакли кромѣ „Пушкинскаго“ сада еще и въ саду „Ліонъ“, гдѣ предполагается культивировать легкую комедію, водевиль и пр. Въ „Пушкинскомъ“ театрѣ — оперетка. Составъ труппы, приглашенной г. Самаринымъ, слѣдующій: г-жи Антонова, Люценко, Крамская, Казаченко, Слободина, Красовская, Пальмская и др. Гг. Вальеро, Бобровъ, Фатѣевъ, Біязи, Судьбининъ, Грѣховъ, Михаленко и др. Хоръ изъ 18-ти человекъ. Оркестръ казенной оперы подъ управленіемъ г. Самосуда. Спектакли предложено открыть 1-го мая, а если позволитъ погода, то и ранѣе. Репертуаръ будетъ вестись, по преимуществу, новый.

22-го марта открылась въ зданіи военно-историческаго музея художественная выставка произведеній кавказскихъ художниковъ и любителей. Изъ 400 выставленныхъ картинъ обращаютъ на себя вниманіе пейзажъ г. Запковскаго, портреты и жанры г. Габаева-Гиго и акварели г. Лонго. Посѣщается выставка хорошо.

Оперная труппа, подвизающаяся въ Батумѣ, дѣлаетъ блестящія дѣла. Особеннымъ успѣхомъ пользуются г-жа Флаша и г. Вандирикъ.

Харьковъ (отъ нашего корреспондента). Начиная со второй недѣли великаго поста въ драматическомъ театрѣ раза два въ недѣлю устраивались такъ-называемые „литературно-художественные вечера“, въ которыхъ принимала участіе большая часть членовъ Харьковского драматическаго Товарищества. „Вечера“ эти, собственно говоря, имѣютъ характеръ настоящихъ спектаклей, съ тою только разницей, что въ программу этихъ вечеровъ входятъ не цѣлыя драматическія произведенія, а ихъ отрывки. Несмотря на то, что подобные спектакли не представляютъ никакого цѣльнаго интереса и выполняются иногда не очень успѣшно, публика посѣщаетъ въ великомъ посту драматическій театръ довольно усердно. Первые два вечера (23 и 26 февраля) даны были въ пользу всѣхъ оставшихся въ Харьковѣ членовъ „Товарищества“. 28 февраля поставлены были: Пушкинская сцена „Моцартъ и Сальери“, комедія Фульда „Женскій вопросъ“ и сцена г. Гнѣдича „Встрѣча“; кромѣ того, поставлены были живыя картины „Послѣднія минуты Моцарта“, и „Отвѣтъ запорожцевъ турецкому султану“. Спектакль этотъ нельзя назвать удачнымъ: слишкомъ ярко сказывались слѣды спѣшной постановки. Живыя картины, поставленныя мѣстнымъ молодымъ художникомъ г. Первухинимъ, оказались очень недурными и публикѣ понравились. Второй спектакль, данный 26 февраля, состоялъ изъ „Орлеанской дѣвы“ (прологъ), „Мертвыхъ душъ“ (три сцены—у Собакевича, Плюшкина и Ноздрева) и „Денежныхъ тузовъ“ (1-й актъ). Г-жа Вронская, рискнувшая выступить въ роли Жанны Д-Аркъ, успѣха не имѣла, потому что слишкомъ легко отнеслась къ этой трудной задачѣ и чудный монологъ „Простите вы, поля, холмы родные“ былъ ею совершенно скомканъ и не произвелъ никакого впечатлѣнія. За то „Мертвыя души“ доставили публикѣ истинное наслажденіе и, несмотря на несовсѣмъ удачную передѣлку, разыграны были прекрасно. Въ особенности типичны были гг. Петипа (Ноздревъ), Соловьевъ (Собакевичъ) и Гринь (Мижухевъ). Въ „Денежныхъ тузахъ“ очень

недурно играли г-жа Велизарій и г. Петипа. Вслѣдъ за этими двумя спектаклями дано было еще три, сборъ съ которыхъ поступилъ: 2-го марта—въ пользу г-жи Вронской, 6-го—въ пользу г-жи Велизарій и 8-го—въ пользу г. Петипа. Г-жа Вронская для своего великопостнаго бенефиса поставила одноактную комедію на французскомъ языкѣ: „Je vous aime“, прекрасно разыгранную бенефицианткой и г. Петипа, затѣмъ довольно сентиментальную комедію „Радуга первой любви“, въ которой также съ успѣхомъ выступили въ главныхъ роляхъ тѣ-же исполнители, и, наконецъ, сцену-монологъ „Въ слѣдующій разъ“, очень изящно прочитанную г-жею Велизарій. Живыя картины „Дуэль послѣ маскарада“ и „Демонъ и Тамара“ оказались на этотъ разъ менѣе удачными. Г-жа Велизарій поставила для своего вечера „Семейные расчеты“, въ которыхъ она произвела сильное впечатлѣвіе замѣчательно реальнымъ исполненіемъ роли Анны Петровны, а г. Соловьевъ имѣлъ громадный успѣхъ въ роли Первалова, и передѣланную съ французскаго мѣстнымъ авторомъ Е. М. Б-цкимъ комедію Мюрже „Штурмомъ“ („Le serment d'Hotase“), извѣстную въ другой передѣлкѣ подъ названіемъ „По памятной книжкѣ“; комедія эта имѣла успѣхъ: въ ней выступили г-жи Вронская и Велизарій; гг. Петипа и Долиновъ—прежній членъ Товарищества. Для вечера г. Петипа поставлены были комедія Пальерона „Парижане“, сцена изъ пушкинскаго „Евгенія Онегина“ и отрывки изъ „Гувернера“. Все это, въ особенности „Гувернеръ“, исполнено было съ ансамблемъ. Всѣ бенефисы имѣли большой матеріальный успѣхъ, а бенефисъ г-жи Велизарій сопровождался даже подношеніями. Ходятъ, однако, слухи, что дальнѣйшіе „вечера“ запрещены администраціей. Если эти слухи оправдаются, къ чему есть весьма вѣскія основанія, то остается только пожалѣть, что въ великомъ посту разрѣшаются широковѣщательныя афиши такихъ „учрежденій“, какъ „Ренессансъ“ (кафе-шантанъ), а драматическіе вечера, разрѣшенные сначала, будутъ подвергнуты неумолимому veto.

Хроника.

Москва.

На пробу голосовъ въ Большой театръ явилось до 30 лицъ, желавшихъ испытать свои способности.

Оперный артистъ г. Корсовъ возобновилъ контрактъ съ дирекціей еще на одинъ годъ.

Пѣвецъ г. Майборода приглашенъ на весенній сезонъ въ Петербургъ для участія въ оперныхъ спектакляхъ на Марининской сценѣ.

Московскимъ отдѣленіемъ литературно-театрального комитета одобрена къ представленію на Императорской сценѣ комедія въ 1 д Дрейфюса, въ переводѣ Н. А. Тихонова „Вамъ такія сцены не знакомы“. Названная пьеса напечатана въ № 4 „Театральной Библіотеки“ и предполагается къ постановкѣ въ весеннемъ сезонѣ.

Режиссеръ московскаго Малаго Императорскаго театра, С. А. Черневскій, въ теченіе 40 лѣтъ служачій на сценѣ этого театра, удостоился рѣдкой для сценическихъ дѣятелей награды: ему пожалованъ орденъ св. Станислава третьей степени. Такой награды удостоился только покойный И. В. Самаринъ, въ качествѣ профессора консерваторіи по драматическому классу.

Грибоѣдовская премія присуждена Владиміру И. Немировичу-Данченко за пьесу „Новое дѣло“. Судьями по присужденію преміи избраны г.г. Тихонравовъ, Гольцевъ и князь Урусовъ.

Общество для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ испросило разрѣшеніе на постановку на кладбищѣ Андроніевскаго монастыря мѣдной доски въ память основателя русскаго театра Ѳ. Г. Волкова, погребеннаго на этомъ кладбищѣ. Слѣдовъ могилы Волкова давно уже нѣтъ и доска будетъ прибита къ наружной стѣнѣ кладбищенскаго храма. Массивная доска имѣетъ слѣдующую надпись: „Памяти перваго русскаго актера Ѳедора Григорьевича Волкова, погребеннаго на семь кладбищъ (род. 1729 г., сконч. 1763 г.). Отъ Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ. 3 мая будетъ отслужена въ монастырѣ панихида въ присутствіи представителей артистическаго міра.“

На происходившемъ 29-го марта, на Малой Дмитровкѣ, въ домѣ гр. Васильева-Шиловскаго, въ помѣщеніи постоянной выставки Общества любителей художествъ, аукціонъ картинъ продано 129 картинъ на сумму 1,979 р. За самую дорогую цѣну 81 р. куплена картина г. Штомберга „Цы-

гѣлка". Всего представлено было на аукціонъ 231 картина.

1-го апрѣля, въ 4 ч. дня, закрылась выставка картинъ И. Е. Рѣпина. За все время существованія выставки на ней перебивало около 20 тысячъ посѣтителей.

Въ составъ труппы коршевскаго театра приглашены еще новые артисты—г. Ильковъ, служившій всегда въ Нижнемъ, во время ярмарки, и г-жа Никитина, служившая послѣдній сезонъ у г. Парадиза.

А. А. Черепановъ предполагаетъ снять на нѣсколько лѣтъ садъ близъ Сокольничей заставы (бывшій „Тиволи“). Въ саду будетъ устроенъ театръ, на сценѣ котораго будутъ ставиться пьесы современнаго репертуара.

Садъ „Эрмитажъ“ 1 мая подъ дирекціей М. В. Лентовскаго открывается по прежнему. Между прочимъ, выступить вновь артистка А. М. Боненъ.

Петербургъ.

Артистка театра г. Корша М. А. Потоцкая съ большимъ успѣхомъ дебютировала на сценѣ Александринскаго театра, въ драмѣ г. Соловьева „Мѣсяць въ деревнѣ“.

На сценѣ Александринскаго театра происходили закрытые дебюты. Всѣхъ пробовавшихъ свои артистическія силы было до десяти человекъ, изъ которыхъ только трое допущены до публичнаго испытанія, а именно: г-жа Азагарова, знакомая петербуржцамъ по участію на клубныхъ сценахъ, премьеръ прикащикьяго клуба—г. Скуратовъ и провинціальный актеръ г. Шейнъ, послѣдніе два сезона подвизавшійся въ Харьковѣ, въ мѣстномъ Товариществѣ. Кромѣ того, предстоятъ еще дебюты г. Мичурина-Самойлова.

Вопреки сложившемуся мнѣнію, будто репертуаръ Островскаго устарѣлъ и сборовъ не дѣлаетъ, можно указать на два представленія, состоявшіяся въ Александринскомъ театрѣ 20-го и 22 апрѣля. Возобновленная комедія „Волки и овцы“, не шедшая болѣе пятнадцати лѣтъ, собрала въ весеннее время публики болѣе чѣмъ на 1,700 руб. за два раза. Дебютантка г-жа Уварова уснѣха не имѣла, за то всѣ остальные, г-жа Н. Васильева, гг. Сазоновъ и Варламовъ, были вызываемы во всѣ антракты.

Режиссеръ александринской труппы, г. Федоровъ-Юрковскій остается на службѣ, равно и г. Медвѣдевъ, какъ передаютъ, остается въ должности главнаго режиссера еще на годъ.

Маринскій театръ. Для открытія балетныхъ спектаклей въ воскресенье, 2-го апрѣля, исполненъ былъ „Приказъ короля“ съ г-жей Никитиной въ роли „Пепиты“. Несмотря на отсутствіе г-жи Брианца, оставившей службу, театръ былъ полонъ.

На второй пробѣ голосовъ въ Маринскомъ театрѣ безусловно одобрены: г-жи Нечаева (Архангельская)—меццо-сопрано, г. Шахломіанцъ—теноръ и г. Борисоглѣбскій—баритонъ. Г-жа Нечаева пѣла аріи княгини изъ „Русалки“ и „Рагмира“ изъ „Руслана“.

29-го марта, закрылись художественныя выставки—академическая и передвижная. По числу посѣтителей и проданныхъ экспонативъ, академическая выставка была несравненно слабѣе двухъ предыдущихъ выставокъ. На выставкѣ 1890 года перебивало посѣтителей 33,000; валоваго дохода поступило до 11,000. На прошлогодней выставкѣ было посѣтителей 24,000, картинъ продано болѣе 60, всего на сумму 32,000 руб.; въ раздѣлъ между 136 экспонентами поступило почти 8,000 руб. На пылѣшней выставкѣ съ 17-го февраля по 29-е марта оказалось посѣтителей 15,000; изъ 360 экспонативъ продано до 50, приблизительно на 13,000

руб. Покупались по преимуществу мелкіе жанры и, затѣмъ, пейзажи. Изъ 35 скульптуръ купленъ только одинъ экспонатъ. Высшей долей дивиденда на прошлогодней выставкѣ было 90 рублей, низшей—11 руб. Въ раздѣлъ 145 экспонентивъ нынѣшней выставки поступитъ, несомнѣнно, меньше.

XX-я очередная выставка „передвижниковъ“ по доходности нѣсколько уступаетъ выставкамъ предыдущихъ годовъ. Изъ 145 экспонативъ на вей продано 48. Посѣтителей на выставкѣ съ 23-го февраля по 29-е марта перебивало 14,000. Покупателями картинъ оказались: П. М. Третьяковъ, И. Н. Терещенко, В. Я. Ев—мъ, Харитоненко, Д. С. Поляковъ, И. М. Сибиряковъ, Н. Д. Стахѣевъ, М. С. Волковъ, адмиралъ Асламбековъ и друг. П. М. Третьяковымъ приобрѣтены картины художниковъ: А. Е. Архипова „Келейникъ“, П. А. Брюлова, А. М. Васнецова „Наступленіе ночи на Уралѣ“, И. И. Левитана „У омута“, С. И. Свѣтославскаго „Постояльчій дворъ“, А. М. Корина „Большой художникъ“ и начинающаго художника В. Н. Мѣшкова „Зубоврачеваніе“. И. Н. Терещенко для своей галлерей въ Кіевѣ приобрѣлъ картины А. М. Васнецова „Волнующаяся нива“ и В. Е. Маковского „Не пущу“. Пейзажи И. И. Шишкина—„Въ сосновомъ лѣсу“ и „Лѣтній день“ куплены Н. Д. Стахѣевымъ.

29-го марта, въ залѣ дворца Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича закрылась очередная годичная выставка здѣшняго перваго дамскаго художественнаго Кружка. По матеріальнымъ результатамъ она, по сравненію съ подобными выставками за послѣдніе годы, оказалась менѣе удачной. Изъ назначенныхъ въ благотворительную лотерею 242 экспонативъ нѣсколько осталось на рукахъ Кружка.

Г-жею Степановою приобрѣтено на Волховскомъ шоссе, близъ деревни Халузи, мѣсто для постройки театра. Постройку предполагается окончить къ срединѣ мая. Спектакли будутъ даваемы два раза въ недѣлю.

Антрепреверъ приказчиьяго клуба В. А. Базаровъ переноситъ на лѣто свою дѣятельность въ Стрѣльну, гдѣ имъ приобрѣтенъ въ собственность и заново отдѣляется существовавшій тамъ и въ предыдущіе сезоны театръ. Будетъ подвизаться также труппа, которая играла въ приказчиьемъ клубѣ. Репертуара предполагается держаться преимущественно легкаго. Открытіе сезона состоится въ концѣ мая.

Труппа Крестовскаго сада уже составлена, на первыя драматическія роли приглашены г-жа Строева-Сокольская, инженеру—г-жа Воронина, комическія роли—г-жа Шаровьева, драматическій любовникъ г. Шуваловъ, резонеръ г. Горинъ, комики—г.г. Мартыновъ и Смирновъ. На вторыя роли г. Иконниковъ. Спектакли откроются 14 мая.

Для лѣтняго сезона открытой сцены сада Неметти (бывшаго Демидовскаго), г-жей Линской-Неметти ангажирована опереточная цѣвица г-жа Смолина. Кромѣ того, выписана изъ Парижа г-жа Дора Бенатти. На роли простаковъ приглашенъ г. Брянскій, а на амплуа первыхъ любовниковъ—г. Рутковскій. Помимо оперетки, въ саду Неметти будетъ и балетъ. Приѣзжаетъ испанская труппа съ г-жею Орора во главѣ.

Въ маѣ и юнѣ мѣсяцахъ текущаго года въ Петербургѣ будетъ играть оперная труппа г. Прянишникова.

Въ Парголовѣ будутъ ставиться подлюбительскія спектакли г-жею Алексѣевою.

Въ Лѣсовомъ корпусѣ садъ Беклешова снятъ любителемъ г. Антиповымъ. На сценѣ будутъ идти спектакли. Беклешевскій театръ снятъ на 12 лѣтъ.

Оперная антреприза г. Зазумина открыла свои

дѣйствія въ *Панаевскомъ* театрѣ, 8-го апрѣля, постановкой оперы „Русланъ и Людмила“.

Для открытiя весенняго сезона Товариществомъ артистовъ *Малаго театра* была поставлена 8-го апрѣля, новинка парижскаго театра „Folies dramatiques“, выдержавшая въ Парижѣ болѣе четырехсотъ представленiй, оперетта „Дочь Фоншонъ“ съ музыкой Варнея и либретто, составленнымъ Бюснахомъ въ сотрудничествѣ съ Арманомъ Лиромъ и Фонтеномъ.

Русскiе драматическiе спектакли въ „Озеркахъ“ начнутся съ 24-го мая. Г-жа Глѣбова, которой принадлежитъ антреприза этихъ спектаклей, пригласила уже многихъ артистовъ какъ въ постоянный составъ труппы, такъ и на гастролы. Г. Киселевскiй, будетъ играть съ 9-го июня по 9-ое августа. Приглашены г-жа Мартынова и Глама-Мещерская, а также гг. Людвиговъ, Соловцовъ и Росовъ, г-жи Мазуровская, Григорьева (псевдонимъ), Кузьмина, Алексѣева, гг. Дарскiй и Стрѣльскiй.

Оперная труппа, дающая теперь спектакли въ залѣ Кононова, лѣтомъ закрыла, по слухамъ, условiе съ антрепренерами загородныхъ театровъ Оранiенбаума и Озерковъ, гдѣ будетъ давать спектакли по разу въ недѣлю. Режиссеромъ будетъ теноръ г. Афанасьевъ.

Провинциальная хроника.

Труппы для артистическаго турне въ провинциі уже сформировались. Г-жа Савина находится въ Харьковѣ. Г-жа Мичурина съ г. Давыдовымъ выѣзжаютъ 26 апрѣля въ Тифлисъ, а затѣмъ и въ другіе города, во главѣ труппы, сформированной изъ нѣкоторыхъ александринскихъ актеровъ и бывшихъ учениковъ г. Давыдова. Въ качествѣ градь-дамъ въ этой труппѣ г-жа Медвѣдева, бывшая провинциальною актрисою въ 60-хъ годахъ. Самъ г. Медвѣдевъ ѣдетъ на сѣверъ, въ Петрозаводскъ и Архангельскъ, гдѣ артисты Императорскихъ театровъ еще никогда не бывали. Въ этой труппѣ ѣдутъ: гг. Новикскiй, Шевченко, Шаповаленко, Головинскiй, и изъ частныхъ артистовъ: г-жи Уварова и Глинская. Часть александринской труппы 10 мая выѣзжаетъ въ Старую-Русу. Г. Писаревъ съ артисткою Гламою-Мещерскою ѣдутъ 1-го мая въ Одессу, гдѣ примутъ участiе въ спектакляхъ тамошней труппы до iюня мѣсяца. Г. Варламовъ будетъ играть въ Ревелѣ, Гапсалъ и Гунгербургъ, гдѣ гастролить будутъ и г-жа Н. Васильева.

Въ Ревелѣ русскiе драматическiе спектакли въ дачной приморской мѣстности, называемой „Катериненталь“, начнутся во второй половинѣ мая и будутъ даваться въ теченiе всего лѣта по три спектакля въ недѣлю.

На предстоящiй лѣтній сезонъ формируется опереточная труппа для города **Старая Русса**. Въ составъ ея вошли г-жа Дюроше и г. Бобровъ.

Въ Кіевѣ съ 1-го мая въ саду Минеральныхъ водъ будетъ подвизаться опереточное Товарищество г. Блюменталь-Тамарина.

Въ Курскѣ въ лѣтнемъ театрѣ Лазаретнаго сада будетъ играть Товарищество драматическихъ артистовъ подъ управленiемъ г. Галицкаго.

Въ Глуховѣ, Черниговской губерниі, а съ Мая въ Рыльскѣ, Курской губерниі, играетъ драматическое Товарищество г. Шванъ. Въ Брянскѣ и Карачевѣ — Товарищество г. Пальмина.

Въ Смоленскѣ лѣтомъ будетъ играть опереточное Товарищество г-жи Киселевой.

Въ Брестъ-Литовскѣ лѣтомъ будетъ опереточная и драматическая труппа подъ управленiемъ г. Борисова.

Въ Вышнемъ-Волочкѣ будетъ играть Товарище-

ство драматическихъ артистовъ подъ управленiемъ г-жи Славиной.

Во Владимірѣ-губернскомъ, зимой, спектакли будутъ подъ управленiемъ дирекціи. Труппа драматическая.

Ярмарочный театръ въ Нижнемъ-Новгородѣ снятъ Д. А. Бѣльскимъ. Будетъ играть одна драматическая труппа. Зимнiй же театръ опять сняло Товарищество драматическихъ артистовъ г. Волгина.

Въ Черкасахъ, Кіевской губерниі, будетъ играть драматическое Товарищество г. Волховскаго.

Въ Екатеринодарѣ сформировалась изъ мѣстныхъ любителей цѣлая оперная труппа въ 45 человекъ, имѣющая собственный оркестръ, состоящiй изъ 35 музыкантовъ-любителей.

Директоръ севастопольскаго городскаго театра Л. Я. Разумный, уполномоченный тамошней городской управой приглашать разныя труппы въ Севастополь, былъ въ послѣднее время въ Москвѣ и заключилъ контракты съ слѣдующими труппами: на апрѣль — съ драматическимъ Товариществомъ В. Л. Форкатти, на май — съ соединеннымъ Товариществомъ артистовъ Малаго и коршевскаго театровъ, на iюнь — съ оперой г. Черкасова, на iюль и августъ — съ опереточной труппой г. Парадиза и на сентябрь — съ оперой г. Любимова; кромѣ того, въ промежуткахъ будетъ балетъ и Товарищество Н. Н. Соловцова.

Рыбинскъ на лѣто снятъ Товариществомъ русскихъ драматическихъ артистовъ подъ режиссерствомъ Н. А. Корсакова.

Въ Тулѣ лѣтомъ будетъ подвизаться драматическая труппа подъ управленiемъ И. Е. Самарина.

Сформировано еще одно Товарищество русскихъ драматическихъ артистовъ во главѣ съ Е. Н. Горевой. Товарищество начинаетъ спектакли съ 14-го апрѣля, съ Житомира, затѣмъ посѣтитъ Брестъ-Литовскъ, Вильно, Варшаву, Ломжу, Сѣдлецъ и другіе города Царства Польскаго и затѣмъ прямо отправится въ Севастополь, Ялту, гдѣ и закончитъ свое артистическое путешествiе. Въ составѣ труппы находятся гг. Струйскiй и Аяровъ, г-жи Малиновская, Аграмова и Воронина.

Въ Твери съ 26-го апрѣля въ лѣтнемъ театрѣ открываются спектакли Товарищества русскихъ драматическихъ артистовъ подъ режиссерствомъ А. Д. Лаврова-Орловскаго. Въ составѣ труппы вошли: г-жи Вронская-Брониславская (драматическая), Трубецкая (инженю-комикъ), Златопольская (комическая старуха), Горшенкова (водевильная), Варенцова, Лаврова, Востокова (2-я роли); гг. Судьбининъ (первый любовникъ), Бориславскiй (резонеръ), Лавровъ-Орловскiй и Холмскiй (первые комики), Пеняевъ (простакъ съ пѣнiемъ). Репертуаръ будетъ состоять изъ современныхъ комедiй и драмъ.

По словамъ „Варшавск. Дневника“, на пятнадцать спектаклей, данныхъ въ Варшавѣ русскою драматическою труппою изъ Петербурга — перебывало 13,536 человекъ. Среднимъ числомъ на спектакль приходится 902 посѣтителя. Репертуаръ былъ слѣдующiй: „Женильба Бѣлугина“, „Мѣсяцъ въ деревнѣ“, „Правда хорошо, а счастье лучше“, „Послѣдняя жертва“, „Ревизоръ“, „Перчатка“, „Лѣтнiя грезы“, „Въ старые годы“, „Новое дѣло“, „Паутина“, „Въ осадномъ положенiи“, „Мишура“, „Чародѣйка“ и „Вѣтерокъ“ (Frou-frou).

Въ Пензѣ въ первый разъ цѣлое лѣто будетъ играть драматическая труппа въ зимнемъ театрѣ г. Дубовицкой. Въ составѣ труппы вошли: г-жи Томцева, Зайцева, Савина, Любомирская, Красовская-Мокуръ, Веселовская, Дѣвская, гг. Кегель-Королевъ, Сарматовъ. Спектакли открываются съ половины мая. Репертуаръ — драма и оперетка.

Товарищество драматическихъ артистовъ Н. Н.

Соловцова съ перваго дня Святой отправилось въ артистическое путешествіе на югъ Россіи и будетъ играть въ Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Кременчугѣ, Елизаветградѣ, Николаевѣ и Кишиневѣ. Въ составъ Товарищества вошли г-жи Глѣбова, Звѣрева, Кошева, Измайлова, Омутова и гг. Свѣтловъ, Яковлевъ, Чужбиновъ, Недѣлинъ и др.

На второй день праздника въ Харьковѣ открылись спектакли опереточной группы г. Парадиза. Для открытія шелъ „Бѣдный Ионафанъ“.

Во Владимірѣ на Клязьмѣ, 8 марта, въ городскомъ театрѣ состоялся интересный литературный вечеръ, въ которомъ принимали участіе артисты Императорскаго Малаго театра. Исполнено было полное чтеніе комедіи г. Невѣжина „Компаньоны“ и „Медвѣдъ“, шутка въ 1 дѣйствіи, г. Чехова. Изъ участвующихъ большій успѣхъ имѣли въ пьесѣ „Компаньоны“ артисты Императорскаго театра г-жи Яблочкина и Садовская и гг. Левицкій и Лужскій, во второй пьесѣ успѣхъ дѣлили г-жа Малиновская и гг. Левицкій и Лужскій. Публики на чтеніи было достаточно.

Заграничная хроника.

Берлинъ. На императорской сценѣ поставлена, какъ сообщаетъ „Нов. Время“, новая пьеса г. Вильденбруха „Священный смѣхъ“ (Das Heilige Lachen). Новинкѣ этой предшествовали обычныя въ подобныхъ случаяхъ рекламы. Много говорили о посѣщеніи императоромъ репетицій. Пьеса оказалась длиннѣйшей скучной аллегоріей безъ малѣйшаго признака остроумія, безъ капли поэтическаго достоинства, безъ намека на фантазію. Сюжетъ пьесы слѣдующій: „Великій и могущественный—по выраженію афиши—хозяинъ большой аптеки“ обладаетъ двумя „провизорами“. Гг. Оптимусъ и Пессимусъ преподносятъ обитателямъ города Тегга-Тегга—сирѣчь, людямъ: первый—исключительно „сладкія“ сладобя: любовь, вѣру, надежду, довольство и т. д., второй—горькія лѣкарства, т.-е. ненависть, ложь, зависть и проч. и проч. Пользуясь отсутствіемъ стараго аптекаря, провизоръ Пессимусъ напаиваетъ избраннаго имъ въ намѣстники Оптимусса, крадетъ у него ключъ отъ аптеки и наливаетъ во всѣ ящики и склянки ея сваренный (по рецепту макбетовскихъ вѣдьмъ) ядовито-злостный напитокъ „пессимизмъ“. Напитокъ этотъ попадаетъ, подъ видомъ вина, въ городъ „Тегга“ и превращаетъ обитателей его изъ счастливыхъ, добрыхъ и довольныхъ людей въ несчастныхъ, злыхъ, завистливыхъ и полоумныхъ. Самъ бюргермейстеръ Анимусъ изгоняетъ свою супругу madame „Красоту“ и уступаетъ Пессимусу, передѣлавшему свое имя въ Пессимова, свою власть. Новый властелинъ земли собирается жениться на mademoiselle „Уролствѣ“, несмотря на свою тайную страсть къ изгнанной „Красотѣ“, когда въ концѣ-концовъ все улаживается благополучно. Добродѣтельный провизоръ Оптимусъ просыпается, изгоняетъ Пессимова и люди излечиваются благодаря вмѣшатель-

ству „бога смѣха“ (Lachegott), сыну Анимуса и „Красоты“. По словамъ г. Вильденбруха, смѣхъ—единственная святяня, достойная обожанія. Писатели въ родѣ: Ибсена, Толстого, даже Гете служатъ цѣлью насмѣшекъ для безтолковыхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, и все это до того гадко, что даже осторожная, сдержанная публика почти единогласно разразилась громкимъ шиканьемъ, выслушавъ дожину подобныхъ, столь-же безтакныхъ, какъ и аляповатыхъ выходовъ. Даже присутствіе императора и его аплодисменты не могли удержать вполне заслуженной враждебной манифестаціи публики.

Бывшій профессоръ московской консерваторіи—скрипачъ Арно Гильфъ, недавно игралъ въ концертѣ въ Лейпцигѣ, съ громаднымъ успѣхомъ.

А. Г. Рубинштейнъ продолжаетъ концерттировать въ Германіи. Въ Лейпцигѣ онъ игралъ и дирижировалъ своими произведеніями на концертѣ въ Gewandhaus'ѣ, а на вечерѣ камерной музыки сыгралъ свой квинтетъ.

Изъ произведеній русскихъ композиторовъ за послѣднее время съ большимъ успѣхомъ исполнены были: симфонія (es-dur)—Бородина (въ Лейпцигѣ) и оркестровая фантазія „Франческо ди-Римини“—Чайковскаго (въ Бостонѣ).

Во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ симфоническомъ собраніи недавно исполняли оркестровую картину „Въ Средней Азій“ Бородина и „Камаринскую“—Глинки. Обѣ пьесы имѣли большой успѣхъ.

Піанистъ г. Александръ Зилоти участвовалъ въ концертѣ Колонна. Талантливый артистъ исполнялъ извѣстную фантазію Шуберта (op. 15) переложенную для фортепіано и оркестра—Листомъ. Изъ отзывовъ французскихъ газетъ видно, что г. Зилоти имѣлъ заслуженный, выдающийся успѣхъ. Критика въ игрѣ его особенно выдѣляетъ выразительность и поэтичность фразировки, пѣвучій тонъ и строгую разборчивость вкуса.

17-го и 18 іюля н. ст. въ Брюсселѣ, въ связи съ бельгійскимъ національнымъ праздникомъ, будетъ устроено международное состязаніе въ пѣніи. Приглашеніе на состязаніе исходитъ отъ королевскаго брюссельскаго пѣвческаго Общества, директоромъ котораго состоитъ Vanwens, а почетнымъ предсѣдателемъ бургомистръ Buls. Побѣдителей ждутъ многочисленные призы въ видѣ золотыхъ и серебряныхъ медалей и денежныхъ наградъ отъ 2.000 до 150 франковъ. Съ заявленіями о желаніи принять участіе въ состязаніи слѣдуетъ обращаться въ помѣщеніе Общества, Place de la Bourse, 1, Brüssel.

Лиль. На сценѣ *Grand-Théâtre* дана съ большимъ успѣхомъ опера „Atala“ (на сюжетъ изъ Шато-бриана), принадлежащая перу молодой дѣвушки, но уже превосходной музыкантши—Жюльетты Фольвиль, замѣчательной тѣмъ, что она совмѣщаетъ въ себѣ таланты композиторства съ выдающимися виртуозными талантами на скрипкѣ и фортепіано. Опера, обладающая несомнѣнными достоинствами, прекрасно прошла подъ авторскимъ держерствомъ.

ВЫШЕЛЪ № 13 (Май 1892 г.).

ЖУРНАЛА

„ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА“

СОДЕРЖАНИЕ:

«Мюзота», драма въ 3 д. *Гюи де-Мопассана* и *Ж. Нормана*, переводъ *Н. И. Северина*.
«Биржевики», ком. въ 1 д. *Станислава Добржанскаго* («Złoty cieles»). Передѣлана для русской сцены *Н. А. Тихановымъ*. «Танцюющій кавалеръ», фарсъ въ 1 д. *В. Холостова*.
«Грамотѣй», анекдотъ-шутка въ 1 д. *И. Н. Ге*. «Случайно случившійся случай», фарсъ въ 1 д. *Г. Н. Грессера*. Алфавитный списокъ драматическихъ произведеній, безусловно разрѣшенныхъ къ представленію въ мартѣ 1892 г.

Условія подписки см. 3 стр. обложки.

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

А Р Т И С Т Ъ

ТОЛЬКО ДО 15-ГО МАЯ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩЕ

ОРИГИНАЛЫ КАРТИНЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ:

А. И. Алексѣева „Женская головка“	150 руб.
Н. Г. Богданова „Дѣти у палатки“	225 „
И. А. Вельца „Весна“	150 „
В. Г. Казанцева „Послѣдній лучъ“	200 „
„ „ „Листья опадаютъ“	200 „
П. Е. Крачковскаго „Паркъ на рѣкѣ Сенѣ“	250 „
К. Е. Маковскаго „Испанка“	300 „
М. Л. Маймана „Рыбакъ-любитель“	150 „
А. И. Мещерскаго „Кавказскій видъ“	250 „
„ „ „Окрестность г. Нарвы“	250 „
А. А. Писемскаго „Жигулевскія горы“	125 „
„ „ „Весна“	125 „
Ю. И. Феддерсъ „Пейзажъ“ (Лифляндская Швейцарія)	60 „

Гг. иногородніе, желающіе ознакомиться съ картинами, могутъ получать фотографическіе снимки съ означенныхъ картинъ, уплачивая по 2 р. за каждый снимокъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Гг. артистовъ, ищущихъ ангажемента:

А. И. Козичъ, Injenuе dramatique, ищетъ ангажемента на лѣтній и зимній сезоны. Рига, магазинъ Саатчи и Мангуби.

М. С. Петровъ, простакъ, комикъ и на характерныя роли. Служилъ въ большихъ труппахъ. Москва, Пречистенка, Штатный пер., д. Апушкина.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ г. Черниговѣ сдается театръ на предстоящій зимній сезонъ 1892/93 года предпочтительно для опереточной труппы.

Подробныя условія можно получить въ г. Черниговѣ лично и письменно отъ г. полицеймейстера.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА В. Е. ЕРМИЛОВА:

ВЕЛИКІЙ АРТИСТЪ—КРЕСТЬЯНИНЪ

МИХАИЛЬ СЕМЕНОВИЧЪ ЩЕПКИНЪ.

Биографическій очеркъ съ портретомъ. Ц. 25 коп., на лучшей бумагѣ 40 коп.

Главный складъ въ типографіи Иноземцева, Арбатъ, д. Наринской.

Б Е Р Л И Н Ъ

Отель Москва, Шифбауердамъ, 4.

Въ центрѣ города, около вокзала Фридрихштрассе. Дешевыя комнаты со всѣми удобствами.

Содержатель Платъ говорить по русски.

15 апрѣля вышла четвертая (апрѣльская) книга ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Содержаніе:—I. На пахотѣ. Повѣсть Е. П. Карпова.—II. Ядъ. Романъ Александра Килланда. Перев. Э. Р. Окончаніе.—III. Стихотворенія В. Л. Величко.—IV. Ученица Гаррика. Историческій романъ Огюстена Филона. Переводъ В. М. Р. Окончаніе.—V Стихотвореніе А. М. Федорова.—VI. Любовь. Романъ И. Н. Поталенна. Продолженіе.—VII. Роза и Нинета. Романъ Альфонса Додэ. Перев. М. Н. Ремезова.—VIII. Протекціонизмъ и сельское хозяйство. В. В. Бирюковича.—IX. Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ. Продолженіе. Н. Гарина.—X. Судебная защита жертвъ промышленной эксплуатаціи. Окончаніе. П. Н. Обнинскаго.—XI. Новое изслѣдованіе о реформѣ Петра Великаго (П. Н. Малиюковъ: „Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго“) В. А. Г.—XII. Реформы англійскихъ университетовъ въ XIX столѣтіи. Продолженіе. А. С. Оиольскаго.—XIII. Марія Ковопницкая (очеркъ изъ современной польской литературы). В. Мякотина.—XIV. Памяти Яна Амоса Коменскаго (1592—1892). В. А. Гольцева.—XV. Локкъ (Thomas Fowler: „Locke“). Окончаніе. П. Ф. Н.—XVI. Научный обзоръ. Питаніе голодающихъ. Ф. Ф. Эрисмана.—XVII. Дворянское землевладѣніе въ Южной Руси. А. Я. Ефименко.—XVIII. Ярмарка женскаго тщеславія. М. А. Протополова.—XIX. Иностранное обозрѣніе. В. А. Г.—XX. Внутреннее обозрѣніе.—XXI. Библиографическій отдѣлъ. Объявленія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

(тринадцатый годъ изданія).

Годъ 9 мѣс. 6 мѣс. 3 мѣс. 1 мѣс.

Цѣна: съ доставкою и пересллкою во

всѣ мѣста Россіи 12 р. 9 р. — 6 р. 3 р. 1 р.
За границу 14 „ 10 „ 50 к. 7 „ 3 „ 50 к. 1 „ 25 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля. Книгопродавцамъ дѣлается уступка 50 коп. съ годового экземпляра; кредита и разсрочекъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: контора журнала:—Леонтьевскій, 21.

Въ С.-Петербургѣ: книжный магазинъ Н. Фену и К^о, Невскій.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

„ЕЖЕГОДНИКЪ“

ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

(ОБЪИХЪ СТОЛИЦЪ)

СЕЗОНЪ 1890—91 ГОДОВЪ.

ОЗНАЧЕННОЕ ИЗДАНИЕ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

въ конторѣ типографіи Императорскихъ театровъ (С.-Петербургъ,
Моховая, № 40) и въ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна «ЕЖЕГОДНИКА» въ типографіи—3 р., а въ книжныхъ
магазинахъ—3 р. 50 к.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ,

изданная магазиномъ Ю. Гилькнеръ на Петровкѣ), НОВАЯ ОПЕРА МАСКАНЬИ

L'AMICO FRITZ (ДРУГЪ ФРИЦЪ).

ЦѢНА ТРИ РУБЛЯ.

Лица, выписывающія эту оперу чрезъ контору редакціи „Артистъ“, платятъ два
рубля, съ пересылкою—2 руб. 40 коп.

МОСКОВСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1892 Г.

(Изданія годъ 3-й).

Рисунки и иллюстраціи исполняются извѣстными художниками. Въ видѣ приложеній къ газетѣ всѣ
ГОДОВЫЕ подписчики получаютъ **бесплатно** три книги сборника, заключающія въ себѣ
по нѣсколько выдающихся произведеній извѣстныхъ авторовъ.

Условія подписки значатся въ заголовкѣ газеты.

БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ

МОСКОВСКОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ГАЗЕТЫ

за 1891 годъ.

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ:

Предисловіе къ поэмѣ Я. П. Полонскаго „Собаки“ съ изложеніемъ первыхъ XIII гл. ея *П. Е. Астафьева*. „Собаки“ — юмористическая поэма *Я. П. Полонскаго*. (продолженіе). „Изъ моихъ воспоминаній“ — *И. А. Григоровскаго*. „Отрывокъ изъ письма“ — стихотвореніе *А. Н. Майкова*. „Грѣхъ Потапа“ — Народный рассказъ *А. Александрова*. „Идеаль и страсть“ — *П. Е. Астафьева*.

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ:

„Собаки“ — юмористическая поэма *Я. П. Полонскаго*. (продолженіе). „Могила Азиса“ — рассказъ — *В. Шуфа*. „Изъ записокъ суфлера“ — *Вл. И. Немировича-Данченко*. „Нарушенный объѣтъ“ — сцена *М. Дорогой гость* — идиллія *И. Н. Ге*. „Лѣтнія зорьки“ — *Л. Пальмина*. „На первомъ курсѣ“ — рассказъ *Вячеслава Подкольскаго*. „Антрепренеръ прошлаго вѣка“ — *А. А. Осипова*.

СБОРНИКЪ ТРЕТІЙ: (съ портретомъ Я. П. Полонскаго).

„Собаки“ — юмористическая поэма *Я. П. Полонскаго* (окончаніе). „Герой“ — рассказъ *Ю. Клендо*. „Андрей Ломакинъ“ — очеркъ *Н. Ежова*. „Зимой“ — стихотвореніе *И. Ивина*. „Ошибка“ — рассказъ *А. Лазарева*. (А. Грузинскаго). „Лавдыши“ — комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ *А. Пазухина*. „Мишутинъ сонъ“ — *Е. В. Шайтанъ* — повѣсть *В. Шуфа*.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждому сборнику 1 руб. съ пересылкой. Гг. подписчики „М. И. Г.“ пользуются 40%. Кромѣ редакціи, можно получать во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Шашки.

Шутка въ I-мъ дѣйствіи.

Н. Криницкаго.

Къ представленію дозволено 17-го марта 1892 г., № 1533.

Одобрена Театрално-Литературнымъ Комитетомъ и поставлена въ первый разъ на сценѣ Малаго театра въ сезонъ 1891/2 года, въ бенефисъ режиссера драматической группы г. Черневскаго.

Разрѣшеніе постановки пьесы на сценѣ зависитъ отъ мѣстнаго агента Общ. Русск. Драм. Писат.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Прохоръ Демьяновичъ, старикъ лѣтъ 70, чиновникъ въ отставкѣ.

Мила (Людмила), его внучка 17 лѣтъ.

Жоржъ, очень молодой человекъ, давнишній знакомый Прохора Демьяновича.

Ардальонъ Теофилактовичъ Гвоздевъ, учитель древнихъ языковъ, лѣтъ 40.

Прокофьевна, старуха, бывшая нянька Милы.

Дѣйствіе происходитъ въ квартиру Прохора Демьяновича.

Небольшая зала. Прямо входная дверь, направо отъ зрителей — въ комнату Прохора Демьяновича, направо — въ столовую. Мебель старинная, ветхая; на окнахъ ситцевыя занавѣски. На правой отъ зрителей сторонѣ клеенчатый диванъ съ вышитой подушкой; по стѣнамъ вывѣшныя картины.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Мила и Жоржъ. (*Мила въ волненіи ходитъ по комнатѣ; входитъ Жоржъ съ кляткой, завернутой въ бумагу.*)

Мила (*кидаясь ему на шею*). Жоржъ, спаси меня: я погибла!

Жоржъ. Который разъ ты на этой недѣлѣ погибаешь?

Мила. Важъ смѣшно? Вы думаете, что я даже неспособна погибнуть?... Хорошаго-же вы мнѣ обо мнѣ!

Жоржъ. Да что ты, что ты! Ну, пусть будетъ по твоему: ну, погибла. Я ничего не имѣю противъ этого.

Мила. Какъ! Вы ничего не имѣете противъ того, чтобы я погибла? Благодарю васъ!

Жоржъ. Тыфу ты, это изъ рукъ вонъ, наконецъ!

Мила. Плюйтесь, плюйтесь! Все это припомнится вамъ въ свое время.

Жоржъ. Да послушай, Мила.... Ну, сядь, сядь, не упирайся... (*Усаживаетъ ее въ кресло.*) Вотъ такъ. Теперь скажи хладнокровно, что случилось?

Мила. Случилось то, что я выхожу замужъ.

Жоржъ. Что?!

Мила. То есть, я еще не выхожу, но получила предложеніе.

Жоржъ. Фу, все-таки немножко отлегло. Говори-же скорѣй, кто сдѣлалъ тебѣ предложеніе?

Мила. Кто? Конечно, кто: Гвоздевъ.

Жоржъ. Ахъ, онъ... Да что, ему жизнь немила, что-ли?

Мила. Не хотите-ли вы этимъ сказать, что я способна всякому испортить жизнь?

Жоржъ.. Мила, пощади! Вѣдь, это, Богъ знаетъ, что такое! Ну, сядь, сядь... Впрочемъ, ты и такъ сидишь... Какъ тебѣ не стыдно придавать моимъ словамъ такой смыслъ? Я хотѣлъ только сказать, что Гвоздеву придется имѣть дѣло со мной.

Мила. Надѣюсь, что ты не вызовешь его на дуэль?

Жоржъ. На дуэль, конечно, не вызову.

Мила. И не убьешь?

Жоржъ. И не убью.

Мила. И даже не прибьешь?

Жоржъ. Нѣтъ... А разругаться—разругаюсь.

Мила. Ахъ, Жоржъ! какъ ты еще глупъ: я давно это замѣчала.

Жоржъ. Благодарю васъ покорно. Теперь я вижу, что господинъ Гвоздевъ плѣнилъ васъ своимъ умомъ. Мнѣ остается только ретироваться. (*Беретъ шляпу.*)

Мила (*отнимая у него шляпу*). Прошу не дуться. Какой ты смѣшной! Неужели ты не понимаешь, что мы съ тобой друзья и потому должны быть откровенны? Утѣшься, я еще не получила предложенія.

Жоржъ. Такъ изъ за чего-же весь этотъ сыр-боръ?

Мила. Вы, кажется, недовольны тѣмъ, что я не получила предложенія? Успокойтесь: оно будетъ нынче же сдѣлано.

Жоржъ. Мила, брось, ради Бога, этотъ тонъ и скажи мнѣ: въ чемъ, наконецъ, дѣло.

Мила. Въ томъ, что Гвоздевъ вчера такіе намеки дѣлалъ, такіе намеки... Ты не можешь представить себѣ, какіе намеки! А при прощаньи сказалъ дѣдушкѣ, что онъ нынче придетъ переговорить съ нимъ серьезно.

Жоржъ. Что же Прохоръ Демьяновичъ?

Мила. Дѣдушка послѣ его ухода спросилъ трубку и началъ сопѣть ей.

Жоржъ. Плохо!

Мила. Да, съ тѣхъ поръ, какъ онъ бросилъ курить и началъ нюхать, онъ спрашиваетъ трубку только въ затруднительныхъ случаяхъ, и то не курить, а только свистить. Этотъ дѣдушка такой смѣшной!

Жоржъ. Насвистить онъ намъ чего-нибудь.

Мила. Жоржъ, надо какъ можно скорѣй открыться дѣдушкѣ. Скажи ему, что мы давно другъ друга знаемъ, давно другъ друга любимъ, что мы хотимъ другъ на другѣ жениться...

Жоржъ. Да, а онъ мнѣ на это скажетъ, что я слишкомъ молодъ, что я слишкомъ легкомысленъ, что я не гожусь въ мужья...

Мила. А ты скажи ему на это, что ты исправишься, что ты будешь солиденъ.

Жоржъ. А онъ мнѣ на это...

Мила. Довольно, довольно! Не хочу больше слушать. Ты самъ виноватъ въ томъ, что слишкомъ молодъ.

Жоржъ. Вотъ это мнѣ нравится!

Мила. То есть, я хотѣла сказать, что ты самъ ведешь себя слишкомъ легкомысленно.

Жоржъ. Позвольте васъ спросить, господинъ Гвоздевъ въ юбкѣ: сами-то вы далеко-ли отъ меня ушли?

Мила (*наставительно*). Молодой человѣкъ, позволяющій себѣ залѣзть подъ диванъ и кричать пѣтухомъ...

Жоржъ. Молодая дѣвица, позволяющая себѣ набивать чучель, класть ихъ на постель дѣдушкѣ и пугать почтеннаго старика...

Мила. Я вамъ напомню, какъ вы прислали дѣдушкѣ записку, что будто какая-то дама влюблена въ него и ждетъ его въ маскарадѣ. Дѣдушка тогда такъ перепугался, что хотѣлъ въ полицію идти... Кто это сдѣлалъ, а?

Жоржъ. А кто обсыпалъ кота нюхательнымъ табакомъ?

Мила. Довольно! Все это доказываетъ только, что намъ обоимъ нужно остепениться, а вамъ въ особенности. Те!... (*Входитъ Прохоръ Демьяновичъ въ халатъ и туфляхъ*.)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Мила, Жоржъ и Прохоръ Демьяновичъ.

Мила (*бросаясь на шею Прохору Демьяновичу*). Дѣдушка, дѣдушка, здравствуйте! Хорошо-ли вы спали?

Жоржъ (*пожимая руку Прохору Демьяновичу*). Хорошо-ли почивали, Прохоръ Демьяновичъ?

Пр. Дем. Да чего вы набросились, — съ ногъ валите? Точно цѣлый годъ не видали. (*Садится на диванъ*.) Скверно спалъ. Все Ардальонъ Теофилактовичъ грезился: будто лѣзетъ на меня съ кулаками... Приснится-же этакая матерія!.. Нѣтъ мнѣ отъ васъ никакого покоя.

Мила. Да мы-то причемъ тутъ, дѣдушка?

Пр. Дем. А причомъ, что покою мнѣ не даете. Вонъ Гвоздевъ вчера сказалъ, что онъ мечтаетъ о семейной жизни. Ну, и пусть бы его мечталъ: аяъ нѣтъ, я долженъ изъ-за него беспокоиться. Онъ вонъ на меня съ кулаками лѣзетъ.

Жоржъ. Да вѣдь это во снѣ, Прохоръ Демьяновичъ.

Пр. Дем. Знаю, что во снѣ, а все-таки неприятно. Да и неприлично съ его стороны. Ты чего все вертишься, на мѣстѣ не посидишь?

Мила. Я ничего, дѣдушка.

Пр. Дем. То-то. О-о-о-хо-хо! Хорошо бы теперь съѣсть печенаго яблока.

Мила. Ахъ, дѣдушка, я и забыла вамъ испечь! Я нынче такъ разстроена!

Пр. Дем. Вотъ видишь, Жоржъ: она разстроена, а я за это долженъ безъ яблока сидѣть. Нѣтъ, видно, помирать нужно.

Мила. Что вы, дѣдушка, говорите! Покушайте лучше конфетъ: это вамъ вмѣсто яблокъ. (*Подаетъ коробку конфетъ*.)

Пр. Дем. (*истъ*). Откуда?

Мила. Это мнѣ Жоржъ принесъ.

Пр. Дем. Гм... Мнѣ-то не принесетъ, а все тебѣ да тебѣ.

Жоржъ. Какъ? А третьяго дня я вамъ персиковъ принесъ. (*Мила беретъ конфетку*.)

Пр. Дем. Самую лучшую и выхватила! (*Жоржъ беретъ конфетку*.) Оставь, оставь эту: эту я намѣтилъ... Вотъ, право, лѣзутъ, точно маленькіе.

Мила. Дѣдушка, мы должны передъ вами открыться.

Пр. Дем. Въ чемъ?

Мила. Жоржъ, говори. (*Подкладываетъ Прохору Демьяновичу подушку подъ бокъ*.)

Жоржъ. Прохоръ Демьяновичъ...

Мила. Да ты проглоти сначала.

Жоржъ. Прохоръ Демьяновичъ, вы человѣкъ старый, а я молодой.

Пр. Дем. Какъ глупо!

Жоржъ. Ну, въ такомъ случаѣ я не буду говорить.

Мила. Фу, Жоржъ!

Пр. Дем. Говори, только поскладнѣе.

Жоржъ. Я хотѣлъ сказать, что вы, Прохоръ Демьяновичъ, знаете меня съ дѣтства, вы всегда обо мнѣ заботились...

Пр. Дем. Помню: сѣкалъ. (*Мила поправляетъ подушку*.) Да будетъ вамъ теревить меня!

Мила. Такъ вамъ будетъ покойнѣе, дѣдушка... Говори, Жоржъ.

Жоржъ. Мы съ Милой, можно сказать, вмѣстѣ выросли.

Мила. Мы съ нимъ привыкли другъ къ другу, дѣдушка... Мы привязаны... мы любимъ другъ друга...

Жоржъ. Мы влюблены, Прохоръ Демьяновичъ!

Мила. И онъ хочетъ на мнѣ жениться... Дѣдушка, милый, скажите, что вы согласны! Я

ни за кого больше не пойду. За Гвоздева ни за что не пойду: онъ противный и скучный! Онъ все нотація читаетъ... Онъ меня будетъ всю жизнь учить, а я не хочу! Дѣдушка, я хочу выйти за Жоржа, хочу, хочу, хочу! (*Плачетъ.*)

Пр. Дем. Вотъ видишь, Жоржъ, какъ она меня разстраиваетъ: то яблока не испекла, а теперь вотъ замужъ. Ну, будетъ же плакать-то: вѣдь, это несносно.

Мила (*сквозь слезы*). Дѣдушка, мы любимъ другъ друга.

Пр. Дем. Да что вы меня за дурака, что-ли, считаете: открываться вздумали! Точно я и безъ этого не зналъ.

Жоржъ. Вы знали?!

Мила. Дѣдушка!

Пр. Дем. Ну, да, все зналъ и все видѣлъ, — всѣ ваши глупости.

Мила. Дѣдушка, мы, право, ничего.

Пр. Дем. Молчи. Я давно рѣшилъ выдать тебя замужъ.

Мила. Ахъ, милый дѣдушка, какъ это вы хорошо рѣшили!

Пр. Дем. Ну, да, конечно. Я ужъ начинаю приближаться къ старости, а ты еще совсѣмъ ребенокъ...

Мила (*бросаясь обнимать Прохора Демьяновича*). Дѣдушка, я не хочу, чтобы вы умирали!

Пр. Дем. Тьфу, тьфу! Пошла ты прочь! Я вовсе не желаю умирать. Съ чего это тебѣ въ голову взбрело? Я говорю, что ты еще ребенокъ: ты не можешь обо мнѣ позаботиться, какъ слѣдуетъ. Вотъ яблока сегодня не испекла. Мнѣ нуженъ человекъ, который бы обо мнѣ заботился. Для семейной жизни самое главное — любовь.

Мила. Конечно!

Жоржъ. Еще бы!

Пр. Дем. (*Жоржу*). Вотъ и является вопросъ: любишь-ли ты меня?

Жоржъ. Васъ?

Пр. Дем. Ну, да... Будешь-ли ты ухаживать за мной?

Жоржъ. За вами?

Пр. Дем. Ну, да! Тебѣ русскимъ языкомъ говорить!

Мила. Нѣтъ, дѣдушка, я несогласна: онъ прежде всего долженъ любить меня.

Пр. Дем. Нѣтъ, меня!

Мила. Нѣтъ, не хочу! Я — жена.

Пр. Дем. А кто ему эту жену далъ?

Жоржъ. Да я васъ обоихъ буду любить.

Пр. Дем. Ну, да... Ее любить, а меня и любить и почитать.

Жоржъ. Такъ вы согласны, Прохоръ Демьяновичъ, выдать за меня Милу?

Пр. Дем. Ты слишкомъ еще молодъ, чтобы служить для меня поддержкой.

Мила. Дѣдушка, скажите, что вы согласны!

Пр. Дем. (*Жоржу*). А сдѣлалъ для меня клѣтку?

Жоржъ (*развертывая клѣтку*). Сдѣлалъ, только не для васъ, а для вашего чижика.

Пр. Дем. (*Милѣ*). Вотъ видишь, каково его почтеніе; еще ничего не видя, ужъ па смѣхъ подымаетъ.

Мила. Жоржъ, я тебя за уши.

Пр. Дем. (*смотритъ на клѣтку*). Гм... эта будетъ попросторнѣе. Ну, спасибо: въ кто-то вѣки хоть клѣтку подарилъ.

Жоржъ. Прохоръ Демьяновичъ, такъ вы согласны?

Мила. Согласенъ, согласенъ: я по лицу вижу! Жоржъ, ты теперь мой женихъ. Дѣдушка, можно намъ поцѣловаться?

Пр. Дем. Къ чему эти шалости?

Жоржъ. Для торжественности, Прохоръ Демьяновичъ.

Пр. Дем. Да ну, васъ. Поцѣлуйтесь — слегка... (*Жоржъ и Мила цѣлуются, потомъ цѣлуютъ Прохора Демьяновича.*)

Мила (*хлопая въ ладоши*). Дѣдушка, какъ мы весело заживемъ. Вы себѣ представить не можете. Если бы вы видѣли, какія Жоржъ коробочки клентъ, какія вещи выпиливаетъ... Дѣдушка, опъ все, все умѣетъ дѣлать. Онъ даже электрическіе звонки можетъ провести. Жоржъ, ты проведешь намъ электрическіе звонки?

Жоржъ. Можно.

Мила. Онъ самовары никкелируетъ, дѣдушка. Онъ часы умѣетъ чинить. Опъ вашу луковцу починитъ, дѣдушка.

Пр. Дем. Да, она требуетъ починки.

Мила. Онъ цѣлый паровичекъ сдѣлалъ, дѣдушка: вотъ онъ вамъ принесетъ, покажетъ. Онъ все умѣетъ дѣлать, все, все. Онъ такой хорошій! (*Цѣлуетъ Жоржа.*)

Пр. Дем. Это что-же вы... опять?

Мила. Это я нечаянно, дѣдушка: такъ по привычкѣ.

Пр. Дем. Что-о? По привычкѣ? Дурная привычка!

Мила. Теперь ужъ, дѣдушка, не стоитъ отвыкать. Вѣдь, правда? Опъ будетъ намъ на гитарѣ, па фисгармоніи играть.

Пр. Дем. Послушаемъ.

Мила. Онъ будетъ съ вами въ папки играть, дѣдушка.

Пр. Дем. (*оживившись*). Развѣ играешь?

Жоржъ. Немножко.

Пр. Дем. А-а! Какъ-же я этого не зналъ? Дай-ка намъ шашки, Мила. Это мы сразимся.

Мила (*разставляя шашки*). Предупреждаю тебя, Жоржъ, что дѣдушка игрокъ знаменитый: его еще никто въ мѣрѣ не обыгрывалъ. А ужъ какой охотникъ играть! Бывало, зимой, пойдемъ съ нимъ въ городъ. Опъ увидитъ, что купцы въ шашки играютъ, остановится и смотритъ цѣлый часъ: совсѣмъ меня заморозитъ!

Пр. Дем. (*беретъ въ обѣ руки по шашкѣ*). Красныя начинаютъ. Твоя. (*Милѣ*). А ты чѣмъ болтать, вели лучше самоваръ ставить.

Мила. Сейчасъ, дѣдушка. (*Уходя.*) Ну, Жоржъ, держи ухо востро!

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Прохоръ Демьяновичъ и Жоржъ.

Пр. Дем. Одну или двѣ впередъ?

Жоржъ. Ни одной.

Пр. Дем. Ого! да ты изъ храбрыхъ! Ходи! игроку почетъ.

Жоржъ (*ходитъ*). Я вотъ такъ. Въ уголокъ.

Пр. Дем. Углы любишь? (*Ходитъ, играетъ*). Эхъ, обыграешь ты меня, старика. Ты такъ? Смѣло, смѣло, молодой человѣкъ: смотри не зарвись. (*Ходитъ*.) Ну-ка? Что, братъ, схватило кота поперекъ живота? Хе, хе, хе! (*Жоржъ ходитъ*.) Въ дамки наровишь! Врешь, любезный, кишка тонка! (*Ходитъ*.) Проси пардону.

Жоржъ. Вамъ не ходить, а братъ.

Пр. Дем. Гдѣ?.. Да, въ самомъ дѣлѣ. Вотъ добрая душа: даромъ шашку отдаетъ.

Жоржъ. Изъ почтенія къ вамъ еще одной жертвую.

Пр. Дем. (*беретъ*). Да что ты, или въ подавки играешь?... Э, братъ, да ты, я вижу, совсѣмъ швахъ. (*Испуганно.*) Что такое? Что это значить?

Жоржъ. А это, видите, я три—да въ дамки. (*Входитъ Мила.*)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ-же и Мила.

Пр. Дем. Какъ-же это такъ? Гм... чортъ возьми! И ходить некуда... Гм... Мила, дай трубку.

Мила. Трубку?

Пр. Дем. Ну, да, трубку! Оглохла ты, что-ли?

Жоржъ. Что, Прохоръ Демьяновичъ, положеніе-то ваше незавидное? Это что называется: «на эфесѣ, ножки свѣся».

Пр. Дем. Не мели вздору: терпѣть не могу. (*Беретъ у Милы трубку, закуриваетъ, но она у него скоро потухаетъ.*)

Жоржъ. Просите пардону, Прохоръ Демьяновичъ!

Пр. Дем. Это свинство—говорить подъ руку. (*Свиститъ и сопитъ трубкой.*)

Мила. Ай, что это значить; у Жоржа дамка? Да вы, должно быть, въ подавки играете, дѣдушка?

Пр. Дем. Замолчишь ты или нѣтъ? Торчитъ тутъ подъ носомъ: «дѣдушка, дѣдушка»!—только сбиваетъ.

Жоржъ. Вашъ ходъ.

Пр. Дем. Знаю, не учи. Молодъ еще учить. (*Играетъ.*) Дамку поддаешь?

Жоржъ. Пожалуйста!.. Еще одну, если не брезгуете. А теперь я—разъ... два... три и кончено: больше вамъ ходить некуда.

Мила. Дѣдушка проигралъ—вотъ чудо!

Пр. Дем. Ну, чего кричишь? Домъ, что-ли загорѣлся? Крышу, что-ли, свесло? Это изъ-за тебя я проигралъ! Это вы оба сговорились сбивать меня.

Жоржъ. Что тамъ толковать! Вы лучше посмотрите, Прохоръ Демьяновичъ, какъ я васъ заперъ-то! Ха, ха, ха!

Мила. Дѣдушка, неужели васъ заперли?

Пр. Дем. (*ему*). Ты шулеръ и больше ничего! (*Хочетъ смѣшать шашки.*)

Жоржъ (*выхватывая доску*). Нѣтъ, погодите, Прохоръ Демьяновичъ, дайте полюбоваться! Смотрите, какъ крѣпко заперъ; на замокъ!

Пр. Дем. Довольно, говорятъ тебѣ: надо-ѣлъ! Это игра мошенническая.

Жоржъ. Ну, ужъ нечего вывертываться! Хо-хо-хо! (*Указываетъ на шашечницу и хохочетъ.*)

Пр. Дем. Ты замолчишь? Что я тебѣ шутъ гороховый достался, что-ли?

Мила (*зажимая ротъ Жоржу*). Глупо, глупо, Жоржъ, перестань!

Жоржъ. Ой, не могу! Вотъ вамъ и игрокъ знаменитый!

Пр. Дем. Мальчишка! Не уиѣшь вести себя. Я 35 лѣтъ служилъ отечеству, а ты, забывъ мой чинъ и званіе, смѣешь такъ унижать меня! Не позволю, не позволю! Я на своемъ вѣку съ князьями, съ графами игралъ...

Жоржъ. Ну, ужъ, навѣрно, ни одинъ графъ не запиралъ васъ такъ крѣпко, какъ я? Со-знайтесь, Прохоръ Демьяновичъ!

Пр. Дем. Вонъ! И чтобы больше нога моя... чтобы твоя нога... Мила, гони его вонъ! (*Въ бѣшенствѣ уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Жоржъ и Мила.

Мила. Какая глупость, какое мальчишество! Зачѣмъ ты обыгралъ дѣдушку? У-у-у!

Жоржъ. А зачѣмъ онъ хвастается?

Мила. Господи! Что это за ничтожный чело-вѣкъ! Тутъ дѣло идетъ о нашемъ счастьи, а онъ не можетъ въ шашкахъ уступить! Ну, скажи на милость: зачѣмъ ты полѣзъ изъ угла? Сидѣлъ-бы тамъ да сидѣлъ.

Жоржъ. Да, а онъ въ это время пробрался-бы въ дамки!

Мила. Что, что? Такъ вотъ ваша любовь! Съ этой минуты я васъ не знаю.

Жоржъ. Какъ вамъ угодно. Я не хочу чтобы мной помыкали!

Мила. Возвратите мнѣ мою карточку и письма.

Жоржъ. Хорошо-съ. Съ своей стороны, прошу возвратить мнѣ рабочую корзинку, которую я подарилъ вамъ на память, а также всѣ коробочки, на которыхъ есть моя надпись. Вотъ этотъ кружокъ подъ лампой я тоже беру... и пресъ-папье... и рамку (*влезаетъ на стулъ, снимаетъ со стѣны картинку и вынимаетъ ее изъ рамки*) и скамейку... (*Достаетъ изъ-подъ дивана скамейку.*) Остальное прошу прислать.

Мила. Не беспокойтесь. Я очепь рада, что вы уносите отсюда всю эту дрянь.

Жоржъ. Дрянъ? Ну, въ другой разъ я буду умнѣе и не стану для васъ по цѣлымъ днямъ клеить, пилить и вырѣзывать. Прощайте!

Мила. Прощайте! Помните, что съ нынѣшняго дня между нами легла пропасть.

(Слышенъ звонокъ.)

Жоржъ. Хорошо-съ. Я уѣду на заводъ, гдѣ мнѣ предлагаютъ мѣсто.

Мила. А я выйду замужъ за Гвоздева.

Жоржъ. Желаю вамъ всякаго благополучія. *(Захватываетъ вмѣстѣ съ остальными вещами клѣтку и идетъ; въ дверяхъ встрѣчается съ Гвоздевымъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Жоржъ, Мила и Гвоздевъ.

Гвозд. Что это, вы клѣтку песете?

Жоржъ *(многозначительно).* Да, я несу клѣтку.

Гвозд. Насколько я могу судить, она пустая?

Жоржъ *(тѣмъ-же тономъ).* Да-съ, она совершенно пустая.

Гвозд. *(помолчавъ).* До свиданія!

Жоржъ *(прежнимъ тономъ).* До свиданья-съ! *(Уходитъ.)*

Гвозд. Странная личность! *(Милѣ).* Здравствуйте!

Мила. Здравствуйте, Ардалионъ Теофилактовичъ.

Гвозд. *(сидясь и указывая Милѣ на кресло).* Присядьте. *(Мила садится.)* Вы, кажется, чѣмъ-то разстроены? Нервы, должно быть?

Мила. Да.

Гвозд. Древніе не знали нервныхъ разстройствъ. Но обратимся къ дѣлу. Прочитали Энеиду?

Мила. Прочитала. Вотъ она. *(Подаетъ ему книгу.)*

Гвозд. *(перелистывая книгу).* Я-бы васъ просилъ не загибать краешковъ... а также не оставлять въ книгѣ шпилекъ. *(Вынимаетъ изъ книги шпильки и отдаетъ Милѣ.)* Согласитесь, что если я приду въ классъ и у меня изъ книги посыпятся шпильки, то это можетъ возбудить смѣхъ...

Мила. Ахъ, извините!

Гвозд. Ну-съ, какое-же впечатлѣніе произвела на васъ Энеида?

Мила. Эней мнѣ совсѣмъ не нравится: такой противный!

Гвозд. Противный?

Мила. Конечно... Бросилъ Дидону, которая была влюблена въ него по уши.

Гвозд. Онъ долженъ былъ это сдѣлать—у него были великія предначертанія.

Мила. А по моему, все это глупости. Просто, онъ это изъ упрямства сдѣлалъ... Мальчишество одно. *(Встаетъ и въ волненіи ходитъ.)*

Гвозд. Однако, позвольте...

Мила. Не спорьте, не спорьте: я это лучше знаю. Это такой несносный человѣкъ, такой...

Гвозд. Я положительно недоумѣваю.

Мила. По моему, смѣшно изъ пустяковъ заводить цѣлую исторію. Да, главное, самъ виноватъ, только сознаться не хочетъ. Вотъ за это-то я его и ненавижу. Пройти въ какія-то глупыя дамки, запереть старика и этимъ разрушить семейное счастье,—это вы называете великими предначертаніями!

Гвозд. Вы не въ себѣ.

Мила *(опомнившись).* Да, у меня нынче голова не въ порядкѣ. *(Пьетъ воду.)*

Гвозд. Оставимъ на этотъ разъ ученую бесѣду, тѣмъ болѣе, что мнѣ надо скоро уходить. Какъ вамъ извѣстно, мы составляемъ словарь, и я долженъ сегодня занести своему коллегѣ матеріаль; поэтому я могу пробыть у васъ очень недолго.

Мила *(неволью).* Ну, слава Богу!

Гвозд. Какъ?

Мила *(въ смущеніи).* Нѣтъ, я хотѣла сказать, что хорошо, что этотъ словарь у васъ составляется: вы все мечтали объ этомъ.

Гвозд. Да, это будетъ нѣчто грандіозное... Можно видѣть Прохора Демьяновича?

Мила. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... нельзя...

Гвозд. Но что за причина?

Мила. Онъ... онъ еще отдыхаетъ послѣ обѣда.

Гвозд. Мнѣ нужно поговорить серьезно и съ нимъ, и съ вами.

Мила. Со мной?

Гвозд. Да. Скажите мнѣ, Людмила Сергѣевна: случилось-ли вамъ думать о семейной жизни?

Мила. Нѣтъ. Я слишкомъ молода еще.

Гвозд. Что-жь изъ этого? Сошлюсь на древнихъ: у нихъ очень рано выходили замужъ.

Мила. Да, вѣдь, я не древняя.

Гвозд. Разузнется, вы, къ сожалѣнію, не древняя, но...

Мила. А вотъ вамъ моя няня, Прокофьевна: она древняя, а все-таки замужъ вышла поздно.

Гвозд. Подобное сужденіе надо назвать наивнымъ. Но во всякомъ случаѣ позвольте мнѣ высказать вамъ мой собственный взглядъ на семейную жизнь. Я, Людмила Сергѣевна, долго искалъ себѣ подругу жизни, но... не нашелъ: подходящей нѣтъ. Я убѣдился, что ее нужно создать.

Мила. Какъ создать?

Гвозд. Нужно воспитать для себя жену. Скажу вамъ откровенно: давая вамъ читать книги, бесѣдуя съ вами о прочитанномъ, расширяя вашъ умственный горизонтъ, я хотѣлъ приготовить изъ васъ для себя жену.

Мила. Какъ это странно, что вы говорите.

Гвозд. Напротивъ. По моему глубокому убѣжденію, мужчина, прежде чѣмъ жениться, долженъ пройти съ избранной дѣвушкой извѣстный курсъ, чтобы, съ одной стороны, узнать годится-ли она ему въ жены, а съ другой,—вос-

полнить то, чего въ ней не хватаетъ, чтобы быть настоящей женщиной.

Мила. Дайте мнѣ, пожалуйста, воды.

Гвозд. (*подавая стаканъ съ водой*). Если для того, чтобы быть учительницей или акушеркой, нуженъ дипломъ, то для того, чтобы быть женой, онъ еще нужнѣе. По моему убѣжденію, каждая дѣвушка, желающая выйти замужъ, должна бы представлять извѣстнаго рода аттестатъ зрѣлости: тогда несчастныхъ браковъ было бы гораздо менѣе. Курсъ же, о которомъ я упомянулъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Чтобы не ходить далеко, возьму въ примѣръ васъ. Разъ вы намѣчены мною въ качествѣ будущей подруги жизни, вы еще заранѣе подпадаете, такъ сказать, подъ мою цензуру. Прежде, чѣмъ идти въ театръ, прочитать книгу или завести какое-либо знакомство, вы должны спрашивать моего мнѣнія, предоставляя мнѣ право налагать свое *вето*. Все это для того, чтобы выработать въ васъ самостоятельные взгляды, которые, впрочемъ, отнюдь не должны идти въ разрѣзъ съ моими. Самостоятельность и вѣстѣ съ тѣмъ покорность — вотъ, чего я требую отъ жены. Словомъ, вы должны заранѣе ассимилироваться со мной и, кромѣ того... (*Увидя, что Мила третъ виски одеколономъ*). Что это, у васъ голова болитъ?

Мила. Да, ужасно, какъ разболѣлась.

Гвозд. (*встаетъ*). Жаль... Впрочемъ, мнѣ все равно пора уходить. (*Беретъ шляпу*.) Васъ, можетъ быть, удивляетъ, что я говорю такъ спокойно о вопросахъ, касающихся интимной области. Но дѣло въ томъ, что бракъ для меня есть дѣло разума, а не чувства.... Всякая страсть есть болѣзнь: это сказалъ еще Сенека. Ничто такъ не нарушаетъ правильнаго теченія жизни, какъ страсть. До свиданья пока. Япринесъ вамъ «Киропедію»; проштудируйте ее повнимательнѣе: въ ней говорится о воспитави Кира. Вѣроятно, я скоро опять найду. Надѣюсь, что къ тому времени Прохоръ Демьяновичъ проснется. До свиданія! (*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Мила одна; потомъ Жоржъ.

Мила. Фу! Задушилъ! Противная лягушка! (*Дышетъ въ форточку*.) Еще немного, — и со мной сдѣлалось бы дурно... (*Ходитъ по комнатѣ, обмахиваясь платкомъ*.) Нѣтъ, надо съ этимъ покончить: это невыносимо. Сейчас напишу записку этому негодному Жоржкѣ, изругаю и прикажу немедленно явиться. (*Входитъ Жоржъ*.) Вы зачѣмъ сюда, м. г.? Вѣдь, я вамъ запретила на глаза показываться.

Жоржъ (*цѣлуя у нея руки*). Мила, прости! Подъѣзжая къ своей квартирѣ, я вдругъ понялъ, что я глупъ, какъ пробка, и что я кругомъ виноватъ передъ тобой и передъ Прохоромъ Демьяновичемъ.

Мила (*со слезами въ юность*). А пока ты

ѣздилъ, пришелъ Гвоздевъ и чуть-чуть на мнѣ не женился.

Жоржъ. Вотъ животное!

Мила. Онъ просто измучилъ меня: все доказывалъ, что я должна съ нимъ ассимилироваться.

Жоржъ. Ахъ, животное, животное! (*Входитъ Прохоръ Демьяновичъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Мила, Жоржъ и Прохоръ Демьяновичъ.

Пр. Дем. Это что значить? Ты все еще тутъ торчишь? Не дожидаясь-ли ты, чтобы я съ тобой сыгралъ вторую партію?

Жоржъ. Нѣтъ, Прохоръ Демьяновичъ, я недостойнъ играть съ вами: я сфальшивилъ.

Пр. Дем. Это называется подлостью.

Жоржъ. Я еще съ третьяго хода замѣтилъ, что мое дѣло плохо: взялъ да и переставилъ одну шашку.

Пр. Дем. Что же, ты намѣренъ еще одну партію сыграть и опять переставить шашку?

Жоржъ. Нѣтъ, Прохоръ Демьяновичъ, мнѣ и въ глаза-то вамъ стыдно смотрѣть.

Пр. Дем. (*Милл*). Разставляй шашки!

Жоржъ. Гдѣ же мнѣ съ вами, Прохоръ Демьяновичъ, если по чести-то...

Пр. Дем. Разставляй, тебѣ говорятъ!

Мила (*разставляя шашки*). Посмотрю-ка я, какъ ты сыграешь съ дѣдушкой безъ фальши?

Жоржъ. Двѣ впередъ — иначе не могу.

Пр. Дем. Ага! Теперь не такъ заговорилъ! Будетъ съ тебя одной.

Жоржъ. Двѣ, — иначе не могу.

Пр. Дем. Ну, бери, подавись. Твой ходъ.

Жоржъ. Пошелъ.

Пр. Дем. Пошелъ.

Жоржъ. Пошелъ.

Пр. Дем. Пошелъ. (*Нѣкоторое время играютъ молча. Мила подталкиваетъ Жоржса*.)

Жоржъ. Ахъ, я не такъ...

Пр. Дем. Э, нѣтъ, братъ, врешь: чуръ, какъ закъ назадъ не пятить!

Жоржъ. Гм... скверно...

Пр. Дем. Да, нехорошо. Ходи, ходи! (*Жоржъ ходитъ*.) Разъ... два.. три! (*Беретъ шашки и хохочетъ*.)

Мила (*хлопая въ ладоши*). Ай, да дѣдушка!

Жоржъ. Чортъ возьми, проигралъ!

Пр. Дем. Ага! (*Играютъ Прохоръ Демьяновичъ сдерживаетъ смѣхъ, наконецъ, фыркаетъ*.)

Жоржъ. Что такое?

Пр. Дем. (*надрываясь со смѣху*). Чу... чуланчикъ.

Жоржъ. Выйду.

Пр. Дем. Не выйдешь.

Жоржъ. Вырвусь.

Пр. Дем. Не вырвешься!

Жоржъ. Чортъ возьми, и въ самомъ дѣлѣ. (*Прохоръ Демьяновичъ и Мила хохочутъ*.)

Пр. Дем. Ха, ха, ха! А вотъ и другой.

Жоржъ. Гдѣ?

Пр. Дем. Не видишь? Мила, онъ не видитъ.

Жоржъ (*вставая, съ притворной досадой*). Я говорилъ, что съ вами нельзя играть.

Пр. Дем. Ха, ха, ха! Нѣтъ, ты посмотри, что тутъ творится! Цѣлыхъ два.

Жоржъ (*смѣшивая шапки*). Довольно... Ну, выиграли — и довольно.

Пр. Дем. Онъ надулся. Мила, онъ надулся. Вотъ смѣхъ-то!

Мила. Ну, будетъ, Жоржъ... Ну, я тебя поцѣлую... Можно, дѣдушка?

Пр. Дем. Да поцѣлуй ужь его, — что онъ киснетъ. (*Строго.*) Слегка.

Мила. Я слегка... Дѣдушка, вы больше на него пе сердитесь?

Пр. Дем. Да ну васъ совсѣмъ: уморили вы меня со смѣху! (*Звонокъ.*)

Мила. Ай, это Гвоздевъ! Дѣдушка, онъ къ вамъ.

Пр. Дем. Ну, да, какже! Очень онъ мнѣ нуженъ! Онъ уже вчера изъ меня душу вымоталъ. Я лучше уйду. (*Уходитъ въ свою комнату.*)

Мила. Я тоже уйду. Жоржъ, ты объяснись съ нимъ.

Жоржъ. Помилуй, мнѣ неловко: ты замѣтила, какъ я его обрѣзала насчетъ клѣтки-то? Нѣтъ, я тоже спрячусь!

(*Мила идетъ въ столовую, за ней Жоржъ, котораго она старается не пустить въ дверь. Входитъ Гвоздевъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Гвоздевъ одинъ; потомъ Прокофьевна.

Гвозд. (*увидя борьбу въ дверяхъ*). Что это за представленіе? (*Подходитъ къ двери столовой, но она съ шумомъ захлопывается.*) Кто-то подслушивалъ и скрылся. Совершенная дѣти! (*Подходитъ къ двери, ведущей въ комнату Прохора Демьяновича; дверь немного приотворяется, но тотчасъ же захлопывается.*) И здѣсь подглядывали... Господа, послушайте: вѣдь, мы не въ прятки играемъ. Людмила Сергѣевна! Прохоръ Демьяновичъ! (*Входитъ Прокофьевна съ книгой.*)

Прок. Вотъ, батюшка Ердальювъ Филатычъ, барышня вамъ книжку прислали.

Гвозд. Гм... Киропедія. А что же Людмила Сергѣевна?

Прок. У нихъ головка болитъ... Вотъ онѣ вамъ тутъ написали.

Гвозд. Что за манера писать на книгѣ! (*Читаетъ.*) «Извините, что пишу на книгѣ: бумаги со мной нѣтъ. Не тратьте понапрасну время, которое для васъ очень дорого. Я выхожу замужъ за Жоржа, который беретъ меня

безъ всякаго аттестата. Мы съ нимъ давно ассимилировались. Людмила». (*Вырываетъ изъ книги листокъ и рветъ его на части.*) Въ третій разъ возвращаютъ мнѣ эту проклятую Киропедію подобнымъ образомъ! Послушай, ты, посланница, — ты кто такая: кормилица, нянька, эконожка?

Прок. Точно такъ, нянька.

Гвозд. Такъ вотъ слушай, что я тебѣ буду говорить. Во 1-хъ, передай отъ меня твоей барышня, что она существо легкомысленное и испорченное, что оба они съ Прохоромъ Демьяновичемъ — не что иное, какъ неразумные ребята, и что ее виѣстѣ съ Жоржемъ слѣдуетъ поставить въ уголь.

Прок. Коли виѣстѣ съ Жоржемъ, такъ она съ полнымъ удовольствіемъ.

Гвозд. Ну, комментарий мнѣ твоихъ не надо. Передай ей, кромѣ того, что непохвально относиться такъ къ людямъ, которые заботились объ ея образованіи. Понимаешь?

Прок. Понимаю, батюшка Ердальювъ Филатычъ, это я понимаю.

Гвозд. А въ 3-хъ, передай ей, что не слѣдуетъ писать на чужихъ книгахъ, да еще подобныя глупости. (*Беретъ шляпу.*)

Прок. Уходите?

Гвозд. Разумѣется.

Прок. Такъ пойтить сказать имъ.

Гвозд. Что?

Прок. Что, молъ, ушелъ. Приказали доложить, когда уйдете, потому чай готовъ, а Прохоръ Демьяновичъ боятся выйти.

Гвозд. О, sancta simplicitas!

Прок. Это что-жь такое?

Гвозд. А это значитъ по русски: старая дура! (*Уходитъ. Прохоръ Демьяновичъ выглядываетъ изъ-за двери, потомъ входитъ съ газетой въ рукахъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Прокофьевна и Прохоръ Демьяновичъ, потомъ Мила и Жоржъ.

Пр. Дем. Ушелъ?

Прок. Ушелъ. Обругалъ по-латынски и ушелъ.

(*Изъ столовой выбѣгаютъ Мила и Жоржъ.*)

Мила. Ушелъ, ушелъ, ушелъ! Ахъ, дѣдушка, какъ я рада! Давайте танцовать. (*Кружитъ Прохора Демьяновича.*)

Жоржъ. Ура, ушелъ! (*Кружитъ Прокофьевну.*)

Пр. Дем. Оставь ты, сумасшедшая!

Прок. Ой, батюшки, упаду!

Мила и Жоржъ. Ушелъ, ушелъ, ушелъ!

Мила. И больше не вернется!

Общее число ролей. Роль дѣтскихъ и выходныхъ.	Число дѣйствій. Названіе пьесъ и декораций.	Число ролей.			
		Старыхъ.		Молодыхъ.	
		Мужскихъ.	Женскихъ.	Мужскихъ.	Женскихъ.
11 м., 5 ж. 2 м. 14 л.	Первое декабря, или Я нменин- никъ , оригинал. карт.-вод. Оника (Оль- ховскаго).—Комната.	2 ком. 4.	2 ком.	3 пр., 2.	2 ком., 1.
5 м., 1 ж.	Первый день брака , вод. перед. съ фр. М. Маркевича.—Комната. <i>Примѣчаніе.</i> Этотъ же водевиль, въ перед. г. Крестовскаго, назыв. „Мужъ пляшетъ, любовникъ чулокъ вяжетъ“.	1 рез. ком., 1 ком.	—	1 люб., 1 пр. англич., 1.	1 ing. ком.
7 м., 4 ж.	Первый чинъ , картина Петербург- ской жизни А. Трофимова.—Комната.	1 ком.	1 ком.	6 пр.	3 ком.
10 м., 4 ж. Дѣт. 1 м. 15 л.	Петербургскій анекдотъ съ жель- цомъ и домохозяиномъ , вод. П. Гри- горьева.—Комната.	1 ком.	—	1 ком., 1 пр., 7.	1 ком., 3.
3 м., 3 ж.	Письмо безъ адреса , вод., перев. съ фр. К. Тарновскаго и Ѳ. Руднева.— Комната. <i>Примѣчаніе.</i> Этотъ же водевиль въ переводѣ П. Каратыгина, называется „Разбитая чашка“.	1 рез.	—	1 люб., 1 пр.	1 gr. d. ком., 1 ing. ком., 1.
3 м.	Плагіать , ком. К. Барапцевича.—Ком- ната („Артистъ“ № 6).	2 ком.	—	1 ком.	—
2 м., 1 ж.	Побѣдителей не судятъ , ком. Н. Самойлова.—Комната.	—	—	1 ком., 1.	1 gr. d. ком.
1 м., 4 ж.	По гнѣздышку и птичка , ком.— Комната, на сценѣ піанино.	1 ком.	1 ком.	—	1 gr. d., 1 ing. ком., 1.
9 м., 5 ж.	Подвижной лагерный сборъ , карт. изъ военной жизни въ 1 д. Н. П. Нейма- на.—Садъ съ домою и бесѣдкой („Театр. Библ.“ № 1).	2 ком.	2 ком.	7 ком.	3 ing. ком.
4 м., 2 ж.	Подозрительная личность , ком.- шутка, перед. съ польскаго В. Владиміро- ва.—Комната. <i>Примѣчаніе.</i> Эта пьеса, въ передѣл- кѣ г. Мансфельда, называется „Отелло Кузьмичъ и Дездемона Панкратьевна“.	1 ком.	—	3 пр.	2 ing.
3 м., 3 ж.	По исполнителному листу , шут- вод. съ куплет. А. Данилова.—Комната.	—	1 ком. (вѣм.), 1 ком.	1 ком., 2.	1 ком.
6 м., 2 ж.	По кровавымъ слѣдамъ , фарсъ въ 1 д. Г. Н. Грессера.—Садъ („Артистъ“ № 10).	2 ком.	1 ком.	2 пр., 1 ком., 1.	1 ing. ком.
3 м., 2 ж. 1 м. 15 л. Вых. 6 м.	Полковникъ новыхъ временъ , или Дѣвица-кавалеристъ , ком.-вод. съ куп- летами, перед. съ фр. П. Григорьева.— Комната. <i>Примѣчаніе.</i> Эта же пьеса въ пере- дѣлкѣ гг. Тарновскаго и Руднева назыв. „Вотъ такъ полковникъ“.	—	—	3.	1 gr. d., 1 ing.
2 м.	Полюбовный дѣлезъ, или Комна- та съ двумя кроватями , водев. съ пѣн., перев. съ фр. А. Андреева.—Комната.	—	—	2 ком.	—
6 м., 7 ж. Дѣт. 1 м. 13 л.	Помолвка въ Галерной гавани , картина Петербургской жизни. В. Щигро- ва.—Комната, на сценѣ плохое фортепіано.	2 ком.	3 ком.	4 пр.	4 ing. ком.
3 м., 3 ж.	По платью встрѣчаютъ , ком. кн. Б. П. Урусова.—Комната.	1 ком.	1 ком. (вѣм.).	1 рез., 1 люб.	1 gr. d. ком., 1 ing. ком.
5 м., 1 ж.	Портретъ , шуточн. сцены Н. Лейки- на.—Комната.	2 рез. ком.	—	2 ком., 1 люб.	1 gr. d. ком.
2 м., 3 ж.	По Сенькѣ шапка , сценка изъ купе- ческаго быта.—Комната.	1 ком. (куп.).	1 ком. 1.	1 ком.	1 ing. ком.
4 м., 2 ж.	По реви́нъ , этюдъ въ 1 д. М. Л. Кропивницкаго.—Изда („Артистъ“ № 14).	2 ком.	1 ком.	2 ком.	1 ком.
2 м., 4 ж., 1 д.	Похищеніе Сильфиды , Ком. въ 1 д. В. Холостова. — Комната („Театральная Библ.“ № 5).	1 ком.	1 ком., 1 драм.	1 ком.	2 ing. ком.
4 м., 2 ж.	Пощечина , ком. съ куплет., перев. съ съ фр. К. Тарновскаго.—Комната. <i>Примѣчаніе.</i> Эта же пьеса въ дру- гомъ переводѣ наз. „Три пощечины“.	—	—	1 люб., 1 пр., 2.	1 ing. ком., 1.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ

ПОЛНЫЕ КОМПЛЕТЫ ЖУРНАЛА „АРТИСТЪ“ ЗА ПРОШЛЫЕ ГОДЫ

продаются въ конторѣ редакціи по слѣдующимъ цѣнамъ:

	Безъ доставки.	Съ доставкой и пересылкой.	Съ пересылкою съ налогомъ на платёжомъ.
6 книгъ 1-го сезона 18 ⁸⁹ / ₉₀ г. (№№ 1—3 и 5—7) (Экземпляры № 4 всѣ распроданы)	7 р. 75 к.	10 р. — к.	10 р. 25 к.
7 книгъ 1890 г. (№№ 5—11).	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 2-го сезона 189 ⁰ / ₁ (№№ 8—14).	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 1891 г. (№№ 12—18).	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 3-го сезона 189 ¹ / ₂ (№№ 15—21).	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
10 „ 1890 г. и 189 ⁰ / ₁ г. (№№ 5—14).	13 „ — „	16 „ 50 „	16 „ 85 „
10 „ 1891 г. и 189 ¹ / ₂ г. (№№ 12—21).	13 „ — „	16 „ 50 „	16 „ 85 „
11 „ 189 ⁰ / ₁ и 1891 г. (№№ 8—18).	14 „ — „	17 „ 80 „	18 „ 20 „
14 „ 1890 и 1891 г. (№№ 5—18).	18 „ — „	23 „ — „	23 „ 50 „
17 „ (№№ 1—3 и 5—18)	22 „ — „	28 „ — „	28 „ 60 „
20 „ (№№ 1—3 и 5—21)	26 „ — „	33 „ — „	33 „ 70 „

Отъ редакціи.

Редакція и контора (Москва, Кудринская Садовая, домъ Бартельсъ) открыта ежедневно, отъ 11 до 3-хъ часовъ дня, а по воскресеньямъ отъ 12 до 1 часу.—Личныя объясненія съ редакторомъ по четвергамъ отъ 12 до 1 часу дня.—Редакція отвѣчаетъ только на тѣ письма, къ которымъ приложены почтовые марки.

За перемѣну адреса уплачивается 25 коп. Билеты на получение журнала высылаются только тѣмъ иногороднимъ подписчикамъ, которые приложатъ при высылкѣ подписки—19 коп. почтовыми марками.

Жалобы на неполученіе какой-либо книги журнала обращаются исключительно въ редакцію, съ указаніемъ номера, напечатаннаго на адресѣ подписчика и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала не была получена.—Жалобы должны быть сообщаемы въ редакцію не позже полученія слѣдующей книги.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка по 50 коп. съ годового экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставленнымъ ими подпискамъ не допускается.

Доставленные въ редакцію статьи должны быть подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ.—Статьи, присланныя въ редакцію безъ обозначенія условій гонорара, считаются бесплатными.—Гонораръ уплачивается только за статьи, уже напечатанныя въ журналѣ, и уплачивается по истеченіи двухъ недѣль со дня выхода книжки. Авансы не выдаются.—Сочиненія, принятые для напечатанія въ журналѣ, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.—Сочиненія, признанныя редакціей неудобными къ помѣщенію въ журналѣ, возвращаются авторамъ безъ объясненія причинъ.—Обратная пересылка такихъ произведеній ихъ авторамъ не производится на счетъ авторовъ.—Сочиненія, признанныя редакціей неудобными для напечатанія въ журналѣ, хранятся въ редакціи втеченіе шести мѣсяцевъ и затѣмъ уничтожаются; мелкія же статьи, объемомъ менѣе печатнаго полулиста журнала, храненію не подлежатъ.

Гг. артисты, ищущіе ангажемента, благоволятъ присылать въ редакцію свои заявленія, которые бесплатно печатаются въ журналѣ.

„АРТИСТЪ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „Дневника Артиста“

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМЪСЯЧНО ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

Съ сентября по апрѣль выходятъ книжки „Артиста“ въ 25—35 листовъ, а съ апрѣля по сентябрь въ томъ же форматѣ и по той же программѣ—„Дневникъ Артиста“ книжками отъ 5 до 8 лист.

Подписная цѣна на годъ съ января (7 кн. «Артиста» и 5 кн. «Дневника Артиста») — 10 р., съ доставкой и пересылкой 12 р. за границу—14 р.

Вмѣстѣ съ „Театральной Библиотекой“ на годъ (7 книгъ „Артиста“, 5 кн. „Дневника Артиста“ и 12 книгъ „Театр. Библиотеки“) 13 р., съ перес. 16 р.

Для лицъ, подписавшихся въ редакціи, допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 4 руб., и затѣмъ ежемѣсячно по 2 руб. до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ вмѣстѣ съ „Театральной Библиотекой“—при подпискѣ 5 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 3 р. до полной уплаты всей суммы.

Для учащихъ въ специально-театральныхъ, музыкальныхъ и художественныхъ школахъ подписная цѣна на „Артистъ“ на годъ 9 р., съ пересылкой 10 р.

Отдѣльные номера „Артиста“ по 2 рубля,
„Дневника Артиста“ по 1 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются съ платою за каждый разъ 25 руб. за цѣлую страницу; 15 руб. за половину; 10 р. за $\frac{1}{4}$ и 5 р. за $\frac{1}{8}$ страницы.

„Театральная Библиотека“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

ПРОГРАММА.

1) Драматическія произведенія (трагедіи, драмы, комедіи и водевили), одобренные драматическою цензурою для представленія безусловно; 2) монологи, сцены и стихотворенія, одобренные драматическою цензурою къ публичнымъ чтеніямъ; 3) практическія указанія режиссерамъ.

Въ каждой книгѣ помѣщается отъ 4 до 8 актовъ драматическихъ произведеній.

Отдѣльные номера—1 руб.

Цѣна за томъ (4 книжки)—3 рубля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12 мѣс.	На 8 мѣс.	На 4 мѣсяца.
Безъ доставки	3 руб.	2 руб.	1 руб. 50 к.
Съ доставкой	4 „	3 „	2 „ — „

Подписка принимается только отъ подписчиковъ на журналъ „Артистъ“.

Разсрочка на „Артистъ“ и „Театральную Библиотеку“: при подпискѣ 5 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 3 р.

Подписка принимается и отдѣльные номера продаются въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, д. Бартельсъ), въ отдѣленіяхъ конторы: въ кн. маг. „Новаго Времени“, Карбасникова и Т-ва Вольфъ и въ конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и, кромѣ того, въ книжной лавкѣ Московскаго Большого театра, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и эстампныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; въ Кіевѣ у г. Оглоблина; въ Казани у г. Дубровина; въ Костромѣ у г. Бекенева; въ Варшавѣ у г. Карбасникова; въ Орлѣ и Курскѣ у г. Кашкина.

Иногородніе благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.